UNIVERSITATEA DE STAT DIN MOLDOVA

MOLDOSCOPIE

(PROBLEME DE ANALIZĂ POLITICĂ)

Nr.1 (XLVIII), 2010

REVISTĂ ŞTIINȚIFICĂ TRIMESTRIALĂ

CHIŞINĂU – 2010
CEP USM

MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). – nr.1 (XLVIII), 2010. - Chişinău: CEP USM, 2010. – 200 p.

Ideile şi opiniile expuse în materialele prezentate aparțin autorilor
şi nu reflectă neapărat punctul de vedere al colegiului de redacție

Articolele apar în redacția autorilor, sunt recenzate

versiunea electronică:
http://www.usm.md/?mode=437

ISSN 1812-2566

S U M A R

SUMMARY

Compartimentul
SOCIOLOGIA POLITICĂ

КОНФИГУРАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В ГРУЗИИ

Гиа ЖОРЖОЛИАНИ
Грузия, Тбилиси, Тбилисский Государственный университет им. Иване Джавахишвили.
Профессор, доктор исторических наук.

Марина МУСХЕЛИШВИЛИ
Грузия, Тбилиси, Центр Общественных Исследований.
Директор

Георгий БАНДЗЕЛАДЗЕ
Грузия, Тбилиси, Государственный Университет им. Ильи Чавчавадзе.
Докторант

Dramatic political changes that unfolded in Georgia during last 20 years included civil wars, lost territories, political system transformation, several changes of ruling elites and several stages of mass mobilization. Nevertheless, structure of power relations till now preserves basic features and characteristics of the "old regime". Leverages of power are strongly concentrated at the top of the system, in the hands of the president. Horizontal and vertical divisions of power are weak. Economic benefits to great extend follow from the political influences. Ruling parties tend to merge with the state, producing the same type of party-state arrangements that existed before. Such parties disappear when not in power. Oppositional parties exist but do not play any significant role. Opportunistic behavior and intrigues substitute for the plurality of representations and coherent policy making.

Карл Маркс в свое время утверждал, что базис определяет надстройку и что экономические отношения формируют политические воззрения. Макс Вебер, напротив, считал, что культурные ценности определяют экономические отношения. Современный исследователь Рональд Инглехарт, опираясь на обширные социологические данные, утверждает, что они оба правы и не правы одновременно: политические, культурные и экономические изменения влияют друг на друга, происходят параллельно и формируют определенные связные модели, различные для различных стран и цивилизаций.

Политическая система Грузии состоит из ряда взаимосвязанных характеристик, которые определяются, и, в свою очередь, определяют, характер социальных, экономических и культурных параметров общества. Эти взаимосвязанные характеристики формировались и формируются исторически, зависят от пройденного пути и меняются довольно медленно: даже если один параметр резко изменился, остальные окажут влияние на его реальное функционирование и значение. Сущностные изменения происходят постепенно, со сменой поколений и взаимопроникающей трансформацией всех характеристик системы.

Тем не менее, изменения происходят, и все параметры вместе могут эволюционировать в том или другом направлении. Важно знать, каково это направление и какие факторы определяют преобладание тех или иных изменений.

Далее, будут описаны те параметры политической системы Грузии, которые представляются ее более или менее устойчивыми характеристиками. В сочетании друг с другом они образуют модель, которая, в свою очередь, связана с политический культурой и экономикой страны. Многие из них в ближайшие годы могут измениться в лучшую или худшую сторону. Так, выборы могут стать более стабильным и регулярным способом смены власти, а могут пойти по направлению ухудшения и потери своего значения. Партии могут с течением времени развиться в более репрезентативные институты власти, либо могут ослабнуть и вообще потерять свою роль института медиации. Конституция может стать «рабочей» и обеспечить сдержки власти президента, либо может развиться авторитаризм в чистой форме. Все это и многое другое взаимосвязано с характером развития экономики, трансформацией политический культуры, ростом либо снижением неравенства, урегулированием территориальных конфликтов и др.

Помимо внутренних характеристик общества на трансформацию политической системы влияет и внешняя среда. Для Грузии, маленького и бедного государства, вызовы глобализации и геополитический расклад играют, возможно, наиболее решающую роль в определении того, в каком направлении будет происходить ее развитие. В дальнейшем будут проанализированы внешние вызовы и их взаимосвязь с возможными направлениями эволюции политической системы Грузии.

Политическая система Грузии

Грузия за последние 15-20 лет преобразований сменила несколько политических режимов, изменила конституционное устройство, прошла через гражданские войны и потерю контроля над частью территорий. Тем не менее политическая система Грузии имеет характеристики, которые в течении этого времени проявляли устойчивость и способность к самовозоб-

новлению. Власть в Грузии концентрирована, централизована и персонифицирована. Президент страны несет полную и практически единоличную ответственность за все принимаемые политические решения и за функционирование государственного аппарата в целом. Территориальное деление полномочий практически отсутствует, местное самоуправление неразвито, регионы слабы и зависимы от центральной власти. Президент полностью контролирует деятельность правительства.

Распределение властных полномочий между президентом, правительством и парламентом слабо выражено и, в случае потери президентом контроля над парламентом либо правительством, наступает системный кризис. Судебная власть не имеет независимости и не может служить сдержкой центральной власти, обеспечивая главенство закона. Участие в политике приносит значительные экономические дивиденты; экономическая деятельность сильно зависима от клиентелистских связей с властью и обеспечивается в значительной степени коррупционными механизмами. Власть подобной конфигурации осуществлается в значительной степени через механизмы правящей партии, основанной на принципах демократического централизма и опирающейся на административный ресурс. Функционально правящая партия является управленческой и имеет тенденцию к исчезновению в случае утраты власти. Партии и президенты из власти не переходят в оппозицию а сходят с политической арены теряя легитимность, сама же смена власти происходит радикально-революционным путем. Несмотря на полноту концентрации власти в одном властном центре, общество, тем не менее, сохраняет способность к автономному формированию оппозиционных настроений и движений, ведущих к протестным выступлениям и периодической смене непопулярного режима.

Существуют разнообразные оппозиционные партии и политические акторы, играющие роль революционных (системных, радикальных) оппонентов власти. В условиях поляризованного политического плюрализма оппозиционные партии практически не участвуют в принятии политических решений, а направляют свою деятельность на свержение существующей власти. Параллельно с маргинализацией скомпрометировавших себя политических акторов (бывшие коммунисты, звиадисты, партия Шеварднадзе) происходит постоянное появление новых политиков и партий, долговечность которых напрямую связана с их пребыванием в оппозиции. Кроме оппозиционных партий подобную роль играют СМИ и общественные организации.

Источники финансирования этих организаций независимы от власти (бизнес, международное сообщество). Общество, сохраняя потенциал к свержению непопулярной власти, практически не вовлечено в формирование политики, стратегии, защиту прав и интересов, участие в правлении.

Политические общественные институты (партии, НПО) имеют мало членов и активистов. Ответственность за решение общественных проблем практически целиком возложена на центральную власть. Политический дискурс вертикален, горизонтальная составляющая этого дискурса практически не выражена. Курс развития страны связан с ее внешней ориентацией и лежит практически в сфере консенсуса общества. Это курс на про-западное развитие, демократию и интеграцию с западом (Европа, НАТО). Отношения с Россией в данной связи рассматриваются как тактические, а не стратегические. Ввиду того, что политические реформы планируются и осуществляются, исходя из этой внешней ориентации, они слабо отражают состояние общества, что не дает развиться конкуренции между различными стратегиями политического развития. Борьба за власть является «вещью в себе», не отражая различия в подходах и програмных приоритетах, оставляя базисные проблемы общества нерешенными [14, 145-148].

Централизация и концентрация власти

На сушность и характер политической власти в постсоветской Грузии определяюшее влияние имели тенденции централизации и концентрации власти, сложившиеся в советской системе государственного правления.

1.1. Централизация

Территориальное распределение власти в Грузии слабо выражено; президент страны стоит во главе пирамиды власти, спускающейся до самого низов упавления.

Конституция Грузии 1995 года, ввиду неразрешенности территориальных конфликтов, обошла стороной вопрос территориально-административного устройства страны и ограничилась только общими положениями, реализация которых должна была быть увязана с определением статуса Абхазии, Южной Осетии и Аджарии. В будущем предвиделось создание двухпалатного парламента и деление Грузии на регионы (около 10 единиц) вместо районов (около 80 единиц). В качестве временной меры, обеспечивающей управление регионами, были назначены полномочные региональные представители президента страны - внеконституционный орган, имевший большие полномочия. После «Революции роз» и известных событий в Аджарии институт полномочных региональных представителей был сохранен, а вопрос территориального устройства и децентрализации власти опять отложен.

Более динамичным было развитие и трансформация институтов самоуправления и представительных органов управления на местах. С 1998 года было введено местное самоуправление. В определенном смысле это самоуправление активизировало общественную жизнь на местах и создало ба-

зис для местной демократии. Однако в целом оно не сработало эффективно по нескольким причинам. Во-первых, местная экономика нуждается в радикальных реформах и преобразованиях, частью которых является прояснение прав собственности – что принадлежит различным уровням власти, местным сообществам и жителям. Эти вопросы не были решены. Не был обеспечен также экономический фундамент функционирования власти на местах. Децентрализация полномочий не была подкреплена соответствующими механизмами реализации и контроля. Закон о местных выборах, основанный на партийном представительстве в сочетании с бедностью на местах привели к сильной политизации органов власти.

Несмотря на то, что местные выборы 1998 года и 2002 года показали, что оппозиционные партии легче достигают представительства на местах чем в центре, местные органы власти всегда легко контролировались и управлялись властями, тем более, что ключевые посты оставались назначаемыми. Однако обязательства властей, взятые после «революции роз» перед Советом Европы подразумевают реальную децентрализацию на местном уровне.

Новый закон о местном самоуправлении отличается от предыдущего в первую очередь тем, что он упраздняет нижний уровень самоуправления – села, города, деревни. Остаются лишь районные представительские органы, система выборов в которые дает преимущества наиболее сильной партии – в данной ситуации, партии власти. Таким образом, можно сказать, что тенденция сильной централизованой власти сохраняется.

Тенденцию централизации в политической системе Грузии усиливают следующие факторы:

Принцип демократического централизма, сформулированный Лениным еще во время его дискуссии с меньшевиками и подразумевающий принятие решения центральным органом партии по местным вопросам (например, выдвижение кандидата в депутаты по избирательному округу), оставляя местным органам лишь права выдвижения инициативы или предложения, перекочевав и утвердившись в советской политической системе партии – государства, остается одним из основополагающих принципов организации и осуществления правления (власти) в постсоветской Грузии. Генетически зависимая инерция проявляется как в общей ментальности, ожиданиях и мотивациях правящих и управляемых в центре и на местах, так и в институциональном упорядочении взаимоотношений и формировании власти обоих уровней. Учитывая тенденцию к концентрации власти, функцию власти на месте олицетворяет не избираемый совет, с нечетко определенными незначительными полномочиями и скудными (если не сказать – ничтожными) финансовыми ресурсами, а гамгебели (глава исполнительной власти района), который теперь уже по новому закону не бу-

дет напрямую назначаться, но на избрание и деятельность которого, предположительно, президент сохранит достаточно влияния. Принятые недавно законодательные положения вносят определенные изменения в существующий порядок, однако суть может остаться прежней.

Слабая экономика (в лучшем случае, заводы и фабрики работают на 10-15% своей традиционной мощности, а большинство – остановились) предопределяет сильную зависимость регионов от центра. Деградация советской индустриальной экономики резко снизила экономическую активность и, соответственно, объем экономики. Традиционные индустриальные города Рустави, Кутаиси, Зестафони, Чиатура, а также центры перерабатывающей и легкой (в основном, аграрной) промышленности, потеряв свою привычную функцию, не могут найти механизмы улучшения экономического положения. В аграрных регионах все больше распространяется тип современного натурального хозяйства, ориентированного не на товарное производство, а на самопотребление.

Слабая экономика не предоставляет возможность формирования сколько-нибудь значимых региональных элит, способных репрезентировать местное общество и вступать в конкуренцию с политическими и бизнес-фигурами из центра (подавляющее большинство депутатов, выбранных по мажоритарным округам, живут и работают в Тбилиси, а не в соответствующих округах). Особенно сильный удар по региональным элитам нанесла деиндустриализация, оставив без функции и статуса инженерно-техническую интеллигенцию и практически уничтожив возможности ее трансформации в современные «белые воротнички» (менеджерского и технократического слоя).

Существующая экономическая ситуация (ведущая к очень высокому уровню безработицы), как и политическая (незначительность местных управленческих и государственных учреждений) мотивируют трудоспособное население, и особенно молодежь к миграции. Часть мигрирующих отправляется за границу, другая же пополняет ряды безработных (или работников малопрестижных профессий) столицы Грузии. Вызванная неразвитостью экономики и маргинальностью социально-политической жизни миграция в центр (Тбилиси), еще более усугубляет слабость местных сообществ, и практически сводит на нет возможность роста местного экономического и культурно-политического потенциала, способного поколебать и так довольно сильную тенденцию к централизации.

Процесс глобализации способствует усилению тенденции централизации, так как его (процесса глобализации) вызовы (языковый, информационный, технологический, экономический, коммуникативный) требуют доступ к соответствующим ресурсам и сетям, который (доступ) несравненно легче реализуется в центре, чем на местах (в подавляющем большинстве

случаев такой доступ на местах практически нереализуем). В то же время, ответы на вызовы глобализации требуют объединения ресурсов и усилий, что также позитивно коррелирует с тенденцией централизации.

Страх расчленения государства – этническая неоднородность территорий также усиливает тенденцию централизации власти. Децентрализация осмысленно или подсознательно связывается с автомистской и сепаратистской тенденцией. Как примеры Абхазии и Южной Осетии, так и существование ныне неактивно сепаратистских регионов компактного расселения армян и азербайджанцев способствуют поддержанию подобного понимания вещей. Считается, что увеличение автономности территорий и соответственное расширение полномочий местных органов власти и институтов обязательно будут усиливать сепаратистские настроения, так как значимость этнической идентичности превалирует над гражданской в условиях недостаточно консолидированной политической общности этнически неоднородного населения новообразованного грузинского государства. Имея в виду, что отношение ко всем регионам должно быть одинаковым, универсалистский подход к институциональному устройству предполагает подобное же отношение к этнически чисто грузинским регионам.

Централизацию усиливает контрустановка к внешнием угрозам государственности Грузии. Модель централизации поддерживает также общественное мнение, считающее, что эта модель гораздо более эффективна для отражения внешних угроз, чем децентрализованная (политическая) управленческая система. Считается, что недоброжелательные внешние силы легче могут реализовать свои интересы и намерения в отношениях с отдельными автономными от центра регионами, очевидными примерами чего воспринимаются не только Абхазия и Южная Осетия, но и Аджария во время режима Аслана Абашидзе. Однако, наряду с существованием реальных вызовов, в общественной ментальности утверждается и облик постоянной перманентной внешней угрозы (в первую очередь в лице России), противостоять которой новая и хрупкая государственность может только едиными, всеобщими усилиями, направляемыми централизованной политической волей: самоочевидно – война требует единоначалия.

Централизованную модель поддерживает и легитимация власти через ее идеологию. Идеология «демократии», являясь внешним по отношению к обществу (не создаваемая, как система ориентиров и норм, обуславливающих общественную жизнь и определяющих направленность общественно-политического дискурса и поведения), логически обуславливает ее легитимацию не через данное общество, а через другой источник – это может быть «международная прогрессивная общественность» (как в советские времена), «передовой Запад», «демократические силы», или «истинной научной теорией» (опять можно провести параллель с «теорией науч-

ного коммунизма»). Очевидно, что подобного типа идеология может функционировать эффективно лишь в централизованной политической системе и лишь вертикально: сверху вниз.

Какие тенденции могут способствовать ослаблению централизаторской тенденции?

Весомую (но не определяющую) роль может сыграть соответствующий нажим со стороны Европейского Союза (евроструктур). Также весьма существенен общественный настрой к децентрализации на местах, к которому толкает неэффективность централизованной власти. Постсоветский опыт 15 лет показывает, что существующая централизованная политическая система неэффективна и не может решать насущные проблемы местной жизни, а децентрализованная модель хотя не испробована, но именно поэтому нет опыта ее неэффективности в действительности

1.2. Концентрация власти

Традиция советского демократического централизма, в значительной степени обусловившая централизацию власти в постсоветской Грузии, содержала в себе не только тенденцию к централизации, но и к концентрации власти. Обе эти тенденции обуславливали одна другую.

Под концентрацией власти следует понимать единость и неделимость власти, воссоединенность традиционно (в правовых государствах) разделенных ветвей власти (законодательной, исполнительной, судебной), с превалированием исполнительной. Подобное институциональное устройство власти можно назвать неконституциональным, так как классический тип разделенных ветвей власти обычно называют конституциональной властью. В подобной ситуации практически не может быть реализован принцип горизонтальной подотчетности разных институтов власти на центральном уровне. Власть едина и в вертикальном (централизация) и в горизонтальном (концентрация) измерениях.

Концентрации власти способствует и новый постсоветский неконституционализм, который поддерживается не только вышеупомянутым превалированием неформального порядка над формальным, но и рядом формальных правил.

В первую очередь, следует упомянуть систему президентского правления. Конституция Грузии 1995 года, хотя и была построена на принципах конституционных сдержек и противовесов, давала весьма широкие полномочия президенту страны, который одновременно являлся и главой государства и главой правительства. Поправки к конституции, последовавшие вскоре после «Революции роз» еще больше усилили (и вместе с тем, формализовали данное усиление) и так превалирующую власть президента. Введение поста премьер-министра не сократило полномочия президента в

пользу правительства, а наоборот сделала его власть более устойчивой к политическим и социально-экономическим вызовам, позволяя президенту избегать ответственности при неудаче проводимой политики. Нововведенное право президента распускать парламент еще больше ослабило роль парламента и способствовало концентрации власти в руках президента [5].

Слабость парламента, что, несомненно, способствует концентрации власти, косвенным образом обусловлена и существующей избирательной системой менее половины членов парламента избиралосъ по партийным спискам (что, в свою очередь, косвенно воздействует и на мажоритарный тип выборов 1/3 по одномандатным округам – большинство мажоритариев также подпадает под специфическое партийное влияние). Принцип формирования партийных списков вполне отражает принцип организации партий (который соответствует принципу «демократического централизма» организации власти); в случае победы в парламенте партии президента и образования им парламентского большинства парламент полностью инкорпорируется в концентрированную единую президентскую властную вертикаль. Все три президента Грузии (Гамсахурдиа, Шеварднадзе, Саакашвили) имели в парламенте большинство, получившее название «молчаливое», следуя вышеназванной модели поведения.

В силу сложившейся постсоветской традиции, частично зависимой от советского образца, а частично от новых формальных и неформальных порядков, власть в Грузии олицетворяет президент, парламент воспринимается больше как подчиненная (в лучшем случае – встроенная) неавтономная структура, а судебная система - не как (независимая) ветвь власти, а как часть администрации (наравне, например, с министерствами).

Легитимация власти происходит не через участие (демократическая легитимация), а через эффективность ее функционирования. Подобный способ легитимации способствует концентрации ответственности власти, единственной и главной целью которой становится добиться эффективных результатов своих решений (действий), игнорируя формальные институциональные порядки и процедуру. Ответственность и полномочия совпадают, и срастаются в олицетворяющую власть фигуре президента, который, следовательно, концентрирует в своих руках (или в личном окружении) механизмы принятия политических решений, часть из которых формально не подлежат его компетенции. Такая ситуация была характерна для всех трех президентов.

Следовательно, если концентрация власти ослабевает в подобной политической системе, падает уровень эффективности принятия решений (или принятых решений), и соответственно снижается уровень легитимности (малоэффективной) власти. Когда неэффективность достигает критического уровня, уровень легитимности устремляется к нулевому, и непод-

чинение нелегитимной власти становится легитимным в понимании значительной части общества: раз власть нелегитимна, против нее можно действовать нелегитимными методами и все действо может считаться легитимным (свержение Гамсахурдиа и Шеварднадзе [3]).

Способствует концентрации власти в постсоветской Грузии и тот фактор, что не существует автономная и профессиональная государственная бюрократия. Этому способствует в свою очередь, как историческая традиция (новая государственность), так и постсоветский неформальный порядок и политизированность государственного аппарата. Отсюда доминирование принципа «победитель получает все», подразумевает, что пришедшая к власти партия основательно «перетряхивает» госаппарат, рекрутируя свой верный политактив. Клиентелизм еще больше ослабляет автономность бюрократии. Неавтономная бюрократия не ответственна, целиком зависима от политического руководства и не мотивирована принимать самостоятельные решения (в рамках своей компетенции, что вызывает ситуацию, когда решения разных уровней принимаются на несоответственно высоком уровне политического руководства. Это происходит не только по вертикальному, но и по горизонтальному измерению. Наряду с вертикальной осью, появляется и пирамида.

Внешние угрозы также поддерживают тенденцию концентрации власти. Поскольку внешний вызов угрожает целостности и функционированию всей системы, политическая система как единое целое реагирует, собирая все ресурсы системы, старается концентрировать их.

В данных условиях все больше теряется суть демократии, как метода (как определял ее очень удачно один из глубочайших теоретиков демократии К.Шумпетер [13]), и вперед выступает оголенный нормативный аспект, принимая форму идеологии, мобилизующей разные политические силы и группы. Международное сотрудничество части таких групп часто напоминает действия известных ранее революционных интернационалистов [9].

"Внешняя" и "внутренняя" легитимации режимов и их политических действий в современном мире, вообще, становятся сильно взаимосвязанными (по сравнению с предыдущими периодами истории). Основой легитимации становится оценка результатов, как и самого политического процесса т.н. мировой общественностью. Легитимность результатов основывается не на их признании самим народом, а внешними акторами.

Тенденции, которые могут ослабить концентрацию власти, следующие:

Борьба за власть между различными группами, представленными во власти может ослабить концентрацию власти. Противостояние между разными группами в любом случае будет уменьшать эффективность функци-

онирования власти и на определенном этапе, при усилении борьбы за власть, может вызвать и ослабление всего режима, может быть даже до критического уровня, когда часть борющихся может дистанцироваться от верховной власти, вплоть до ухода в открытую оппозицию (так было в последние два года правления Шеварднадзе).

Однако, эта тенденция прямо не воздействует на систему и в случае определения исхода борьбы в пользу одной из групп, ею (победившей группой) опять будет поддерживаться тенденция концентрации власти (пример Саакашвили). Контртенденция (деконцентризм) может быть устойчивой лишь в том случае, если пришедшие во власть изначально составляют разные группы, опирающиеся на эксклюзивные (например, Аджария Абашидзе) и сопоставимые ресурсы. Очевидно, что тенденции деконцентрации будут способствовать также парламентская система, развитое и эффективное самоуправление (усиление тенденции децентрализации), и шаги в сторону установления верховенства закона (приоритет формальных порядков над неформальными – Rule of Law).

Активность и усиление оппозиции, если она находит весомую поддержку общества, обеспечивает утверждение плюралистских позиций по насущным вопросам политической повестки, и, соответственно, способствует делегитимации официальной идеологии (как минимум – как единственно легитимной). В то же время, если подобная поддержка значима, некоторые группы власти, обладавшие не очень сильными позициями и стараясь улучшить свое положение, будут расположены использовать общественное настроение как ресурс для своего усиления и могут взять на себя функцию репрезентации этих настроений. В случае определенного (значимого) успеха подобной группы, эрозия единой идеологической основы легитимации, соответственно будет негативно воздействовать на тенденцию концентрации власти. В случае же неспособности такой группы усилить свое положение во власти, она (или вся – или значительная ее часть) может вовсе уйти из власти в оппозицию со своими ресурсами, и, усилив внешнее (общественное) давление на власть, увеличить возможности оппозиции, подвергнуть вызову также и эффективность власти, что, в свою очередь, также будет поддерживать тенденцию деконцентрации.

Контртенденцией концентрации власти может быть стремление к большему самоуправлению, что может наблюдаться (и уже наблюдается) при все более усиливающейся малоэффективности централизованной и концентрированной власти и роста общих протестных настроений.

Плодотворную роль в ослаблении тенденции к концентрации власти и соответствующее давление со стороны европейских структур (утверждение реального самоуправления, независимость судебной власти…). Однако, данное давление может способствовать реальным результатам в этом

направлении лишь при соответствующей общественной и политической поддержке. В противном случае, некоторые измененные формальные правила могут легко адаптироваться к доминирующим неформальным порядкам.

1.3. Единоличная власть

Президент Грузии является символом и гарантом основного курса развития, которым идет страна. Его личные и политические качества идентифицированы определенным образом с этим курсом. Подобную идентификацию обеспечивает доминантная идеология, при различных режимах – различная. В советское время подобную идентификацию Генерального секретаря ЦК КПСС с курсом на коммунистическое развитие обеспечивала легенда о том, что он является лучшим теоретиком научного коммунизма и гарантом правильности взятого курса развития. Затем национально-освободительное движение сформировало идеологию возвращения к национальной идентичности через независимость; Звиад Гамсахурдия до сих пор является для многих чистым образом истинно грузинский идентичности и патриотизма. Шеварднадзе олицетворял антиполитичность, возврат к прагматичности и рациональности, сохранения стабильности против разгула преступности и дрязг политически непримиримых противников и затратил несколько лет на то, чтобы остаться единоличным правителем (избавиться от Китовани и Иоселиани). После «Революции роз» к власти пришел триумвират, олицетворявший направление развития на реформы, демократию и приближение к Западу. Однако в первые же месяцы правления власть оказалась концентрирована в руках президента, и гибель Жвания по существу мало что изменила. Президент Саакашвили имеет западное образование, поддерживается Западом и потеря им имиджа демократа, которая постепенно происходит под давлением общественного мнения, лишь ослабляет эффективность власти, не снимая с Сакашвили ответственности за действия его окружения.

Легитимация власти единой доминантной идеологией требует одного центра принятия «правильных» решений. Политические решения могут быть только «правильные». Но не могут быть компромиссом двух или более политически различных взглядов на проблему. Это избавляет президента от необходимости обращать внимание на своих оппонентов. Президент в определенном смысле является экспертом в осуществлении преобразований, курса, в котором равно заинтересовано все общество. Конфликт интересов и мнений по поводу возможных различий в направлении курса развития и его приоритетов нелегитимен, ввиду того, что основан на «субъективных» подходах в противовес предполагаемо существующему «технократически» выверенному решению. Поэтому консультации с оппо-

зицией могут иметь статус только слабости, но не разумности. Оппоненты в лучшем случае несущественны, в худшем случае мешают продвижению вперед.

Партия власти подчинена авторитету лидера, ключевые фигуры в ней распределяются по принципу политической личной преданности. Принцип демократического централизма сохраняется с советских времен. Финансы, генерируемые почти исключительно теневым образом, централизуются и контроль над ними является обязательным элементом единоличности правления. Назначения на должности в партии, государственном аппарате, распределение мест в избирательном списке и другие ключевые посты решаются на самом верху.

Преобладание единых стратегий развития общества над интересами и особенностями тех или иных социальных групп таким образом способствует усилению единоличности правления. Строгая мажоритарность системы, в которой конкретные частичные интересы политически нелегитимны, связана также с произвольностью законотворчества. Суть и содержание закона диктуют внешние по отношению к обществу цели развития. Гражданин является объектом, а не субъектом закона. Такое понимание закона в целом традиционно, однако в конкретных случаях в настоящее время генерирует протесты.

Более коллегиальный и консенсусный стиль руководства может возникнуть в случае институционализации конкурентной борьбы различных политических группировок и создания обстановки большего плюрализма в принятии решений. Подчеркнем, что здесь не подразумевается возможный раздор в правящей группировке. В случае подобного раздора не существует институционального механизма решения конфликта. В крайнем случае президент может распустить парламент или не сможет принять те или иные решения, однако механизмы переговоров и компромисов весьма слабы. Ослаблению единоличности правления может также способствовать развитие и профессионализация государственного аппарата, который, по мере ослабления своей политизированности и сращенности с политическим руководством, может образовать корпоративистские связки с общественными силами и группами, которые будет труднее подвергать манипуляции.

Оппозиционные партии в основном построены по тому же принципу единоличного правления, вне зависимости от того, какова их идеологическая направленность.

Наиболее стабильным и долгосрочным гарантом ослабления единоличности правления могут быть два фактора – снятие (ослабление) внешних угроз, решение территориальных конфликтов и преодоление крайних форм бедности в обществе. Снятие внешних угроз ослабит ведущую роль

коллективных стратегий развития и выживания общества, направив вектор политической борьбы на внутренние проблемы и противоречия. Решение территориальных конфликтов связано с этой проблемой, но также может дать как результат более широкое распределение полномочий и властных функций между территориальными субъектами, что создаст «точки вето» принятия решений. Наконец, преодоление крайних форм бедности связано с обретением основной массой населения определенных позитивных социальных идентичностей и выхода их из состояния деклассации. В таком случае эти слои населения обретут более весомую роль во внутренней политике страны, и более активно потребуют социальную репрезентацию и плюрализм.

1.4. Партия власти, которая распадается сразу после ухода из власти

Популярное среди исследователей современного институционалистского направления понятие Path dependence (зависимость от прошедшего пути, наследия) [12; 11], может быть, плодотворно и эффективно использовано для объяснения и анализа роли и функции политических партий в современной Грузии. В отличие от традиционных европейских политических партий, определяемых, в первую очередь, через репрезентацию, представительство соответствующих групп общества, их интересов и легитимирующих свое место и функционирование массовостью и связями с общественными группами на протяжении всего политического процесса, в политической ментальности современной Грузии проявляется сильная зависимость от советского понимания партии, как "авангарда общества", руководящей силы, ведущей народ к прогрессу.

Одним из главных институтов, обеспечивающим работу централизованной, единоличной и концентрированной власти является правящая партия или партия власти. При помощи политической партии власти осуществляется контроль над правительственными ресурсами. Как и при советской власти, партия олицетворяет само государство. При этом, ни одна из таких партий (из тех которые когда либо пребывали во власти) не смогла продолжитъ своего существования после ухода из власти. Они либо прекращали существование, либо превращались в маргинальные объединения, у которых не оставалось ни малейшего уровня легитимации со стороны общества.

После распада Советского Союза комунисты были изгнаны из Верховного совета Грузии и в глазах общества обрели имидж маргинальной, старомодной и антинациональной политической силы, несовместимой с новыми реалиями и представлявшей угрозу для «самого ценного», чем тогда являлась новообретенная независимостъ. На обломках коммунистической

партии возникли другие образования, но они также не поднялись выше маргинального уровня.

Примерно то же произошло позднее и со сторонниками первого президента Грузии З.Гамсахурдиа. Те из них, кто никогда не смог признать легитимность новой власти, оказались за бортом политики: парламент 1992 года включал всех минус звиадистов; тех же, кто все-таки решил примириться и участвовать в политике, не пустили в парламент 1995 года. Эти силы «выстрелили» во время «Революции роз», взяв реванш за переворот 1991 года. Следует также отметить, что краткость правления З.Гамсахурдия не в последнюю очередь объясняется тем, что «Круглый стол» не успел преобразоваться в полноценную партию власти: старые номенклатурные государственные чиновники оставались на своих местах и президент страны не имел достаточного влияния на них через механизмы партийной дисциплины.

В отличие от «Круглого стола» - правящей силы времен Гамсахурдия - партия Шеварднадзе «Союз Граждан» была создана специально как партия власти, для обеспечения управляемости государства. Представители этой партии в течение многих лет владели всеми механизмами государственной власти и, соответственно, обладали всеми ресурсами для того, чтобы укрепить партию. Ее распад начался в тот период, когда настала пора бороться за то, чтобы оказаться у власти после Шеварднадзе. Многие вовремя отколовшиеся ее части сумели вновь подняться на волне революции. После ухода Шеварднадзе со сцены остатки «Союза граждан», как партия, вряд ли продолжила бы существование в какой-либо форме. Однако, смена власти путем революции усугубила глубину падения: партия не ушла с политической сцены, а была изгнана с тем, чтобы олицетворять все то плохое, «что никогда не должно повториться».

«Национальное движение» функционально также является правящей партией, и тем самым ничем не отличается от своих предшественников. После «Революции роз» в краткие сроки государственные чиновники были массово заменены новыми партийными кадрами. Таким образом, учитывая определенную стабильность грузинской политической системы (уровень повторяемости установившихся традиций, какими дефектными бы они ни были), существует большая вероятность того, что «Национальное движение», в случае переизбрания или потери власти каким-то другим способом, не избежит такой же фатальной судьбы.

Уместно предположить что определяющим фактором для нежизнеспособности правяших партий вне власти, а также закономерность их появления при каждом режиме является сама сущность этих политических сил, также как и сущность политической системы в целом. Таким образом, логично предположить что анализируя их сущность и характеристики, и вме-

сте с тем учитывая модель их функционирования во власти, мы сможем проанализировать и те причины, из-за которых они сперва образуются, а затем прекращают существование сразу после ухода из власти.

Советская традиция – это партия-государство: шестая статья конституции закрепляла ведущую и направляющую роль партии. Партия была необходима для руководства государством на всех уровнях (а не только на верхнем уровне принятия решений, как это бывает в конституционно-демократических государствах) и ее стабильное сосуществование с государственным аппаратом обеспечивало, тем самым, и стабильность государства. Такая партия не имела функций, которые могли бы быть осуществлены вне пребывания во власти, например, в оппозиции.

Понятно, что переход к многопартийности и разделение государства и партии должны были изменить (и во многом изменили) подобное институциональное устройство. Однако ряд факторов, как остаточного свойства, так и нового характера, определили те черты взаимоотношений правящей партии и государства, которые были обозначены выше.

Партия, тесно переплетенная с государством, должна иметь определенный источник легитимации, исключающий ее возможную субъективность и временность: партия власти не имеет политической идеологии, она выражает волю народа и является его авангардом. Те, кто выступают против нее, являются, соответственно, врагами народа, а не политически легитимными оппонентами. То, что каждый новый режим в Грузии находит возможным позиционировать себя именно таким образом, тесно связано с другими аспектами системы, например, со сменой режима путем переворотов, а не выборов, с преобладаним общих интересов над частными, слабостью экономики и др. Суть воли народа при этом не является константой, она меняется от режима к режиму и даже внутри такового.

В свою очередь, государство, тесно переплетенное с партией, также имеет специфическую форму легитимации, во многом повторяющую советскую традицию государства, основанного на воле большинства, а не на принципах конституционализма. Чтобы существовать отдельно (разделенно) от текущей политики, правовое государство должно по своей сути иметь республиканскую легитимацию (воля всех, а не только большинства) а не демократическую (легитимация большинством голосов). Этот принцип легитимации государства был нарушен еще при Гамсахурдия, когда независимость Грузии легитимизировалась референдумом (большинство населения) а не всеобщим согласием, что и привело к сепаратистским тенденциям. Он был частично утвержден при Шеварднадзе, когда в 1995 году была принята вполне конституционалистская конституция Грузии, и вновь подорван при Саакашвили, когда революция и последующая конституционная реформа вновь утвердили примат большинства в его борьбе

против врагов государства и народа (в новой трактовке - криминалы и коррупционеры).

Безусловно, функционирование правящей партии как партии-государства (партии власти) требует определенной коррупции и нарушения законов – как для обеспечения результатов выборов, так и для обеспечения ее функциональности во власти (влияние на все уровни правления через партийную дисциплину). Политическая коорупция неразрывно связана с существованием партии власти. Здесь участвует и финансовая коррупция, необходимая для пополнения партийной казны. Следует отметить, что такая форма партийных злоупотреблений, как использование государственного бюджета для партийных целей активно используется новой властью. Парадоксально, расстояние между правящей партией и государством сократилось с демократической «Революцией роз», а не увеличилось.

В то время как партии власти имеют тенденцию распадаться и исчезать, оставляя в лучшем случае отколовшиеся фракции (вовремя отколоться от правящей партии – это эффективный способ сохранить определенные ресурсы и в то же время снять с себя ответственность за ошибки).

В Грузии у партий как правило нет социального фундамента как такового. Популизм и оппортунизм следовательно широко распространены. Они не владеют платформой, в соответствии с которой определялись бы конкретная политика и ежедневные действия. Именно поэтому их идеологические ориентиры неопределенны и их очень легко спутать друг с другом. Во время предвыборных кампаний или в других политических дебатах, такие партии, которые по большей степени являются объединениями определенных личностей для овладения властью, а не представителями более широких общественных кругов, во время определения собственных приоритетов опираются на уровень популярности такого или другого механизма решения проблемы. К тому же они не определяют каким образом могут быть достигнуты эти цели, а просто высказывают то, что всем хочется. Как результат, все они говорят одно и тоже, а избиратели верят тому, кто лучше всех сумеет дискредитировать своих оппонентов. Дифференциация по левым и правым идеологиям отсутствует и довольно часто партии, называющие себя правыми или либеральными, манипулируют четко левыми и социальными идеями. Иногда их лозунги противоположны друг другу (даже внутри одной партии).

Как результат, оказывается, что во власть попадают такие политические партии, у которых нет четко выраженных принципов. Поэтому они могут позволять себе делать все, что захочется, в том числе и злоупотребление властью или неисполнение предвыборных обещаний. Вполне логично, что такое правительство очень скоро теряет легитимность в глазах об-

щества и вопрос об возможности их возвращения во власть (после того как они один раз уже потеряют ее) не обсуждается.

Одним из факторов, способствующих подобному положению вещей является само общество. Однако обвинять лишь общество в неактивности и гомогенности, из-за которых недостаточен уровень идеологической дифференциации политических партий и не возникают представительные и стабильные политические партии, было бы несправедливо. Со своей стороны, такой гомогенный характер общества тоже обусловлен определенными объективными факторами, какими являются, например, экономические проблемы и низкий уровень жизни, из-за которых общество не способно активно влиять на политику. Было бы разумно посмотреть на эту проблему более масштабно и россуждать о ней в терминах как социального, так и политического, экономического и культурного кризиса.

Как мы уже отметили, отсутствие репрезентативной взаимосвязи между партиями и обществом является одним из определяюших факторов дефектного характера грузинской практики. Исходя из этого, можно предположить, что углубление взаимосвязи и взаимозависимости между этими субъектами сможет в какой-то степени исправить картину и способствовать созданию естественно репрезентативных политических партий, которые, со своей стороны, являются основными институтами демократического государства. Это связано также с уменьшением колебания настроений в обществе в диапазоне от протестных до оптимистичных, без наличия более выраженных стабильных привязок к возможным политическим направлениям [7].

В Грузии пока еще не было прецендента, чтобы во власть приходила партия, которая имела бы многолетнюю традицию политической жизни. Ни одна из трех вышеназванных партий не пришла во власть со второй или третьей попытки (например, при помощи выборов). Всегда власть попадала в руки партии, основанной либо незадолго до этого («Круглый стол» и «Национальное Движение»), либо вообще после прихода во власть («Союз Граждан»). Таким образом, правящие партии в Грузии раньше никогда не были вынуждены усиливать собственный репрезентативный характер и углублять взаимосвязь и взаимозависимость с обществом. Когда они сталкивались с такой необходимостью (после потери власти), для них это оказывалось уже слишком поздно. Напротив, оппозиционные партии, имеющие долгую историю существования в оппозиции, имеют мало шансов прихода во власть.

В связи с этим, можно предположить, что накапливание партиями опыта существования вне власти может способствовать углублению их взаимосвязи и взаимозависимости с обществом, поможет им твердо структурировать свою партию и занять четко выраженное место в идеологичес-

ком спектре. Такая перспектива в основном касается опозиционных партий, потому что для правящей партии стимула для такого поведения снова не сушествует [2; 10].

1.5. Выборы, смена власти и демократия

Выборы, как основной элемент набора демократических институтов, в Грузии находит соответствующее и заслуженное признание. И в конституции, и в сознании большинства жителей они являются единственным легитимным способом смены власти. Но при этом за прошедшие 15 лет существования Грузии как независимого государства, ни разу выборы не продемонстрировали свою способность функционировать как механизм смены власти. Они не выполняют свою прямую функцию, но все-таки их значение и роль для политического процесса в Грузий ничуть не второстепенны.

Первые конкурентные выборы, проведенные в Грузии в 1990 г. предварялись событиями 9 апреля 1989 года, поставившими общество перед фактом радикального противостояния, определившего выбор между коммунистами и радикально-националистским «Круглым столом». Обе партии попали в Верховный совет («Круглый стол» – в большинстве), в то время как менее радикальные политические силы остались за бортом. За этим последовал запрет на Коммунистическую партию и аннулирование мандатов коммунистов в Верховном совете. Тем самым было создано строго мажоритарное правление, вряд ли репрезентативное и плюралистичное, что и подтвердили последующие события. Таким образом, власть оказалась целиком в руках Гамсахурдия не потому, что он выиграл выборы у легитимного конкурента, а потому, что предыдущая власть потеряла статус легитимной политической силы еще до выборов. Выборы лишь зафиксировали факт потери власти коммунистами.

К сожалению, З.Гамсахурдия не понял условности той полноты власти, которая оказалась в его руках. Это привело к его скорому падению. Власть де-факто оказалась в руках Шеварднадзе, который нуждался в ее легитимации. Были назначены новые выборы, в которых он победил абсолютно.

Все последуюшие выборы (до 2003 года) оканчивались победой то же самой силы, которая была у власти до этих выборов – отчасти, возможно, уже за счет растущей фальсификации выборов. Ситуация могла поменяться в 2003 году, когда парламентские выборы были фактически проиграны властью, однако «Революция роз» привела к власти Саакашвили, который легитимизировал ее выборами 2004 года (внеочередные – президентские и повторные – парламентские). Внеочередные президентские выборы 2008 года также не смогли поколебать сформировавшуюся традицию и

Саакашвили, не смотря на критическую ситуацию, удалось сохранить власть.

Можно сказать что единственным исключением из правила – выборы выигрываются властью - являлись местные выборы, в которых дважды побеждали оппозиционные силы (1998 г. - победили лейбористы и социалисты; 2002 г. - «Лейбористская» партия вместе с «Национальным движением» набрали большинство голосов в Тбилиси, а в регионах лидировали партии бизнеса). Несмотря на это, также надо отметить, что местные выборы и их результаты не могут обозначать или обуславливать смену власти. Они могут приобрести решающее значение только с усилением местного самоуправления. Но это пока не происходит.

Таким образом, можно заключить, что в Грузии сформировалась очень интересная и уникальная практика, при которой выборы теряют свою первичную функцию формирования репрезентативной власти и обретают новую роль легитимации и де-легитимации мажоритарного правления. Они более или менее остаются механизмами легитимации власти, но только после того, как эта самая власть уже достигнута. А также они способствуют измерению уровня усточивости власти в том случае, когда ее легитимность оказывается под сомнением. Выборы иногда определяют нужные контексты и условия для тех механизмов, при помощи которых и происходит смена власти.

Парламенские выборы 2003 года заслуживают особого внимания потому, что явления имевшие место до и после этих выборов, хорошо иллюстрируют ту функцию, которую имеют грузинские выборы. Итоги этих выборов, были они реальными или сфальсифицированными, сильно повлияли на политическую жизнь, что, в конечном счете, завершилось сменой правительства («Революция роз»).

Выборы 2003 года и последовавшая за ними революция, в первую очередь требуют, анализа конституционного устройства страны. Выход за пределы конституционных рамок был обусловлен конституцией 1995 года. В этой конституции не были предусмотрены механизмы разрешения кризиса власти в тех случаях, когда парламент и президент оказываются в непримиримом противоречии друг с другом. Парламент практически не может отправить в отставку президента, а президент – распустить парламент. Создается патовая ситуация, в которой государство остается без политического руководства, способного управлять страной. Именно такое положение и должно было длиться после парламентских выборов 2003 года до президентских выборов, если бы Шеварднадзе не ушел в отставку. Основным требованием революции по существу была потребность в эффективном политическом руководстве, и так уже в большой мере парализо-

ванном задолго до революции противостоянием президента и парламента [4].

Поправки к конституции 2004 года сняли отчасти опасность повторения подобных кризисов в будущем, однако не в пользу репрезентативности власти. На сегодняшний день президент страны имеет определенные полномочия по роспуску парламента, если этот парламент мешает ему в работе. Однако парламент вряд ли может лишить власти президента, если тот до срока потерял политическую поддержку общества. Парламент лишь может опять-таки мешать работать непопулярному президенту. Так что законодательный потенциал для будущих внеконституционных смен власти все еще остается [8].

С первого взгляда может показаться, что подобный потенциал может быть снят в будущем дальнейшими конституционными поправками, например, переходом к парламентской форме правления, при которой президент может быть отправлен в отставку парламентом. Однако подобная форма правления может также оказаться неэффективной по той же причине, по которой возникли предыдущие конституционные кризисы, – поляризованность политического дискурса и отсутствие практики и культуры консенсусного правления. Не углубляясь в дискуссию о том, что здесь первично, а что вторично, можно с уверенностью сказать, что законодательно зафиксированная централизация, концентрация и персонификация власти взаимосвязаны с радикальной поляризацией политической борьбы и слабостью механизмов разрешения политических противоречий.

Другой законодательный аспект, касающийся возможности повторных революций – это формирование и функционирование избирательной комиссии. До 2004 года избирательные комиссии формировались на многопартийной основе, что порождало бесконечную борьбу за места в этой комиссии и теневые торги за подписи под окончательными протоколами подсчета голосов. Новыми властями был введен новый метод формирования избирательных комиссий – на профессиональной основе. Это безусловно повысило кочество работы избирательных комиссий, однако породило новую проблему. В случае, когда президент и парламент владеют ситуацией, они владеют также механизмами превращения формально профессиональной избирательной администрации в неформально однопартийный орган, обеспечивающий нужные результаты выборов. В условиях, когда эта администрация не пользуется доверием оппозиции, вероятна эскалация поляризации и стремление к революционным сменам власти.

Не следует, однако, преуменьшать роль населения в потенциальных сменах власти. Как институты, так и пропаганда и политические акторы важны, но без согласия населения и его готовности к изменениям, смены власти не происходят. Именно при помощи народа и происходят эти изме-

нения. Народ же может быть мобилизован только в том случае, если он убежден в недемократичности существующего режима, т.е. в его нежелании исполнять волю народа. Именно неприемлимость авторитаризма составляет основной элемент для легитимации революций. Именно легитимность демократии как формы правления в Грузии является источником внеконституционности смен власти до сих пор и потенциально в будущем [6].

Из вышеописанного аргумента вытекают более общие выводы, которые также можно ассоциировать с политической культурой. Феномен, вызывающий нарушение конституции (чем и является революция) из-за страха авторитаризма, может быть сформулирован как общественная готовность из-за «цели» нивелировать все обязятельные формальности и процедуры, в том числе и конституцию.

Здесь уместно поставить вопрос о понимании демократии, превалирующем в обществе. На самом деле существуют два различных понимания демократии. По первому пониманию целью демократии считается выявление и реализация народных интересов любыми возможными способами. А второе понимание исходит из того, что истинная демократия может быть достигнута только в условиях существования неизменных и неменяемых формальных институтов, которые распространяются на всех и создают равные возможности для всех реализовать собственные интересы. Такое понятие демократии ориентируется на процедуры и считает их неприкосновенными, потому что реализация народных интересов любими способами порождает возможность искажения демократии и злоупотребления силой во имя народа. Именно такой неприкосновенной процедурой и являются выборы. Можно сделать вывод, что в грузинской политической культуре первое понятие демократии доминирует над вторым. Поэтому «если народ хочет этого», можно нарушать и конституцию. Такая практика неконституционного свержения правительства во имя народа и является основной причиной, из-за которой так часто появляется «страх авторитаризма» и понижается роль и значение выборов во время смены власти. В то же время авторитаризм тоже находит долю легитимации именно из-за ориентированности на «цели» за счет процедур [1].

Противостояние демократических процедур и демократии как «блага народа» напоминает противостояние советской «народной демократии», в которой правление осуществлялось для народа, но не народом, - западным либеральным демократиям, основным элементом которых являлись конституция и выборы. В этом аспекте, по-видимому, в Грузии все еще сильны советские традиции.

Библиография

1. Broers L. After the "Revolution": Civil Society and the Challenges of Consolidating Democracy. // Georgia Central Asian Survey 24, no.3, 2005, pp.333-350.
2. Center for Social Studies. Country Report based on Research and Dialogue with Political Parties. - International IDEA, 2005.
3. Hale H. Президентский режим, революция и демократия. // Pro et Contra 12, no. 1/40 2008.
4. Jorjoliani G. Colour Revolution and Democratic Legitimacy Crisis. // Eurasian Home. 2006, 24 March. http://www.eurasianhome.org/xmi/t/expert.-xml?lang=en&nic=expert&qmonth=3&qyear=2006.
5. Khmaladze M. et. al. Government of Georgia on a Central Level: The Balance Between its Branches. // Constitutional Political Reform Process in Georgia, Armenia and Azerbaijan: Political Eliteand Voices of People. – Tbilisi: International IDEA, CIPDD, 2005. http://www.idea.int/europe_cis/reform_05.com
6. Khutsishvili G. (ed.) Civil Society and the Rose Revolution in Georgia. – Tbilisi: ICCN, 2008.
7. Linz J.J., Stepan A. Problems of democratic Transition and Consolidation, southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. - Baltimore-London: The John Hopkins University Press, 1996.
8. Muskhelishvili M. Constitutional Changes in Georgia. // Constitutional Political reform Process in Georgia, Armenia and Azerbaijan: Political elite and Voices of People. - Tbilisi: International IDEA, CIPDD, 2005, pp.105-127. http://www.idea.int/europe_cis/reform_05.com
9. Muskhelishvili M. Democracy as Communism: Methodological limitations in Democratization studies and Democratization Policies. // Epoch, #3, 2003.
10. Nodia G., Pinto Scholtbach A. The Political Landscape of Georgia. Political Parties, Achievements, Challenges and Prospects. - CIPDD 2006.
11. North D.C. Institutions, Institutional Change, and Economic Performance. - Cambridge, CUP, 1990.
12. Peters G. Institutional Theory in Political Science. The New Institutionalism. - London, Continuum, 2001
13. Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. 2-nd ed. - New York: Harper, 1947.
14. Wheatley W. Georgia from National Awakening to Rose Revolution; Delayed Transition in the Former Soviet Union. - Ashgate, 2008.

Представлена в редакцию
30 декабря 2009 года

SOCIAL AND LEGAL ASPECTS OF REINTEGRATION OF LABOUR MIGRANTS UPON THEIR RETURN TO UKRAINE

Oksana IVANKOVA-STETSYUK
Ukraine, Lviv, National Academy of Sciences of Ukraine, the Institute of Ethnology, the Ethno-Social Research Sector
PhD, fellow researcher, Research-Sociologist of International Charitable Foundation CF “Caritas Ukraine”.

Rostyslav KIS’
Ukraine, Lviv, International Charitable Foundation “Caritas Ukraine”.
Chief Counsellor at Law, Migration Officer and Project Manager.

The objective of this publication is to examine legal and social aspects of Ukrainian labour migration after conditions of world financial crisis of late 2000’s.

The majority of researches into legal profile of Ukrainian migration ignore problems associated with observance of Ukrainian labour migrants’ rights on their return to Ukraine. So, the authors address the issue of general circumstances and challenges of the return into Ukraine. Attention is focused on reasons and motives for labour migrants to return to Ukraine, normative impediments on the way to return and reintegration of Ukrainian labour migrants, social and psychological problems of reintegration of Ukrainian labour migrant.

Introduction: topicality of researches on social and legal aspects of Ukrainian labour migration

Contemporary Western Europe in the frame of globalization processes appears as a space for new migration. Development of Western “consumption society”, in particular industry of various consumer services incites constant increase in demand for cheap labour force, being mostly satisfied at the expense of labour migrants from other countries including Ukraine. At the same time, the societies of receiving countries show certain concern over the rise in number of migrants from other countries: “respectable” Europe is on guard against of collapse of integrity of its social and cultural space [17, 18]. As a result we have fundamental contradiction: on the one hand, European countries evince interest in inflow of labour force from Eastern Europe including Ukraine, and on the other, they impede integration of Ukrainian labour migrants into European society. This contradiction has become aggravated especially under conditions of world financial crisis of late 2000’s: many Ukrainians abroad became unemployed and were forced to return to Ukraine. New context provokes the questions: is Ukraine open to welcome back its emigrants? What will be the process of the-

ir reintegration into Ukrainian society. And finally, to what extent our country can guarantee the Ukrainians returning from abroad that their civil rights are observed? The foregoing indices the need to properly comprehend the motives of return and main challenges of reintegration of Ukrainian labour migrant for the purpose of further improvement of migration process management system, in particular by means of introducing the adequate science-based system of legal protection and elaboration of motivational scenarios for return.

The contemporary researches into legal compound of Ukrainian migration give prominence to several main directions.

1. Researches into Ukrainian labour migration abroad. In this case the analysis usually deals with legal preliminary conditions of emigration, status of Ukrainian citizens abroad, analysis of foreign legislation, violation of rights of Ukrainian citizens abroad [8; 13; 22].

2. Researches into migration of foreigners and stateless citizens to the territory of Ukraine (what is meant here is both transit and labour migration). In this case, the analysis of Laws on Alienage in Ukraine, foreigners' possibilities pursuant to the labour legislation, proper observance of human rights at the temporary detention facility, peculiarities of international and legal regulation of counteraction to illegal migration on the level of universal and regional (European) norms of international law, role of institutional system in this sphere, violation of rights and procedures in terms of obtaining the refugee status, xenophobia problem, etc. [1; 3; 5; 10].

3. Researches into problems associated with observance of rights of Ukrainian labour migrants upon their return to Ukraine. This direction has been least developed. Partly, it is presented in the projects being carried out by the field-specific NGOs under the auspices of international grand awarding organizations [14; 15], as well as in various monitoring researches aimed at studying the influence of funds transferred by migrants on Ukrainian GDP [9; 16]. Low level of interest in matters of observance of homecomers' rights can be accounted for the fact that this segment of scientific field is characterized by the interdisciplinary and intersectoral nature. Also, one can assume that in this case we deal with particular influence of social stereotypes: on the one part, a person is treated as a potential emigrant to obtain permanent residence abroad, while on the other part in case of his final return to Ukraine, he is considered well-to-do being in need for neither outside assistance nor interference. In both cases the observer loses the sight of the migrant. However, obviously one can state more "objective" causes for "inattention" of researchers as to the issues related to protection of homecomers' rights. What is meant here is that in contemporary scientific surveys the migration is usually studied as an integral phenomenon, objective compelled occurrence emerging in the context of different social processes (globalization, stratification, exchange of activities, etc.) and being also caused

by them. In this setting, only external forces making the labour migrant take decision as to homecoming are considered (economic factors, changes in law system of the receiving country, etc.). Such an approach impedes the possibility of comprehensive vision of the phenomenon of labour migration, caused by "interlacement" of various factors, including subjective (internal) ones, being based on the social needs and physiology of a migrant [4, 23-41] and should be examined in the interdisciplinary context. In the first place, the question is about the research within the frameworks of sociology of law – sphere of scientific knowledge combining legal and sociological researches, as well as with psychological and medical and biological. The most famous (in the context of themes of this publication) and perhaps most substantial in the determined terms is the research of German sociologist J.Alt dedicated to the phenomenon of illegal migration. On the basis of the diverse information sources (the major of which are 30 in-depth interviews with illegal migrant residing in Munich), it presents the author's vision of nature of illegal migration. Following the way "from unit statements to construction of surrounding field and types" J.Alt comes to a conclusion that the way leading to illegality results from "loss of biography" [2, 65-84]. Since living in illegality is accompanied by constant risks and threats, the monograph provides the profound analysis of the basic strategies of security of present illegal aliens – use of social contacts, "purchase" of respective documents, sham marriage, establishment of self-protection organizations, etc. [2, 163-173]. Close attention is paid to the studies of peculiarities of appearance and functioning of contact social networks forming so called working network (private, commercial, criminal) and is one of the most important factors making labour migration possible [2, 287-289]. These and other distinguished parts of real life of present illegal migrants as a final result reproduce the integral vision of such an aspect of social reality as life in illegality explaining the conditions on which it is possible, as well as its social and legal consequences. Unfortunately, at present such works are absolutely insufficient. Meanwhile, according to the present researchers, the results of the research of labour migrants' personal experience is proved supplementary information source while developing the concept of migration policy [11, 53].

Taking into account the aforementioned, in our opinion the objective of this publication is to examine social and legal aspects of reintegration of labour migrants upon their return to Ukraine. We consider it necessary at the same time to cover the whole "cycle" of reintegration process, including its separate "phases": making the decision as to the return, its fulfilment, its consequences (including key challenges of reintegration and prospects of their surmounting). We believe it will become one of the substantial steps on the way to final "destroying existing pseudo types of life having changed them by realistic picture" [21, 294-308].

Source and empiric basis of publication

The peculiarities of reintegration of Ukrainian labour migrants will be analyzed subject to Ukrainian legislation in force. Thus, the source basis of our investigation will be formed by the following documents: Constitution of Ukraine dated 28 June 1996; Code of Laws on Labour of Ukraine as of 25 June 2009; Law of Ukraine "On population employment" dated 1 March 1991; Law of Ukraine "On legal status of foreigners" dated 4 February 1994; Law of Ukraine "Entry and exit procedure for the citizens of Ukraine" dated 21 January 1994; Law of Ukraine "On refugees" dated 21 June 2001; Law of Ukraine "On citizenship" dated 18 January 2001; Convention of Ministry of Labour Protection No.97 "On working migrants" dated 1 July 1949; International Convention on protection of rights of all working migrants and members of their families dated 18 December 1990.

Our ideas will be based on the results of sociological investigation carried out within the frameworks of 'Aeneas Programme BrainNet-working Project' (with direct participation of the authors of this publication). This project was aimed at studying the possibilities and temporary qualified work under the official labour agreement for the specialist with medium- and high-level skills coming from Ukraine, Russia and Moldova to EU countries. Partners in the project: La Sapienza Universita di Roma (main partner), Caritas Ukraine International Charitable Fund, Caritas Diocesana di Roma, Fundeun (Spain), Moldavian International University (Moldova), Equilibre-Solidarity (Russia) and others.

Sociological investigation was carried out in Ukraine during December 2008 – June 2009 by means of in-depth interview with 30 people having the experience in labour migration in Italy and Spain; similar interviews were held by our partners in Moldova and Russia (table 1).

Table 1. Social and demographic characteristics of people interviewed within the frameworks of 'Aeneas Programme BrainNet-working Project'

Migrants	**To ITALY**	**to SPAIN**
From UKRAINE	15 women 5 men	7 men 3 women
From MOLDOVA	15 women 5 men	7 men 3 women
From RUSSIA	10 women 10 men	5 men 5 women

Data of the in-depth interviews were supplemented by the information from 10 experts – so called privileged witnesses, who deal with the problems of Ukrainian labour migrants within the framework of their administrative duties (table 2).

Table 2. Social characteristics of privileged witnesses interviewed within the frameworks of ‘Aeneas Programme BrainNet-working Project’

№	***Institutions representing privileged witness***	***Professional background of privileged witness***
1	Ministry of Interior (Human rights monitoring committee)	Legal aid social work
2	UGCC (episcopate)	Pastoral aid
3	UGCC (clergy)	Pastoral and social aid
4	UGCC Commission ion Migration	Legal aid social protection
5	State Social service for Children, Family and Youth	Social aid
6	Attorney service for Ukrainians abroad	Legal Aid
7	Migrants’ Self-help Institutions abroad	Social and Psychological aid
8	Former Migrants’ Self-help Institutions in Ukraine	Social and Psychological aid
9	Media Groups	Informational support
10	Scientific Institution of NSA	Scientific activities

Reasons and motives for labour migrants to return to Ukraine

Materials of the in-depth interviews certify that the process of return of labour migrants to Ukraine is complicated and long-lasting. Decision as to the return does not come easy to the migrant, often – even more difficult than a decision to go abroad to work. The objective confirmation of this thesis is “debit balance” in favour of those migrants leaving Ukraine if compared to those coming back, that is the situation, when a person who is planning to stay abroad for 1-2 years stays there for 6-7 years or even more, is widely spread.

Labour migrants resolving in favour of comeback are governed by the motives not standing out by variability. The verbal testimonies of those, who have returned from abroad, allow grouping the “homecomers” in the following way.

1st group: **“Disappointed”**. In this case the decision to come back home is taken against the background of utmost disappointment with life in conditions of labour migration, and basic motives of comeback are as follows:

- nostalgia, missing the family, children;
- unwillingness to live with a humiliating status of an alien, and “servant” (even if surrounding is loyal to them);
- inability to make the desired amount of money.

Typical case: *A., male, has experience of labour migration (Italy)*

A. was born in Lviv, Russian-speaking, higher education, father - Military Officer, mother – Honoured Teacher. Married (second marriage), grown-up son lives separately, grown-up daughter of his wife lives separately as well.

Before leaving to Italy his wife and he were engaged in trading. Earnings were good. However, his wife insisted on departure (a friend of hers persuaded her that she would earn more abroad). A. went with his wife without understanding the reason.

Leaving to Italy A. had 700-800 € in hand; he came back with 350 €. However, A. would send certain amount of money from Italy home.

The spouses managed to reach Italy at the second attempt. The first time, when they were passing the Hungarian border they got arrested. The second time they worked their way through Slovakia, and succeeded with hardly any trouble at all.

In Italy there was nobody to meet them, as it had been planned before. They reached Naples with complications, where the acquaintances of theirs helped them to find a flat. Those acquaintances lent a helping hand in getting a job in pizzeria. A. did the washing-up there for 25 € per day. Besides, the acquaintance of his wife, who worked as a cleaner, informed that the help of a man in painting, cleaning with abrasive paper and doing similar works was required at one villa. He landed this job earning 30 € per day plus meals. He worked from 8.30 a.m. to 4 p.m. Doing hard physical activity from 8 a.m. to 8 p.m. (A. was forced to carry 25-kilogram boxes with vegetables) A. managed to stand only three months. While working in Italy he had no problems with local bodies, his stay was illegal though, and he often was in state of alcoholic intoxication behaving disgracefully.

In A.'s opinion, going abroad to earn money is inappropriate, especially for elders, who feel terrible about being humiliated at their age. And though nobody offended him directly, he constantly felt he was treated as a second-class citizen.

He came back home without any troubles and marks in his passport. He also easily found a new job in Ukraine in the advertisement, not by profession, but in related one. He worked there for 2 months, and then he left the job because of pneumonia. At the time the interview was given A. was 51; in a month after the interview he died.

2nd group: **"Missioners".** In this case the decision to come back home is taken as a result of fulfilment of a certain "mission". And though the topic of nostalgia is still urgent in this case, it is less crucial, and the ***basic motives of comeback*** in this case are the following:

- availability of amount of money determined in advance to achieve a particular purpose (mostly it is satisfaction of urgent necessities, for example, disch-

arge of debts, education of children, repair of dwelling; frequently – purchase of dwelling, rarely - starting of own business);

- termination of labour contract (official/semi-legal);

- availability of appropriate job offer in Ukraine (including resumption of activity of enterprises, where the migrant would work before his departure).

Typical case: *B., male, has experience of labour migration (Italy)*

B. is a peasant by origin. He finished school, then graduated from secondary technical school; was employed at construction site, at the Regional Executive Committee, and a store. Married, has a daughter. In his time he borrowed money for construction of own house. The money he earned in the store was not enough to pay off the debt. At the age of 37 he was forced to go to Italy for two years and a half to earn money there. He worked as a machine operator at the hippodrome not far from Rome; he mastered the language.

While being abroad and making money B. was the main breadwinner in his family; besides, at first some part of money was used to pay off the dept, and then put into savings account (to start his own business in Ukraine). B’s working day lasted from 7 a.m. to 12 a.m., and then there was a break until 4 p.m., which was followed by work until 7 p.m. again. He did not have any days off, except the time after the Sunday noon once per two weeks. He kept in touch with his family over the phone. He did not communicate with Ukrainian migrant workers much.

As soon as B. paid off the borrowed money and made a desired amount of money to start own business, he immediately resolved to return, since it was impossible for him to live without his family. Upon his return, he realized that under no conditions children must be left unparented.

B. was welcomed by his friends, who were waiting for him to establish common service centre. At the moment B. is one of its co-owners. He is satisfied with working for himself, and not for a ‘foreign’ Italian. He is not planning to go to Italy unless in case of emergency. He is positive that if one knows what to do in Ukraine, there is no need to work for somebody else.

Normative impediments on the way to return and reintegration of Ukrainian labour migrants

Ukrainian citizens, who have resolved to come back home, face quite a number of problems of legal nature, inability to solve those problems, which utterly complicate the process of their reintegration. We consider it possible to single out the most typical among the normative limitations of return and reintegration of Ukrainian labour migrants.

1. Difficulties in passing the border.

Lack of documents required to pass the border. Due to the durable illegal stay abroad the part of the workers cross the territory of Ukraine with an expired foreign passport; the way out of situation and obtainment of new documents is possible rather in case, when a person possesses its national passport.

Resettlement of a child born abroad together with its mother to Ukraine. Such a situation generally is accompanied by enormous "red tape" in terms of acquisition of documents to get the childbirth allowance, as well as child home care allowance until it turns three years old. The amount of such support for people not insured in the system of generally mandatory state social insurance (and it is majority of work migrants) according to the approved procedure of settlement [18] may constitute about UAH 90,00. (which is approximately EUR 8 a month).

Attempts of illegal bringing in of foreign currency cash above the fixed limits. Since the main aim of labour migration consists usually in improvement of own financial conditions, crossing of the border is often connected with transportation of considerable sums of money accumulated during the entire period of working abroad for the purpose of target use (purchase of dwelling, wedding of children, medical treatment, etc.). Ukrainian labour migrants being usually not enough aware of existing Ukrainian legislation (that for the past years has considerably extended the possibilities of bringing in the currency cash across the Ukrainian border via standard declaration [19]), usually conceal currency cash, and as a result fall easy prey for fraudulent customs officers, who confiscate money without any appropriate investigation proceedings and procedural steps, and at the same time misappropriate cash.

Attempts to bring in the goods and own belongings avoiding obligatory taxes and duties. To the problems that typically come up while crossing the border one can refer a problem of bringing in a vehicle into Ukraine. Trips to Ukraine by car purchased and registered abroad for no purpose of its constant bringing in to the customs territory of Ukraine being popular until recently have become practically impossible because of the mandatory customs duties payable in case of customs clearance of such a means of transport [12]. Critical is the fact that customs authorities form customs value of such a car being guided by the prices for the similar cars in Ukraine, but not by the prices abroad, so as a result the difference in price may reach tenfold initial cost (for example, Volkswagen Golf for EUR 300-500 can be estimated by the customs authorities at EUR 5,000). Thus, the protection of Ukrainian car manufacturer declared on paper appears to be the "gates" to abuse and bribery at customs authorities.

2. Difficulties with taking up residence and registration in Ukraine.

Upon the return to Ukraine, former labour migrant can encounter particular problems with settlement and registration. In this case such potential problems

are dealt with: lack of the registration at the place of residence, lack of valid national passport, change in marital status, change in dwelling status (hostel, the right to reside in which was lost; non-privatized flat that later on was privatized solely or by only husband, or wife without knowledge and allowance of the absent one) that entailed loss of proprietary right in respect of a dwelling. Known are the cases, when pursuing the aim to change proprietary right to dwelling a woman judicially acknowledged his husband, who at that time was working abroad, missing, and as a result became inheritress of a flat and other property under the law. One of the serious consequences entailed by impossibility to obtain the place of residence or document proving the identity may consist in inability to set up a private business (since in order to register an individual as an entrepreneur, the national passport and identification code are required), as well as in:

3. Complicated employment.

In addition to the abovementioned reasons for impossibility to get employed, one should bear in mind that a great part of labour migrants come from a number of budget sphere workers, in particular medical stuff and administrative machine, employees of state organizations, who resolved in favour of leaving abroad at the times of the most crucial economic difficulties for these categories of employees. According to the Ukrainian legislation, these categories of workers are subject to regular periodic confirmation or improvement of qualification, which is done by means of direction given at the place of work to undergo further vocational training and ends in awarding the categories, class ranking, grades, etc., that influence the employment opportunities in specialty and amount of salary. A person, who stayed beyond the borders of Ukraine for a significant period of time (about 3-5 years), is deprived of a category and professional titles. It correspondingly narrows the circle of its potential employers, decrease the amount of salary the former labour migrant lays claim for. The procedure of renewal of qualification status in Ukraine bears no relation to Employment Service, and is carried out through the sector-specific departments [7], in this connection it is associated with bribes and time wasting. Mostly the latter results into the refusal of such attempts, whereby high skilled specialists often either get any job in specialty, or low classified job of initial level. If one disregards the ageism or other cases of discrimination (see below), the main reason for the homecomer to accept low-paid work is:

4. Impossibility of or difficulties in drawing pension.

If compared to the Soviet system of calculating the rate of a retirement pension, modern Ukrainian methods are rather democratic for an employee and intended to simplify financial aspects and make them as much beneficial for an employee as possible. However, the specificity of a problem for the labour mig-

rants is that while calculation the rate of pension the total, and in some cases, specific (sector-specific) work experience is taken into account. For the majority of labour migrants, work experience can be divided into two periods: The first, pre-reform period (till 2000). The documents (work book or certificate from the company's archive) used to serve as a confirmation of the factually worked time during the pre-reform period. At the moment of going abroad migrants often did not consider such documents, and the companies, they were employed by and where these documents used to be kept, changed their status, owners or became out of business, as a result a person lost his work book and career history, and at the same time – considerable part of possible pension in future.

The time following the pension reform in 2000 and up till now may be considered as the second period of work experience. They began to do the calculation of the future pension on the assumption of the amount of the withholding to the pension fund from the employee's monthly salary. Length of employment in years influences the determination of retirement time, while calculating the long service bonus and specific length of service under particular working conditions, etc. As we understand, in this case, labour migrant, who remained unemployed in the territory of Ukraine quite for a long period of time (which means no parts of his salary were transferred to his personalized pension account), can claim only the minimum pension, which is usually provided in case it is impossible to define its amount otherwise. Thus, having brought together two period of work experience of an average labour migrant, one can arrive at several conclusions:

a) lion's share of length of service falls on the pre-reform period, which most probably will be either impossible to confirm documentarily or its confirmation will require significant financial and physical efforts;

b) withholdings for the work experience during the post-reform period will be irregular and small, or even not available; c) as it appears from the two pervious conclusions, chances to receive proper "reflection" of the work experience in the amount of the pension are scanty for such people. Some steps forward regarding this matter were taken upon the approval of the respective decree by the Pension Fund of Ukraine [20], which practically allows the citizens of Ukraine to administer their own personalized account by means of making contributions to them from abroad. However, distrust in state authorities, as well as fear of legalizing the sources of revenue keeps the majority of the labour migrants from participation in this system. Ukraine signed a number of intergovernmental agreements, both double tax treaties and pension contracts, with such popular receiving countries as Italy and Portugal; the intensified agreement with Spain is under preparation. These agreements are intended to provide the possibility for Ukrainians to receive Italian or other pension in Ukraine upon their return. Such

cases have already had place, however, unfortunately they are very rare. It is explained by the fact that in order to formalize such type of pension and taxation of the salary abroad, a person, who works, firstly has to be consular registered at the Ukrainian Embassy, and secondly has to have legal labour contract with its employer abroad. Neither the first, nor the second for the majority of labour migrants from Ukraine that usually go abroad on the one-entry tourist Schengen visa, as we can understand, is unavailable.

5. Loss and difficulties in reestablishment of parental status.

Another segment of problems which is encountered by the labour migrant upon the return, are those related to the loss of parental status. The latter not least of all is stipulated by the circumstance that parents of many present children are working abroad, so have no possibility to bring their children up in a proper way (their care is limited only to the financial support), handing them over to their relatives or school. Some children can successfully manage themselves (at least, it seems so at first sight), others are gradually turning into the "candidates" to obtain the unattractive social status of "children of streets". However, in any case, life without parents or even one of them (more often mother) serves as a factor that may lead to the distortion in the structure of child's personality, and in that way provoke deviations in social behaviour. According to the current legislation, the parents and guardians can be made responsible for the illegal actions taken by such minors, though in cases of delinquency, people aged 16 and up can be brought to responsibility and in some cases at the age of 14 [6]. In such event, the role played by criminal militia in juvenile cases and its interaction with board of guardians at places is of significant importance. In case with children of labour migrants, in practice they often act not only as the authorities controlling the law and order, but also, being aware of the situation in the particular family, they make a stand for children's rights protecting them from formal court decision as to depriving their parents of the parental rights.

However, the situations with deprivation of parental rights are rare and occur in diametrically opposite cases. For instance, when a child from secured family who attends different circles, participates in different sports sections at the professional level, but lives with his/her grandparents and cannot go on tour (participate in competition) abroad because there is no notarized permit from his / her parents, which is obligatory in case of trips of the minors without their parents. The relations with parents and child's future, his / her achievements as an artist or a sportsman appear to be thrown into the scale. It is frequent cases, when the family initiates the court decision as to depriving the parents of their parental rights and making some close relatives (aunt, grandmother) a guardian, which allows a child to visit international competitions or contest. But, as soon

as the parents have return form abroad, they are willing to reestablish their status, and such cases in Ukrainian jurisprudence are by an order less.

It is clear that problems and impediments occurring encountered by the labour migrant upon its return to Ukraine are not limited to the outlined circle. It is the most prevalent situations, in which the labour migrant may find himself. The given examples of the implementation of rigid obsolete regulatory framework just show the general negative tendency: unfortunately, our state has not taken any proper steps towards the recognition of the problem of labour migration yet. So, present legislative basis in the sphere of labour migration has remained unchanged for along period of time, not creating favorable conditions for the migrants, who are being practically outside the sphere of social and legal protection of their country, invest considerable amounts of money to Ukraine. And if lawmaking in Ukraine has reached rather high level, the observance and implementation of norms, as well as impartiality and detachment in the process of considering the cases in court or law enforcement bodies are still subject to improvement. Those insignificant changes introduced to the legislative instruments and offers being considered by the dedicated committees of Verkhovna Rada, are mostly initiated by forums and certain representatives, so called third sector, but not by the representatives of parliamentary faction, without which, unfortunately, the entire complex of problems related to the Ukrainian external labour migration is not likely to be resolved. At the same time, public initiatives may turn (actually they are at the point of turning) into the first real steps on the way to the problem-solving, which hopefully will entail changes both in state employment policy and migration and demographic situation in Ukraine.

Social and psychological challenges of reintegration of Ukrainian labour migrant

Any of labour migrants, even the successful "missioners" (not even mentioning 'the disappointed one") is not insured against such frequent "companions" of reconciliation process as loneliness, lack of self-confidence, irritation, distressful emotional experience, helplessness. Such conditions result from so called *return culture shock*, i.e. a special type of cultural change, which one undergoes on return home. In their narrations former labour migrants often express the feeling of sorrow about the fact they are difficult to 'fit in' with a new way of living, to find appropriate "social niche". Among the main "return shocks" migrants mention the *realisation of the stream of time*. Since upon return home they are mainly in captivity of certain illusions: it seems to them that for the period of their absence time, if not stopped, did not effect life significantly on the whole. Bur reality appears to be much more severe than a person weary of nostalgia could fancy it [23].

Materials of in-depth interview allow distinguishing the following main social psychological challenges faced by a homecomer.

1. Difficulties in (re)formation of family role structure, establishment of interaction and recovery of emotional relationships with relatives.

For example, for many migrants it is a great surprise that during their absence their small son or daughter has turned into a grown-up and is living his own life (after all, as all relatives and friends), that their household has succeeded in copying with keeping a house and they do not need any help, and they do not consider their mother (father) to be a mentor or adviser. However, labour migrants (especially women) accustomed to living "without being involved in family household duties" might not be eager to shoulder them back again.

Migrants recount: *"I want him to come, not for good, just to pay a visit. For two weeks. For three weeks. Just to visit me, to see the way I have settled, the way I am living, to see a flat and a car. I want to show him everything, to introduce him to all Italians I work for, because I have just wonderful families, three of them. I am a member of their families… I simply do not want to come back to Ukraine at the age of 45 and start a new business. The attitude to me is great, I am living in lovely conditions, I have everything and deny myself nothing, I visit fitness centre to keep my shape, go in for salsa, drive a car. I am enjoying my life, in addition to that I help my children, family, so I keep my chin up. In general, I am an optimist. And as long as God gives me health, as much as I endure, I will stay there" (N., female, 10-year labour migration experience in Italy).*

2. Unemployment, absence of demand for professionals, discrimination

For a former labour migrant it is often an overwhelming task to land a job, complying with his requests and meeting his expectations (to master in new profession). It is a problem to return to his previous profession, in which he had been fulfilling himself for a long time: vacancies are missing, professional skills are lost, old knowledge is vanished, not saying a word about gaining new one. The special problem in this context is "ageism": people "over 40" are refused employment even in case of law-paid jobs, requiring no special qualifications.

Migrants recount:"Correspondingly I will not go to school, because school has moved forward as well. During those ten years I became degraded as a teacher. Because I should improve constantly, read a lot. I have fallen behind in this respect. Because if I read I read books in Italian. I read a lot in Italian, and I prefer psychological books, and as far as the school curriculum is concerned, I have been fallen behind greatly and I have no right just to go to school and teach children, I have to undergo additional training first. And to tell the truth, I have no desire. Because, our school has been changed. And I can't see myself work-

ing at school now. With the attitude towards teachers that is now, I would never go back to work at school. In view of disrespect, and everything else, when money can buy everything" *(N. female, 10-year labour migration experience in Italy).*

"I have not returned to my job (used to work as a teacher in the kindergarten - auth.) because of the low salary. I wanted to find any other job. I started with job ads, which I could do. And I faced a problem that having come back home at the age of 40 I am not suitable for any job, because I am an old dame. I had been looking for a job every day for two months. Somebody would call me. There were cases when the acquaintances of mine would call and tell about free vacancy of an administrator in a beauty salon. And I would come and the first question they would ask was about my age. As soon as I say that I am 40, they say that they are sorry, but... I was at the point of depression, I was failing, and it started to irritate me. And I went to Iskra plant. I went there to get a job. I went with a friend, who was also in Italy and came back. So we both wanted to get employed. We were offered a job in the worst workshop... It was very hazardous. And our age was not suitable again, they required employees under 35. We found one job ads, where the dishwasher was needed. And we turned there. And there again, they would apologize because they were looking for someone younger, but not at the age of 40. And then I lost my temper. Because in my opinion a woman of 60 can do washing up, as long as the dishes are clean. You do not need anything. And it destroyed every hope of mine, got me down, because I experienced depression then, and I retreated into myself, I got locked in my room. Nobody approached me, because I could not put up with it… And what will happen when I turn 55; my sister is 53. ... I was found a job, our women, labour migrants I communicated with helped me" *(L., female., 2-year labour migration experience in Italy).*

3. Unrealised necessity for communication and support of people with similar social experience.

If a person has nobody to share his problems, dreams, expectations with, and there is nobody with similar social experience and status, he feels herself "beyond society". In this situation the migrant enters its culture as a *latent* migrant. On the one hand, he is like others, but his way of thinking and felling differ from those of other people, even of his closest relatives. He feels as an ALIEN AMONG HIS RELATIVES.

Migrants recount: "A person comes back... Lots of feelings. Definitely. Who will he confide to? To those being the same as he is…

For example, we were, and still are in need for assistance from Caritas, psychologists, doctors and so on. And they undoubtedly need help from people, who understand reasons of such inadequacy. And they are treating the after-ef-

fects. For that reason this community was established. Can you see it? It is a tiny link… These are people who used to be there and they know it. Or just prompt. At this stage what can a person confide? His most painful problems he has. This or that. Those people he confided to are able to take the next step to help him. For example, he has a problem and needs a psychologist, but he's ashamed to admit it. The psychologist is needed. I know where to find one. And I can recommend him and arrange everything… There are public organizations dealing with it. As a matter of fact he needs some time to have his meals and dwelling apart from his family and I know where to take this step. The others will take the next step" *(I., male, 4-year labour migration experience in Italy, one of co-organizers of community of former labour migrants in Ukraine, journalist).*

As we can see, the reintegration of the former labour migrants is not going on smoothly. In this connection, we will attempt to distinguish several main (in our opinion) conditions that could essentially optimize the process of social and psychological rehabilitation of Ukrainian labour migrants upon the return.

1. Availability of efficient social institutions.

At present, there are different social institutions functioning both in Ukraine and beyond its borders, which deal with the settlement of problems associated with labour migration. Conventionally, they can be divided into the following groups: state social services; non-governmental organization; charitable funds. All of them exert external influence performing the function of organization that provides social help. At the same time, methods and models of work of the said social institutions differ from each other in some ways. Thus, state social services treat a person who asks for help as a *client* ("patient"), who should be provided with specific (social, psychological, legal, and medical) services. Meanwhile, non-governmental organizations and charitable funds more often resort to the method of "*help for the purpose of self-help*" based on the activation of a person, its energetic involvement to the social and working life, motivation to the positive changes (labour migrant in this case acts as an active participant in the process of personal problems solving), so often they appeared to be more efficient in dealing with former labour migrants.

2. Development of structures of self-organization of labour migrants.

The attempts to establish (self-organise) associations by the very labour migrants have become a totally new phenomenon today. Self-development of such communities is at the initial stage, so the principles of the activity of such associations have not been finally formed. Ann yet, we can be positive that such communities are characterized by considerable social potential, since their partici-

pants understand the problem "from the inside", consequently there are more open and accessible for the surroundings.

3. Accessibility of Law making process for non-governmental organizations through lobbying procedures and cooperation with dedicated committees of Verkhovna Rada.

This method of interaction is intended to influence the situation on the macro level, which could result in the highest efficiency. Although, the future of the recent initiatives as to the possible introduction of the institute of lobbyist and lobbying associations for the purpose of the interaction with legislative authorities in Ukraine by means of adoption of Law "On Lobbying" seems rather obscure taking into consideration that such functions have been fulfilled for a long time by the particular circles close to the parliamentary fractions. Unfortunately, the lion's share of the social draft laws is and will be disregarded in the future. Highly efficient work of legislative authority could serve as an initial condition while introducing the substantial changes to the existing regulatory framework.

Of course, facilitation of the process of social and psychological rehabilitation of the former labour migrant is a complicated task requiring first of all the very migrant's desire for a fresh start. But, at the same time, it should be realized that: if one resolves to change its fate having returned home, he should not be alone with his problems; he would feel that society accept and encourage his choice.

Final return or recurring emigration: instead of conclusion

Under conditions of the global financial crisis, the social contradictions become more acute; the societies accumulate anxiety and uncertainty in the future. Under these circumstances many Ukrainian labour migrants resolve in favour of coming back home.

Arrival at a decision to come back does not mean, however, its automatically successful implementation, since the complete "cycle" of reintegration process includes certain stages: arrival at a decision to come back home, it's realization, it's consequences. Each stage of the cycle foresees certain obstacles for a labour migrant, and only surmounting of all "filters", including response to the reintegration challenges, witnesses the final completion of the cycle. Otherwise, labour migrant will not be considered as the "former" one, appearing as a "potential" instead.

The period of stay of the homecomers in Ukraine is directly proportional to the opportunities, conditions of habitation and stay in the territory of Ukraine, which migrants encounter in the course of implementation of their more or less successful attempt to come back. Creation of the "friendly" legal environment in Ukraine could influence the duration and frequency of the cycles of migrants'

stay at home and abroad, and become temporary transient stage on the ways to ensuring the attractive conditions of stay and employment of the citizens at home on a constant basis without going abroad. At the same time, it does not seem expedient to award the separate status to the Ukrainian citizens in the territory of Ukraine due to the fact that practically all the situations the Ukrainian migrant encounters upon his return to Ukraine have been duly regulated by the legislation of Ukraine. Unfortunately, the "quality" of implementation of appropriate norms and regulations in situ by the respective executive authorities remains improper.

Officially, Ukraine does not welcome labour migration due to the deficiency in labour force and protection of the national interests; at the same time, our country does not pay enough attention to the creation of competitive (if compared to those abroad, even illegal) working conditions. Impossibility to keep and interest its potential migrant in work in Ukraine is a part of the problem of non-recognition by the state of the very phenomenon of labour migration in general as an influential factor of creation of demographic, economic, social and cultural and political image of the country. The situations is being complicated by the fact that according to the analytics, in the nearest future Ukraine is going to experience both deficiency in labour force and influx of foreigners, who are likely to change Ukrainians on free work places. In terms of this context, the following question arises: will it not be more expedient under such conditions to encourage own citizens (whose education was funded by the state) to return to their native country?

One of the effective responses to these and other challenges of Ukrainian labour migration, in our opinion, could consist in active implementation of the model of so called circulating migration, which foresees employment by the particular employer abroad with periodic to home country. This model is efficient in practice, first of all in the terms of development of transborder cooperation, though it is happening against the unwillingness of Ukraine to acknowledge its efficiency.

The existing state of affairs in the field of Ukrainian external labour migration could also essentially be improved by active participation of the appropriate social agencies or charitable funds in the migrants' lives. However, even these structures do not always display readiness to facilitate reintegration of labour migrants, in particular in connection with the fact that western grantor mainly orient non-governmental organizations towards the counteraction to human trafficking and assistance to refugees, and do not see acute need in delivering social and legal services to the "usual" labour migrants. Keeping that in mind, "Caritas Ukraine" International Charitable Fund has already initiated several projects aimed at the successful reintegration of labour migrants upon their return (Network of partner organizations *Solidarity, ERSO 2*) and projects oriented towards

the study of legal aspects of migration (*BrainNet-working*). We are convinced that such type of projects will be able to provide actual support to the Ukrainian labour migrants, protect their rights, as well as to lobby further improvement of Ukrainian legislation, giving Ukrainians a chance to live and work within the frameworks of legal basis - both in Ukraine and beyond its borders.

References

1. Алмаші І. Права та обов‘язки біженців в Україні. // Міграція і толерантність в Україні. – Кіев, 2007;
2. Alt J. Leben in der Schattenwelt. Problemkomplex illegale Migration. Neue Erkentnisse zur lebenssituation ‘illegaler’ Migranten aus München und anderen Orten Deutschlands. – Karlsruhe, 2003.
3. Андерсен В. Особливості міграційних процесів в Україні» // Міграція і толерантність в Україні. – Кіев, 2007.
4. Baganha M.I., Marques J.C., Gois P. The Unforeseen Wave: Migration from Eastern Europe to Portugal. // Baganha M. (Ed.). New Waves: Migration from Eastern to Southern Europe. – Lisbon, 2004.
5. Чехович С. Правове регулювання міграційних процесів в Україні. <www.lawbook.by.ru> (2010);
6. Criminal Code, Art.22.
7. Decree of the Ministry of Health of Ukraine “On further improvement of attestation of doctors” No.168, 21 November 1991. <http://nau.kiev.ua>.
8. Фединяк Г. Регулювання працевлаштування та соціального захисту громадян України за кордоном. // Право України, 1998, №2;
9. Гайдуцький А. Міграційний капітал в Україні: прихована реальність. // “Дзеркало тижня”, 2007, №15;
10. Гарна І. Міграційні процеси в Україні та протидія їх негативним наслідкам. // Вісник Одеського інституту внутрішніх справ, 2003, №4;
11. Kicinger A., Weinar A. (Eds). State of the Art of the Migration Research in Poland. // CMR Working Paper, Warszawa, 2007, №19.
12. Law of Ukraine “On Procedure of Importing (Sending) into Ukraine, Customs Clearance and Taxation of Personal Items, Goods and Transport that are imported (sent) by the citizens to the customs territory of Ukraine” dated 13 September 2001. // “Holos Ukrainy” (Voice of Ukraine), 2001, No.182, 9 October 2001.
13. Леонтенко О. Проблеми становлення й розвитку трудової еміграції з України. // Науково-економічний та суспільно-політичний журнал, 1999, №5;
14. Марков І. (ed.), Бойко Ю., єрм., Іванкова-Стецюк О., Селещук Г. та ін. На роздоріжжі. Аналітичні матеріали комплексного дослідження про-

цесів української трудової міграції (країни Європейського Союзу та Російська Федерація). – Львів, 2009;
15. Markov I. (Ed.), Ivankova-Stetsiuk O., Seleshchuk H. Ukrainian Labour Migration in Europe. Findings of the Complex Research of Ukrainian Labour Immigration Processes. – Lviv, 2009.
16. Migrant workers worldwide sent home more than US$300 billion in 2006. Annual report UN IFAD, 2007. - <http://www.ifad.org> (2010).
17. Победа Н.А. Мультикультуральное общество и региональные стратегии конструктивного плюрализма. // Вісник Одеського національного університету. – 2003. – Т.8. Випуск 9. Соціологія і політичні науки. Матеріали міжнародної науково-практичної конференції «Соціальна політика і механізми інтеграції українського суспільства» 27-28 вересня 2002 р.
18. Resolution of the Cabinet of Ministers of Ukraine No.1751 dated 27 December 2001 "On approval of the procedure for assigning and disbursing state assistance to families with children. // [Herald of the Ukrainian Parliament], 2002, No.52, 11 January 2002, p.2365.
19. Resolution of the Board of the National Bank of Ukraine "On Transportation of Cash and Bank Metals through Customs Border of Ukraine" dated 27 May 2008, <http://www.nau.kiev.ua>.
20. Resolution of the Pension Fund "On approval of the procedure of the voluntary participation in the system of obligatory state pension insurance of citizens of Ukraine working beyond its borders" dated 10 March 2009. // [Herald of the Ukrainian Parliament], 2009, No.27, 21 April 2009, p.910.17.
21. Shutz A. The Homecomer. On Phenomenology and Social Relation. - Chicago, 1970.
22. Ульяницька О. Проблеми безробіття і трудова еміграція українців. // Актуальні проблеми економіки, 2005, №8.
23. Weber S. Exploring Some East-West Migrant Networks and Their Distant Local Dynamics, Ukrainian, Polish and Romanian Migrants in Rome. // New Waves: Migration from Eastern to Southern Europe. – Lisbon, 2004.

Prezentat la redactie
la 21 ianuarie 2010

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В МОЛДОВЕ: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ (НА ПРИМЕРЕ ПКРМ)

Валерий МОШНЯГА
Республика Молдова, Кишинев, Молдавский государственный университет, факультет международных отношений, политических и административных наук, кафедра политологии
Заведующий кафедрой, профессор, доктор хабилитат политических наук

Татьяна ТУРКО
Республика Молдова, Кишинев, Молдавский государственный университет, факультет международных отношений, политических и административных наук, кафедра политологии
Доцент, доктор политических наук

The article is dedicated to the solving of the institutionalization of the political parties in the Republic of Moldova. The institutionalization of the parties is a multi-plan project, which consists of their evolution into a group of functioning structures and organizations. The authors accent the functioning of the Communist Party of the Republic of Moldova, which had been governing the Republic of Moldova for the past 8 years. The process of the parties' institutionalization is looked at through a prism of the members' attitudes – random, activists and functionary. Based on a social study, motives, possibilities and advantages of the parties' membership are analyzed, also questions based on the work within the party and its work with the voters are answered. A comparative analysis also takes place within this article. The main topic of these analyses is the comparison of the survey's results which took place in 2005-2006; the survey itself was taken by the party functionaries and the independent experts.

The parliament elections from 2009 and the transition of the communist party into the opposition have led to a configuration of the party-parliament representation. This is why the communist party must search and learn new effective ways of working as and oppositional party.

Методология исследования

Становление политических партий как полноценных и конкурентноспособных акторов демократической политической системы неразрывно связано с процессом институционализации политических партий - «все партии для их выживания должны в определенной степени институционализироваться» [8, 54].

Институционализация партий является многоплановым процессом. И предполагает институционализацию политических партий как в политиче-

ской системе страны, так и в массовом сознании населения, получении социальной и электоральной поддержки со стороны электората. В то же время институционализация означает и их становление как реально фунционирующих структур и организаций. Этот аспект проблемы институционализации политических партий избран нами в качестве цели исследования.

С организационной точки зрения процесс институционализации политических партий может быть определен как рутинизация, стабилизация и укрепление правил и моделей взаимодействия [5, 80]. В ходе институционализации участвующие в нем субъекты связывают реализацию своих планов с соответствующей партией, предлагаемыми ею правилами и практиками. Результатом институционализации правил, процедур или моделей поведения является их повторяемость и предсказуемость, способность формировать стабильный набор ожиданий в плане их применения.

Процесс институционализации сопровождается развитием внутрипартийного согласия, которое можно определить как «меру того, насколько в данной ситуации члены группы работают вместе ради реализации групповых целей в одном и том е направлении (одним и тем же способом)» [7, 305]. Внутрипартийное согласие предполагает определенную степень единства элиты и согласие членов с целями партии или предпочтениями лидера. Оно выражается в одобрении и принятии организационных правил, обеспеченных партийной дисциплиной, определенной системой принуждения и санкций [7, 305].

Практика свидетельствует, что этого недостаточно для участия граждан в деятельности политических партий, их поддержки на выборах, заинтересованности в организационно-партийной работе. Необходимы и другие стимулы: коллективные и селективные [8, 1989]. Первые связаны с политической идентификацией, ценностями и ориентациями. Вступая в партию под воздействием коллективных стимулов, человек ищет единомышленников. Принадлежность к партиям доставляет ему психологический комфорт. Селективные стимулы носят материальный характер. Руководствуясь ими, люди стремятся повысить свой социальный статус: увеличить доход, получить какую-либо должность, сделать карьеру... [6].

Селективные стимулы роста увеличивают привлекательность участия в партийном строительстве, способствуют выживанию партии и росту ее привлекательности. При этом понимание важности коллективных действий совместно с другими членами организации для реализации селективных намерений приводит к снижению стимулов к «выходу» и возрастанию «лояльности» к партии [3, 197].

Отметим, что на процесс институционализации политической партии оказывают влияние и другие факторы, характеризующие не только собственно особенности партийной системы, но и условия деятельности пар-

тий: политические традиции, развитие государственности и демократических институтов, институциональный дизайн.

Важен учет специфики самих партий, их история: в каких условиях создавалась партия, формировалась ли она как оппозиционная, укрепляя свои позиции в конкурентной борьбе, или конструировалась изначально как «партия власти» [4]. Важным аспектом является и политические традиции, воспроизводимые партией, ее преемственность по отношению к другим политическим организациям.

Важную роль в структурировании системы стимулов и определении организационного своеобразия играет и роль партии в системе власти. Если партия влияет на состав исполнительной власти, определяет политический курс ее возможности по удовлетворению селективных намерений членов и сторонников значительно больше.

Отметим также и действие такого фактора как наличие и соревнование внутри партии различных фракций. В этом случае принадлежность к той или иной фракции, участие во внутрипартийном соревновании могут являться привлекательными для рядовых членов и активистов в плане реализации селективных и коллективных мотивов.

И, наконец, важную роль в формировании своеобразия организационной структуры и совокупности используемых партией стимулов к партийному членству и активизму являются институциональные или иные условия (например, степень государственной состоятельности), способствующие или препятствующие наличию иных политических игроков, развитию реальной политической конкуренции.

Исследуя проблему институционализации политических партий в Молдове, мы акцентировали свое внимание на функционировании партии коммунистов Республики Молдова. Это обусловлено тем обстоятельством, что эта партия является наиболее массовой политической партии страны: ее численность доходит, согласно утверждениям ее лидеров до 30 тысяч человек. На протяжении последних 8 лет эта партия являлась правящей партией страны, которая привлекала широкими возможностями карьерного роста и в которую стремились попасть многие политически и социально активные личности.

В силу этого процесс институционализации ПКРМ протекал значительно ярче и откровеннее. Переживаемый ею сегодня процесс оттока во многом обусловлен и утратой ее статуса правящей партии, переходом в оппозицию, снижением возможностей для карьерного продвижения во властных структурах. Анализ институционализации ПКРМ, выявление определенных тенденций представляет интерес как с научной, так и с политико-практической точки зрения, ибо демонстрирует некоторые перспек-

тивы и для других молдавских политических партий, независимо от их политической ориентации или властного статуса.

Процесс институционализации ПКРМ рассматривается сквозь призму представлений самих партийцев – рядовых членов, активистов и функционеров. С этой целью в июле-августе 2009 года нами было проведено качественное социологическое исследование. Были опрошены 6 респондентов – членов партии коммунистов Республики Молдова, различающихся по своим занятиям в партии, но все знакомые с организационной жизнью и принимающие участие во внутрипартийной работе. По гендерному признаку респонденты представлены следующим образом: 3 мужчин и 3 женщины. В ходе опроса выяснялись обстоятельства прихода рядовых членов и деятелей ПКРМ в партию, мотивы их участия в партийной жизни, их взгляд на механизм принятия партийных решений, виды и формы партийной работы, единство партийных рядов и т. д.

Вопросы, включенные в интервью, можно условно разделить на два блока: личностный и партийно-организационный. Личностный блок охватывает проблему мотивации вступления в ряды партии коммунистов, раскрывает возможности и преимущества, связанные с членством в данной партии. Второй блок посвящен организации партийной работы как внутри партии, так и в отношениях с населением, в частности, механизму принятия решений, вопросам партийной дисциплины, работе с партийным активом и избирателями.

Почему Партия коммунистов?

Почему, учитывая многообразие политических партий, люди и сегодня вступают в партию коммунистов? Какими мотивами они руководствуются в своем выборе? Почему кому-то недостаточно просто голосовать за данную партию на выборах, а требуется активно работать в партии? Что побуждает людей вступать в такие партии? На вопрос «Почему выбрали именно партию коммунистов?» некоторые респонденты отметили, что сказалось влияние родителей, которые в советский период состояли в КПСС, и воспитывали детей на коммунистических идеалах. Поэтому в определенный момент люди решили не просто со стороны наблюдать за происходящим, а принимать непосредственное участие в деятельности партии.

Р.1. «*Я была наслышана и о коммунистической партии Советского Союза. У меня был ряд таких воспоминаний, родители отзывались, рассказывали. Но и те действия, которые предпринимала партия коммунистов на тот момент, что происходило в этой стране, нашло отклик и у меня как у студента в моей душе. Мне захотелось не просто наблюдать и*

пользоваться, а принимать непосредственно в этом участие и, насколько это возможно, быть полезным.»

Р.5. *«Мой отец 45 лет был членом партии коммунистов. В принципе, я была воспитана на этих идеалах. И, когда я решила, что нужна моя помощь, чтобы коммунисты победили и пришли к власти в Молдове, я вошла в коммунистическую партию. Для того, чтобы помочь… Я выросла в Советском Союзе, училась Советском Союзе. Я воспитана на идеалах интернационализма, равенства, взаимоуважения, человеколюбия».*

Другие опрошенные подчеркивают, что разделяют коммунистические ценности, партия соответствует их жизненным и политическим устремлениям, вырабатывает идеологию, которой нет у других партий.

Р.4. **«***Когда ты вступаешь в партию, ты являешься частью большого дела. Когда ты просто сторонник партии, ты не пожинаешь плоды ее труда, ты являешься потребителем ее труда, ее заслуг. И взамен поддерживаешь партию, выражаешься позитивно об этой партии и голосуешь за нее на выборах... Сначала для меня это был просто такой молодежный интерес. И, в первую очередь, я разделял коммунистические ценности. Эта партия соответствовала моим политическим устремлениям».*

Р.6. **«***В партию коммунистов я пришла из комсомола. В то время я была относительно аполитичным человеком и попала в молодежную организацию. Мне понравилось. Я увидела здесь что-то похожее на мой характер, мои жизненные взгляды. Поэтому я решила вступить в партию. Посмотрим, что будет дальше. Относительно других партий… Я слышала, но что конкретно они из себя представляют, я как бы не знала. Но на сегодняшний день я думаю, что все равно выбрала бы партию коммунистов, потому что здесь есть та идеология, которой нет ни в одной партии».*

Третьи отмечают, что вступление в партию – это логический результат сотрудничества с партией.

Р.3. *«Когда вы сотрудничаете с коммунистами и если делаете это активно, если вы действительно завтра хотите сделать больше, чем сегодня, то вступление в партию – это совершенно естественный процесс. Он как бы завершает ваше оформление как сотрудника, как соратника. Членство в партии резко повышает уровень доверия к вам… Вопрос: почему именно к коммунистам. Типичный путь человека. Сначала начинает помогать коммунистам, потом вступает в партию».*

Налицо коллективные стимулы вступления в партию коммунистов, а исходя из типов взаимосвязей между партией и избирателями, можно отметить преобладание идеологического типа [3]. Эти данные подтверждают и результаты опроса, проведенного в декабре 2005 – феврале 2006 гг., в ходе которого партийным функционерам предлагалось оценить по 10-

балльной шкале важность различных факторов, влияющих на принятие решения о вступлении в партию. Список включал три фактора: поддержка программы и идеологии партии; поддержка лидера партии; возможность профессионального и карьерного роста [9, 162-164].

Поддержка программы и идеологии признана наиболее важным фактором при принятии решения о вступлении в партию. Но надо иметь в виду: партийные функционеры четко осознают, что этот фактор является нормативно и морально более привлекательным, и могли завышать его важность в своих оценках. У партии коммунистов этот показатель составил 9,7 балла, в то время как средний показатель – 8,9 балла. Среди политических формирований у ПКРМ эта оценка наиболее высока. Выше среднего этот показатель у Христианско-демократической народной партии (ХДНП) – 9,4 балла. Идейная мотивация при вступлении в партии менее важна для потенциальных членов Демократической партии Молдовы (ДПМ) и Социально-либеральной партии (СЛП) – 8,9 и 8,5 балла соответственно, а в случае Альянса «Молдова ноастрэ» (АМН) данный фактор получил самую низкую оценку (7,5 балла).

Следует отметить, что на момент проведения опроса АМН являлась результатом слияния нескольких политических формирований, которые придерживались различных идеологических доктрин: от социал-демократии до национал-либерализма. Естественно, что такой разброс не мог не сказаться на выработке общей идеологической программы.

Вторым мотивационным критерием при вступлении в партию выступает авторитет лидера партии. По сравнению с другими политическими образованиями у ПКРМ данный показатель достаточно высок – 8,1 балла (средний показатель – 7,5). Это говорит о том, что личность лидера партии коммунистов характеризуется высоким уровнем популярности и важна для вступающих в партию. Выше, чем у партии коммунистов, оценка авторитета лидера только у Социально-либеральной партии (8,3 балла). Баллом выше среднего оценена важность лидеров ХДНП и ДПМ – соответственно 7,9 и 7,7 балла. Низкий уровень поддержки лидера АМН объясняется также, как и низкий уровень поддержки программы партии.

В случае ПКРМ (как и некоторых других формирований) существует большой разрыв между идеологическим критерием и популярностью лидера в качестве личного мотива вступления в партию. Это указывает на то, что идеология является преобладающим фактором и свидетельствует о высоком уровне идеологизации партии.

По мнению партийных функционеров, такой фактор мотивации – возможность профессионального и карьерного роста – является наименее важным для потенциальных членов партии. У ПКРМ этот показатель составляет 4,4 балла. Это достаточно неожиданный результат, поскольку на пе-

риод проведения опроса партия коммунистов была правящей партией. С другой стороны, Социально-либеральная партия и Альянс «Молдова ноастрэ» зафиксировали самые высокие оценки – 6,9 и 6,1 балла соответственно, что также достаточно неожиданно для оппозиционных партий. Скорее здесь речь идет не о возможности сделать карьеру, а о расширении связей и социальных контактов. С другой стороны, в опросе участвовали партийные функционеры, которые идут в партию с целью сделать карьеру и в принципе имеют такую возможность. На данный момент по результатам парламентских выборов, состоявшихся 29 июля 2009 года, АМН, а также Демократическая партия Молдовы получили места в парламенте, набрав соответственно 7,35% и 12,54% голосов избирателей [2, 568], что, скорее всего, будет способствовать привлечению новых членов, так как значительно увеличивает шансы для их профессионального и карьерного роста.

В ходе опроса 2009 года нас интересовало, какие преимущества дает членство в партии коммунистов как партийным функционерам, так и рядовым членам партии. Отличаются ли те возможности, которые предоставляет партия коммунистов рядовым членам, активистам и партийным функционерам от тех, которые способны дать другие партии, действующие на молдавской политической арене? Некоторые респонденты указали на такие преимущества, как возможность устроиться на работу, сделать карьеру, то есть здесь речь идет о селективных мотивах вступления в партию.

Р.4. «*Есть и другая мотивация – возможность устроиться на работу. Партия – это, конечно, не бюро по трудоустройству, но, имея возможность общаться с людьми разного ранга… Те же министры, начальники, функционеры, бюрократы, бизнесмены. Они являются такими же рядовыми членами партии. В партийных структурах они равны, они разговаривают на равных. Это, естественно, открывает двери в различные учреждения. Конечно, здесь есть колоссальная возможность найти себе место работы или источник для заработка, партнера по бизнесу, коллегу по работе*».

В то же время постоянно подчеркивается, что партия трудоустройством не занимается, а занятие должностей зависит не от наличия партийного билета, а от профессиональных качеств.

Р.3. *«Есть специальное постановление ЦК от 2001 года об ужесточении контроля за приемом в партию. Суть этого длинного постановления заключается в одной простой фразе: партия трудоустройством не занимается». Из тезиса «партия не занимается трудоустройством», вытекают важные вещи. Во-первых, партийность не является критерием при выборе человека на должность… Разумеется, если вы партийный человек, это означает к вам повышенный уровень доверия».*

P.1. «*Главное, где бы ты ни находился, ты должен быть профессионалом своего дела вне зависимости от того, работаешь ли ты в школе или в министерстве… Ты можешь иметь партбилет, но если ты не являешься профессионалом никакого дела, в команде профессионалов тебе места не найдется. А вы знаете лозунг партии коммунистов «Везде должны быть профессионалы», «Каждый должен быть на своем месте»*. Что касается других партий, по мнению респондента, там подход иной: сначала партбилет, лояльность партии, а потом профессионализм.

P.4. *«Есть слова Владимира Воронина, который говорил, что мы, принимая человека на работу, должны смотреть не на его партийную принадлежность, а на его профессиональные качества. Изначально этот принцип объявлен. Мы пытаемся его придерживаться»*.

Это во-первых.

Во-вторых, респонденты отмечают, что членство в партии дает огромный круг знакомств, расширяет связи и социальные контакты, позволяет участвовать в различных международных семинарах.

P.1. *«Огромный круг знакомств. У меня так получилось: от министров и до рядовых … Кроме того, мне удалось поработать с директорами школ. Потому что я работала определенный промежуток времени с детьми. И это дает большую пользу, развитие, знакомство, умение общаться с людьми, умение ладить… Благодаря тому, что когда-то я вступила в партию, я принимала участие в различных международных семинарах, училась в институте европейских знаний. Это дало мне очень много знаний, которые в жизни мне очень пригодятся»*.

P.4. *«Для молодежи в возрасте от 18 до 25 лет. Как правило, эта молодежь нуждается в общении, в расширении своего кругозора, в возможности познакомиться с республикой, с ребятами из разных регионов страны. Школа и университет не дадут тех возможностей, которые открывает общественная организация в принципе. Или тот же комсомол или партия как организация политическая. Одна из основных мотиваций круга партийцев, с которыми я знаком, это общение и возможность расширение кругозора»*.

P.6. *«На сегодняшний день преимущества в том, что у меня есть очень широкий круг общения, знакомых людей… саморазвитие»*.

В-третьих, членство в партии способствует личностному росту, возможности самореализации.

P.3. «*Если говорить о возможностях, которые предоставляются членам партии. Прежде всего, это возможность для самореализации, это нормальная потребность всякого человека соответствовать человеческому званию. Жить достойно, что называется. Когда мы говорим «жить*

достойно», мы не говорим только о материальном благополучии. Это человеческое достоинство».

Р.4. *«Но есть и личностный рост. Общаясь с людьми разного уровня, каждый день, будучи на своем рабочем месте, ты общаешься с кругом людей в 30-40 человек. Здесь же в партии круг твоего постоянного общения может зашкаливать за несколько сотен, а то и больше».*

В-четвертых, членство в партии дает чувство причастности к происходящим событиям, «к чему-то большому».

Р.5. *«Я причастна к возможности, к усилиям сделать что-то хорошее. Для меня коммунистическая партия ассоциируется только с хорошим, добрым, народным. Все, что делает коммунистическая партия, делается на пользу народа. Конечно, учитывая реалии сегодняшнего дня… Какие-то трудности… Но все равно именно партия коммунистов является народной партией. Изначально народной».*

Р.3. *«Специфика молдавской ситуации в том, что единственной партией классического типа (с твердым членством, некой идеологией, с некими вертикальными принципами, которые строго прослеживаются от руководства до ячейки) существует только в партии коммунистов».*

По мнению этого же респондента, чтобы понять, что люди ищут у коммунистов, надо посмотреть, кто им противостоит.

Р.3. *«Им противостоят три совершенно четко выраженные политические группировки. Во-первых, это румыны-шовинисты. Это их лучшее название. Которые выступают за то, чтобы Молдова объединилась с Румынией. Во-вторых, это те, кого можно назвать криминальными олигархическими кругами… И, в третьих, это осколки бывшей партноменклатуры. Их всех объединяет одно: им глубоко наплевать, что происходит с Молдовой, с людьми».*

Как ни парадоксально, но, по мнению коммунистов, привлекательность других партий определяется практически теми же факторами: поддержка партийной идеологии / программы, возможность устроиться на работу, сделать карьеру, особенно на местном уровне. С точки зрения одного из респондентов, *«состоять в оппозиционной партии, на мой взгляд, не менее интересно. Доля властной нагрузки в этих партиях меньше. Поэтому пространства для творчества в этих партиях больше. Власти меньше, свободы больше»* **(Р.4.)**

Но существует и другое мнение: в оппозиционные партии идут люди, которые либо обижены коммунистами, либо придерживаются прорумынской ориентации.

Р.5. *«В АНМ* (Альянс «Наша Молдова») *идут обиженные капиталисты, у которых где-то в чем-то ущемили бизнес. Люди амбициозные, ко-*

торые не могут сегодня эти амбиции реализовать, потому что где-то в чем-то их ущемляют. То есть, это партия обиженных».

В Либеральную партию идет молодежь, которая получила образование в Румынии. **Р.5.** *«Она получает там не только образование. Она получает там румынское мышление. Возвращаясь сюда, они идут к Киртоакэ* (вице-председатель либеральной партии), *потому что Киртоакэ приближен к румынам. В принципе Киртоакэ берет к себе под флаг тех людей, которые прошли через образование в Румынии, воспитание в Румынии. Там это воспитание поставлено сильнее, чем у нас».*

Но, несмотря на все сложности и противоречия современной политической жизни, партия коммунистов является массовой и достаточно популярной партией в молдавском обществе. Вступление в партию происходит в большей степени по коллективным, идеологически мотивированным, причинам, что в определенной степени связано с преобладанием программно-ориентированных отношений между партией и избирателями.

Деятельность партии коммунистов

Внутрипартийные отношения, или распределение власти внутри партий – важная проблема, с которой сталкиваются все политические партии. Уровень централизации власти в руках партийного лидера, значимость таких органов, как центральный исполнительный орган или парламентская фракция в процессе принятия решений, партийная дисциплина, - все это влияет на взаимоотношение партий с рядовыми членами, активистами, функционерами, а также избирателями.

Каждое политическое формирование имеет местные организации, высший представительный и законодательный орган (в ПКРМ – съезд), центральный исполнительный орган (в ПКРМ – политисполком), возглавляющий партию в период между съездами, и председатель партии (в ПКРМ – В.Воронин).

Одним из индикаторов эффективности внутрипартийной жизни, определяющим отношения между руководством партии и рядовыми членами, является механизм принятия решений. Партия, находящаяся у власти, принимает множество решений: выдвижение кандидатов на публичные должности, определение генеральной политической линии, идеологические вопросы. Естественно, что влияние различных партийных органов на данный процесс неодинаково.

В ходе интервью коммунисты выделили несколько звеньев, которые участвуют в процессе принятия решений: первичные организации, районные комитеты, центральный комитет, политисполком и съезд. По их мнению, главная роль в принятии ключевых решений принадлежит ЦК и политисполкому.

P.3. *«Если говорить о каких-то стратегических уровнях принятия решения. Это уровень Центрального комитета партии. У ЦК между пленумами есть такой орган как политический исполком, который разрабатывает проекты решений, которые утверждаются на пленуме ЦК. Достаточно классическая схема. Это обеспечивает достаточно высокий уровень партийной демократии».*

P.6. *«Политические решения принимаются больше на центральном уровне. Это политисполком и центральный комитет».*

Один из респондентов указал на большое влияние официального лидера партии В.Воронина.

P.1. *«Насколько мне известно, этим занимается политисполком. Естественно, большое влияние принадлежит председателю партии Владимиру Николаевичу Воронину. Насколько я знаю, он совещается по вопросам с членами политисполкома… Поэтому я не думаю, что решение принимается единолично, ни в коем случае… Хотя я не исключаю, что некоторые решения могут быть приняты волевым решением одного человека, лидера партии. Но я считаю, что это нормально».*

Хотелось бы отметить следующее: члены партии, работающие в столице, считают, что в той или иной степени все партийные структуры, в том числе и первичные организации, оказывают влияние на принимаемые решения. Секретари периферийных первичных организаций четко говорят, что они не влияют на процесс принятия решений, либо уходят от ответа на этот вопрос.

P.2. *«…Не советуются. Мы не принимаем решения».*

Полученные результаты в определенной степени подтверждают данные опроса 2005-2006 гг. В тот период коммунистические партийные функционеры высоко оценили роль политисполкома в процессе принятия решений – 8,6 балла. На первое место они поставили съезд партии (9,4 балла), а на третье – официального лидера партии (8,1 балла) [9, 140]. Высокая оценка роли съезда вполне закономерна. Официальные партийные документы определяют съезд как наиболее важный партийный орган, поэтому респонденты склонны подтверждать это положение в своих ответах.

Роль местных организаций в процессе принятия решений была оценена 7,5 балла. Кроме обязательных уставных органов партии в анкету были включены также два участника партийно-политического процесса: парламентская группа и внутрипартийные фракции. Значимость парламентской группы в принятии решений почти совпадает с ролью местных организаций – 7,4 балла. Важность внутрипартийных групп была отмечена оценкой 3,2 балла [9, 140], что неудивительно, поскольку наличие внутрипартийных фракций служит показателем единства партии, а ПКРМ позиционирует себя как сплоченная массовая партия.

В отличие от партийных функционеров, независимые эксперты иначе оценили значимость различных партийных органов в процессе принятия решений. Экспертам было предложено оценить первый и второй по значимости партийный орган. В противовес партийным функционерам ПКРМ, эксперты оказались единогласны в том, что официальный лидер партии играет наиболее важную роль при принятии решений (100%). Более того, некоторые эксперты (22,2%) выделили официального лидера партии одновременно как первый и второй по значимости орган, что можно интерпретировать как желание подчеркнуть исключительную важность партийного лидера партии коммунистов в процессе принятия решений. Одинаковое количество экспертов (22,2%) вторым наиболее важным органом считают центральный исполнительный комитет, парламентскую фракцию и неформальные партийные группы. Хотя роль неформальных партийных групп в процессе принятия решений в партии коммунистов вызывает большие сомнения. Съезд партии отнесли ко второму по важности органу 11,2% экспертов [9, 141], что можно объяснить тем, что съезд утверждает решения, принимаемые ЦК и политисполкомом.

Недавно была принята новая программа партии коммунистов. Обсуждалась она около полутора лет на уровне первичных организаций, районных парторганизаций, затем была рассмотрена на Пленуме ЦК и принята на съезде партии. Обсуждение программы, пожалуй, один из немногих примеров, когда в процесс были включены организационные структуры различных уровней.

Р.4. *«Обсуждение шло на всех уровнях… Суть в том, что эта программа активно обсуждалась. В зависимости от того, насколько интересно и широко включились в обсуждение этой программы организационные структуры, была и их степень участия, влияния на конечный вариант программы»*.

Р.6. *«Программа разработана на уровне центрального комитета. Она была вынесена на уровень региональный, районный». «Каждая первичная организация была обязана провести собрание, на котором одним из пунктов в повестке дня было именно обсуждение данной программы. И там же на этом собрании люди высказывали свое мнение. Согласны они либо у них есть какие-то замечания». «Потом на уровне районного комитета выносились эти предложения об изменении программы… И потом это было вынесено на центральный уровень, на уровень съезда. Да, не все политические решения принимаются таким образом. В основном это политисполком и центральный комитет принимает решение»*.

Если рассматривать кадровую политику, по мнению респондентов, при выдвижении кандидата на государственный пост, мнение партии – одна из составляющих, но она не является определяющей.

Р.4. «*Что касается внутрипартийных решений, то здесь человек рассматривается с двух сторон: каков его потенциал, что он может принести этой партии. Речь идет о личном вкладе и о материальных вложениях, когда речь идет о предпринимателях. И, с другой стороны, степень заинтересованности в партии, что этот человек может ей дать*». Если человек – предприниматель, он может быть полезен для поддержки каких-то мероприятий, малоимущих слоев населения; если человек умеет красиво говорить, он будет востребован на политзанятиях.

Поскольку опрос проходил в преддверии парламентских выборов, актуальным был вопрос о влиянии организационных структур различного уровня на составление списков кандидатов в депутаты. Составление депутатских списков - это общереспубликанский уровень, районные комитеты предлагают кандидатуры в муниципальные органы власти, на местные выборы.

Для районов республики очень важно, чтобы их депутат был представлен в парламенте, поскольку это будет обеспечивать непрерывное внимание к данному району. Отличительная особенность партии коммунистов от любой другой партии в республике в том, что каждый район имеет право на своего представителя в парламенте. Поэтому районные партийные организации стараются быть представленными в парламенте одним, а лучше двумя, депутатами. Это зависит от двух показателей: численности района и уровня поддержки партии в районе. По мнению респондентов, только партия коммунистов всерьез озабочена тем, чтобы в списке кандидатов в депутаты парламента были представлены не просто районы и территориальные организации, а количество национальностей, обеспечено пропорциональное представительство мужчин и женщин, людей молодого и старшего поколения. Решающую роль в составлении списков депутатов на парламентские выборы играют высшие партийные структуры.

Р.1. *«Есть несколько членов политисполкома, которые выдвигали свои предложения. Есть несколько членов ЦК, которые не являются членами политисполкома, но у них тоже есть предложения. Они много лет работают с этими людьми и знают, кого предлагать». «На парламентские выборы априори предлагается первый секретарь, разумеется, если он этого достоин».*

Р.3. *«Выдвижение кандидатур происходит на уровне районных партийных организаций. Если они не встречают противодействие со стороны первичных партийных организаций, она выдвигается в верхние органы, в ЦК. Дальше список кандидатов, который формируется политисполкомом и специальной комиссией при ЦК, обсуждается на пленуме».*

Как заметил один из респондентов, искусство формирования списка является одним из определяющих для победы партии на выборах, потому

что это люди, которые будут представлять партию в высшем законодательном органе страны. От того, насколько удачно будут подобраны эти люди, будет зависеть и эффективность самой партии.

Р.4. *«Кадровая политика все же имеет две основы – партийная необходимость и общественная полезность. Он* (человек) *может быть очень хорошим коммунистом, но очень мало полезным в общественных делах. И наоборот. Человек, который может иметь громадный авторитет в районе, не попадет в списки нашей партии, потому что не является ее сторонником».*

На муниципальных выборах ситуация несколько иная. При формировании списков кандидатов в районные и муниципальные органы власти слово райкомов является определяющим, учитывается мнение первичных организаций, тех людей, которые знают кандидатов и могут дать им характеристику. Одна из опрошенных привела пример: будучи несогласной с одной из кандидатур из списка в местные органы власти, она обратилась в ЦК, и ее мнение было учтено.

Р.5. *«Мое мнение учли здесь в Центральном комитете. Мое мнение оказалось решающим в плане выбора председателя района».*

Таким образом, значимость различных партийных органов в процессе принятия решений неоднозначна. Наибольшим влиянием обладают съезд партии, Центральный комитет и политисполком, а также официальный лидер партии. Но для достижения эффективных отношений между партийными структурами различного уровня необходимо активнее вовлекать в этот процесс районные и первичные партийные организации, стремится учитывать их мнение не только в рамках местного, но и республиканского масштаба.

Важной организационной задачей партии является работа с партийным активом. Основной формой такой работы респонденты единогласно считают партийное собрание. По регламенту партсобрание должно собираться один раз в квартал, но некоторые опрошенные высказывают мнение, что более оптимально проводить его один раз в месяц. Партийные собрания решают все насущные вопросы партийной организации: прием в партию, подведение итогов и принятие плана работы на следующий период, сбор членских взносов и вопросы партийной дисциплины. Одна из проблем, которая возникает при проведении собраний – проблема кворума. По мнению респондентов, в первую очередь, проблема связана с неправильным руководством первичной организации.

Р.4. *«Как только начинается проблема с кворумом, это уже яркий сигнал того, что в партийной организации есть проблемы. Либо секретарь не знает, какое время является удачным для проведения партсобраний, чтобы все пришли. Либо это говорит о том, что он не знает режима ра-*

боты своих коммунистов. Либо организация перестала действовать как единое целое, либо секретарь стал отставать от потребностей членов своей организации».

Наряду с партсобранием коммунисты выделяют и другие формы работы: изучение партийных документов, политическая учеба («Народный университет», проводится раз в месяц), информационные дни, когда перед партактивом выступают должностные лица, владеющие информацией, то есть идеологическая работа является важнейшей и неотъемлемой составляющей деятельности партии. Один из респондентов указал на такую форму работы как подписная кампания. В соответствии с партийным постановлением каждый член партии обязан подписать на газету «Коммунист» как минимум двух человек, а желательно трех.

Используются и другие формы работы с людьми – митинги, манифестации, субботники, благотворительные акции (в частности, помощь пожилым людям и инвалидам). Естественно, что какие-то мероприятия проводятся регулярно, а какие-то приобщены к определенным датам.

Еще один вопрос, который волнует членов ПКРМ, - партийная дисциплина. Коммунисты отмечают, что этот вопрос обсуждается на каждом партийном собрании и касается, в первую очередь, уплаты партийных взносов, которые по Уставу составляют 2% от ежемесячного дохода. Поскольку партийные взносы – один из основных ресурсов партии финансирования партии.

Р.3. Уплата членских взносов – *«это вопрос насколько серьезно человек намерен с нами работать. Это скорее индикатор партийной дисциплины».*

Есть и другие показатели нарушения партийной дисциплины.

Р.4. *«Он не подписывается на газету «Коммунист». Он не приводит никого в партию по формуле «1+»… Если он является убежденным коммунистом, он приведет в партию своего друга, соседа, коллегу, партнера и пр. Он сам коммунист, но за собой никого не приведет, что для партии убийственно. Рекрутирование в партию – это одна из основ для ее существования и развития».*

Как следствие нарушения партийной дисциплины встает вопрос, очень болезненный для партии коммунистов, – исключение из партии. Респонденты указывают на следующие причины, по которым происходит исключение: 1) потеря связи с партией (например, выезд на заработки в другую страну); 2) не оправдались ожидания, особенно в области карьеры; 3) неисполнение партийных поручений или решений; 4) компрометирование партии (случаи коррупции, воровства); 5) предательство (уход в другую партию, не участвует активно в предвыборной кампании); 6) уход из жизни, поскольку прослойка людей старшего возраста достаточно велика.

Обращаясь к социальному составу ПКРМ, необходимо отметить, что, как и любая другая партия, она не исключает из своих рядов какую-либо категорию населения. В 2005-2006 гг., по мнению партийных функционеров, в партии доминировали пенсионеры (8,1 балла), рабочие (7,5 балла), технические специалисты (7,4 балла), служащие местной публичной администрации (7,1 балла). В меньшей степени представлены фермеры (6,5 балла), юристы (6,2 балла) и далее по убывающей – студенты, учителя, врачи, представители творческих профессий, а замыкают список бизнесмены (5,4 балла). Мнения экспертов подтверждают мнение функционеров: 60% экспертов указывают на то, что пенсионеры – самая активная категория в ПКРМ, но отмечают снижение доли этой категории по сравнению с 2001 годом [9, 158]. Респонденты 2009 года указывают на тот факт, что сейчас в партии увеличивается прослойка в возрасте 30-35 лет.

В других партиях упор делается на иные социально-профессиональные категории. Так, в Христианско-демократической народной партии существуют две наиболее активные группы – студенты (8,7 балла) и учителя и врачи (8,5 балла), достаточно активны и творческие профессии (7,5 балла). Аналогичного мнения придерживаются и эксперты, которые указывают, что студенты в 2006 году стали более активной категорией по сравнению с 2001 г. Именно благодаря студентам у партии очень высокая мобилизационная способность.

В Альянсе «Молдова ноастрэ» нет какой-либо доминирующей профессиональной категории. Партийные функционеры данной партии отметили более активную роль учителей и медиков (7,3 балла) над другими категориями. Также они указали, что их партия активна в привлечении представителей из числа интеллигенции и студенческой молодежи. Но только 11% независимых экспертов согласны с этим выводом функционеров, остальные указывают на наибольшую вовлеченность таких профессиональных групп, как бизнесмены, работники местной администрации, фермеры.

В случае Демократической партии Молдовы и Социально-либеральной партии активность учителей и медиков оценена более высоким баллом – 8,3 и 8,5 баллов соответственно. Однако в отличие от ДПМ, где все категории представлены приблизительно в равной степени, в случае СЛП наблюдается иная ситуация: есть категории, очень слабо представленные в активе партии (пенсионеры – 2,9 балла), и категории с высоким уровнем вовлеченности, например, студенты (7,7 балла). Это объясняется тем, что практически все руководство партии состоит из молодых людей, и естественно, что молодежь, особенно студенческая, является категорией с повышенной активностью в деятельности партии. 57,1% экспертов добавляют еще представителей творческих профессий, как сегмент, вовлеченный в деятельность СЛП.

В ДПМ наблюдается сильная вовлеченность бизнесменов (7,5 балла) и работников местных органов власти (7,3 балла). Бизнесмены в значительной степени участвуют в финансировании ДПМ, они вовлечены и в другие направления деятельности партии, в частности, в организацию различных форумов деловых людей под эгидой партии.

Как уже отмечалось ранее, для партии коммунистов очень важным фактором является уплата членских взносов, так как они являются основным ресурсом по содержанию партии. Это подтверждается и результатами опроса 2005-2006 гг. Партийные функционеры ПКРМ указали, что членские взносы являются основным источником финансирования партии (9,3 балла). По регламенту члены партии должны вносить по 2% от ежемесячных доходов, и полученные суммы составляют значительную часть партийного бюджета. По сравнению с другими партиями, ПКРМ является самой оснащенной в плане недвижимости, затраты на содержание которой очень велики, и только партийные взносы их покрыть не могут. Подтверждением может служить мнение партийных функционеров, которые высоко оценивают такие источники финансирования, как членские пожертвования (6,7 балла) и издательская деятельность (6,1 балла).

В отличие от функционеров, независимые эксперты считают членские взносы вторым по значимости источником финансирования партии (30%). 80% экспертов считают главным источником финансирования правящей партии спонсорство со стороны бизнеса. Только 10% считают, что доходы партии пополняются путем пожертвований со стороны членов партии. Такое же количество экспертов указывают, что ПКРМ финансирует свою деятельность деньгами, полученными из бюджетных отчислений на функционирование парламентской фракции [9, 147].

Интересно отметить, что в 2001 году бизнес считали главным источником финансирования партии 55,5% экспертов, а в 2006 г. такого мнения придерживаются 80% респондентов, что свидетельствует о том, что правящие партии способны заручиться поддержкой бизнеса [9, 213]. Партийные функционеры также оценивают спонсорство со стороны бизнесменов как достаточно важный источник. В 2006 г. и функционеры, и эксперты не рассматривали зарубежные пожертвования как важный источник финансирования. Но 25% экспертов указали на тот факт, что в 2001 г. этот источник являлся наиболее важным. Вероятнее всего, это можно объяснить тем, что в тот период распространялась информация о финансировании избирательной кампании ПКРМ российскими политическими и экономическими кругами.

Вообще вопросы финансирования являются одними из наиболее чувствительных для политических партий и их политиков, что связано с проблемой транспарентности партийных доходов и расходов. Если рассматри-

вать значимость источников финансирования в целом по партийной системе, то, по мнению партийных функционеров, являются пожертвования членов партии (7,2 балла). Вторым по значимости источником они считают членские взносы (6,2 балла), а третьим – зарубежные гранты (6,0 балла). Взносы кандидатов за место в партийном списке, которые с моральной точки зрения являются самым проблематичным источником финансирования, названы данной группой респондентов как наименее важные (3,4 балла).

В отличие от функционеров, по оценкам независимых экспертов, наиболее важным источником финансирования является спонсирование бизнесом. Так считают 41,4% опрошенных. Вторым по значимости источником эксперты назвали зарубежные пожертвования (22,9%), третьим – пожертвования членов партии (15,7%). Для экспертов вопрос об источниках финансирования был открытым, и они имели возможность дополнить список. Ими был назван только один источник – административный ресурс – в отношении правящей партии.

И партийные функционеры, и эксперты определили роль государственных средств, выделяемых на функционирование парламентской фракции как не очень значительную (4,2 балла и 1,4% соответственно). Респонденты только двух из четырех партий, имевших на тот период фракции в парламенте, оценили важность этого источника выше 5 баллов – Альянс «Молдова ноастрэ» (5,7 балла) и Христианско-демократическая народная партия (5,1 балла). Эксперты назвали средства на функционирование парламентской фракции важным источником финансирования только в случае правящей партии.

Наиболее важным источником финансирования АМН, самой большой оппозиционной партии на период 2005-2006 гг., с точки зрения функционеров, являются пожертвования со стороны членов партии (8,5 балла). С этим утверждением согласны только 10% экспертов. В то же время 80% экспертов главным источником называют спонсорство со стороны бизнеса. Еще 10% экспертов считают наиболее значимым источником взносы кандидатов за место в партийных списках на выборах.

Необходимо отметить, что в случае АМН пожертвования со стороны членов партии отражают, вероятнее всего, спонсорство бизнесом. ⅓ опрошенных функционеров АМН являются предпринимателями / бизнесменами, что означает потенциально высокий уровень влияния этой профессиональной категории на решение партийных финансовых вопросов.

В отличие от правящей партии, с точки зрения функционеров АМН, членские взносы не являются значительным финансовым источников для партии (5,6 балла); с этим согласны и независимые эксперты. Функционеры АМН называют еще один важный источник финансирования партии –

реализация различных проектов за счет зарубежных грантов (7,3 балла). Среди источников, значимость которых оценена АМН средним баллом, указываются финансовые средства парламентской фракции (5,7 балла), в то время как эксперты не рассматривали данный источник в качестве важного. Скорее всего, это связано с тем, что фракция АМН являлась второй по величине фракцией в парламенте и, следовательно, парламентская группа пользовалась значительными бюджетными средствами, которые могли быть использованы на нужды партии.

Функционеры Христианско-демократической народной партии отмечают, что самым важным источником дохода данной партии является издательская деятельность (8,3 балла). В то же время только треть экспертов отмечают издательскую деятельность в качестве главного источника. Еще треть экспертов считают, что ХДНП финансируется главным образом из-за рубежа, а каждый пятый называет приоритетными проекты, финансируемые из внешних грантов. 44,4% экспертов считают зарубежные пожертвования вторым по важности источником финансирования. Следует отметить, что ХДНП является единственной партией, для которой издательская деятельность имеет столь важное значение.

Кроме издательской деятельности, обе категории опрошенных указали на такие источники финансирования партии, как реализация различных проектов за счет зарубежных грантов, спонсирование бизнесом, пожертвования членов партии, зарубежные пожертвования. Но закон Республики Молдова о политических партиях запрещает внешнее финансирование, поэтому оценка важности внешних пожертвований в 7 баллов может рассматриваться как нарушение законодательства. Тем не менее, косвенным путем такие пожертвования становятся возможными.

Еще один момент, заслуживающий внимания, - низкий уровень важности взносов кандидатов за место в партийном списке как источнике доходов ХДНП (2,6 балла). Ни один из экспертов не считает этот источник главным, и только 11% определяют его вторым по важности. Можно предположить, что отбор кандидатов ХДНП для участия в выборах осуществляется на основе других критериев.

Финансирование Социал-либеральной партии схоже с ХДНП в плане зависимости от внешних источников. Партийные функционеры выделяют в качестве главного источника реализацию проектов за счет зарубежных грантов (8,6 балла), а 70% экспертов считают наиболее значимым источником зарубежные пожертвования. Чиновники СЛП оценивают этот источник в 6,2 балла, как третий по значимости для партии. 20% экспертов считают самым главным источником финансирования партии зарубежные гранты.

В Демократической партии Молдовы чиновники оценивают почти одинаково все источники финансирования как средневажные, выделяя в качестве самого значимого – финансирование посредством зарубежных грантов (7,2 балла), с этим согласны только 10% экспертов. 70% экспертов считают, что наиболее важным источником финансирования ДПМ является спонсирование бизнесом. По 10% экспертов определили в качестве главных источников пожертвования со стороны членов партии и взносы кандидатов за место в партийном списке. Такое мнение экспертов основывается, скорее всего, на том, что лидер партии Д.Дьяков связан с деловыми кругами и в партии много представителей бизнеса.

Таким образом, ни одна из партий Республики Молдова не основывает свою деятельность на финансовых средствах из членских взносов или пожертвований членов партии. Только чиновники партии коммунистов определили партийные взносы как наиболее важный источник. Практически все политические формирования зависят от финансовых средств со стороны бизнеса или зарубежного финансирования, что создает определенный риск для партийной системы. Такая зависимость может привести к усилению клиентарных отношений, при которых партии будут стремиться к реализации интересов бизнеса или иностранных спонсоров, а не обеспечивать удовлетворение потребностей всех социальных групп. Один из способов избежать этого – увеличить финансирование партий из средств государственного бюджета, что привело бы к укреплению независимости партий и усилению их роли в политической жизни страны.

Одним из признаков массовых партий является активная работа с населением. Как уже отмечалось, опрос 2009 г. проводился в период предвыборной кампании, когда оживляется работа партии с избирателями. Партия коммунистов Республики Молдова организована по территориальному принципу, и за каждой первичной организацией закреплен определенный избирательный участок. Все респонденты были единодушны в том, что в период предвыборной кампании наиболее эффективный метод – «из дома в дом», «от двери к двери». Агитаторы партии ходят по домам, стремясь донести до избирателя информацию не только в печатном виде, но и в личной беседе. Ведь главный принцип агитатора – личный контакт с гражданином. В то же время агитаторы определяют, какая часть избирателей настроена лояльно, какая – нет, какая не определилась.

Р.2. *«Чтобы они* (члены партийной ячейки) *работали со мной вместе. Шли по участку из дома в дом. Чтобы мы знали, где наши люди, где не наши… Мы всем объясняем, что это не те коммунисты, которые были. Наша доктрина – социальная. Объясняем, что если мы поменяем хотя бы значок или слово «коммунист», то мы от этого много потеряем. Я говорю о нашей политике…»*

Р.3. *«Метод, который привел к власти партию коммунистов в 2001 году. Глаза в глаза. Из дома в дом. Наши активисты ходят по домам, разговаривают с людьми, проводят собрания во дворах».*

Р.5. *«Они* (члены ячейки) *у меня в каждом доме знают не только квартиру. Они знают, кто там живет. Лично знакомы с этими людьми… Работаешь с теми, кто, как ты чувствуешь, может изменить свое отношение».*

Еще один метод, широко используемый всеми политическими партиями в избирательной кампании, - расклеивание листовок («листовочная война»). Коммунисты – единственная партия, которая не платит за расклеивание листовок. Листовки не рекомендуется разбрасывать по почтовым ящикам, она должна быть передана из рук в руки. Кроме этого, проводятся встречи с населением на избирательных участках, в местах массового скопления людей, например, перед кинотеатром или в сквере.

Однако результаты проведенной избирательной кампании оказались не столь эффективными, как ожидала партия коммунистов. На парламентских выборах 29 июля 2009 года Партия коммунистов Республики Молдова, набрав относительное большинство голосов – 44,69%, оказалась в оппозиции. Остальные партии, прошедшие в парламент, объединились в Альянс «За европейскую интеграцию» [2, 568].

По мнению одного из респондентов, уход партии коммунистов в оппозицию, для многих членов партии станет тестом: ради чего человек вступал в партию, какие цели преследовал? Конечно, будут люди, которые в столь сложный период покинут ряды партии, а оставшимся надо будет перестраиваться и осваивать методы работы в качестве оппозиционной партии.

Роспуск парламента (в связи с неизбранием президента страны) спровоцировал процессы, которые происходят сейчас в Партии коммунистов Республики Молдова. Справедливости ради надо сказать, что аналогичные процессы охватили и другие партии, что подтверждает: политики начали готовиться к предвыборному марафону. Из фракции ПКРМ вышли четыре представителя, мотивируя свои действия тем, что партия коммунистов в последнее время принимала неверные решения. Это свидетельствует о существовании внутри партии консервативного и реформистского крыла и подтверждает тот факт, что партия не является столь монолитной организацией, какой ее стремятся представить партийные функционеры.

Заключение

Одним из важнейших акторов современного демократического общества являются политические партии. Процесс становления любой партии связан с процессом институционализации, который характеризуется как

внутренними, так и внешними аспектами. Анализируя проблему институционализации партий в Республике Молдова, мы акцентировали внимание на функционировании партии коммунистов, которая в течение последних восьми лет являлась правящей партией страны. Опыт данной партии интересен как с теоретической, так и с практической точки зрения. Тот процесс, который переживает сегодня ПКРМ, потеря статуса правящей партии и переход в оппозицию, показывает некоторые перспективы и для других политических партий, независимо от их идеологической позиции или властного статуса.

Библиография

1. Дюверже М. Политические партии. – Москва, Академический проект, 2000.
2. Electorala 2009. 29 iulie 2009. Documente si cifre cu privire la alegerile Parlamentului Republicii Moldova de legislature a XVIII-a. / Comisia Electorala Centrala. – Chisinau, 2009
3. Gunter R., Hopkins J. A crisis of institutionalization: The collapse of the UCD in Spain. // Political parties: Old concepts and new challenges. – Oxford: Oxford University Press, 2002.
4. Жоржолиани Г., Мусхелишвили М., Бандзеладзе Г. Конфигурация политической власти в Грузии. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). – nr.1 (XLVIII), 2010. - Chişinău: CEP USM, 2010, p.7-30.
5. Levitsky S. Institutionalization and Peronism: The Case, the Concept, and the Case for Unpacking the Concept. // Party Politics 4, No.1 (January), pp.77-92.
6. Мелешкина Е.Ю., Голосов Г.В. Политические партии и выборы как институты представительной демократии. – Москва, 2007.
7. Ozbudum E. Party Cohesion in Western Democracies: A Causal Analysis. // Eckstein H., Gurr E. (eds.) Comparative Politics. Series No.01-006 Vol.1 (Beverly Hills: Sage Publications, 1970).
8. Panebianco A. Political Parties: Organization and Power. - Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
9. Процик О., Букатару И., Волентир А. Партийная конкуренция в Молдове. – Кишинев, 2008.

Поступила в редакцию
27 декабря 2009 года

Рецензент – **Игорь БУКАТАРУ**, доктор политических наук

SEMNIFICAȚIILE CÂMPULUI POLITIC ÎN CONDIȚIILE TRANSFORMĂRILOR DEMOCRATICE. DIMENSIUNI ALE PUTERII ŞI OPOZIȚIEI

Victor SACA
Republica Moldova, Chişinău, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Relații Internaționale, Științe Politice şi Administrative, Catedra Științe Politice
Doctor habilitat în ştiințe politice, profesor

This article discusses the problems of the modern political field, including the transition to a democratic society acts as a medium of political phenomena, political power, political institutions and organizations. In this field occupy important place relations between the government and opposition forces. These relations are, by nature and its consequences are entirely dependent on the ability of the political field, from its physical and functional state. Based on the realities of the political field of the Republic of Moldova, as well as from the state of relations between government and opposition forces are allocated a number of features.

First, the mechanism of interaction between the political field and the activities of government and opposition forces over the past 18 years the Republic of Moldova permeated many contradictions objects. Secondly, if countries with a consolidated democracy, power and the opposition are in a natural relationship for the benefit and progress of all socio-political fields, in countries such as Moldova, these forces interact to be mutually exclusive and that undermine the ability of the field. Third, the relationship between government and opposition in the Republic of Moldova is very different in nature and of such relations in Central and Eastern Europe. The latter has already complied with the problem of transition to democracy and adopted by the European Union. Fourth, the instability of the Moldovan political field has grown even more with the events of April 7, 2009, as well as the loss of the Communist Party of Moldova for early parliamentary elections (July 2009). After the election, the former communist rule was the opposition, and the former democratic opposition came to power, forming the Alliance for European integration. Fifth, the ongoing clashes between the government and the Communist opposition undermine the functionality of the political field and the fact that the latter opposed the election of the President. She did not participate in voting in connection with which, and the question arose as early parliamentary elections (which may not be before July 2010). Sixth, in the context of authoritarian forms of Communist opposition to the present liberal-democratic government has sometimes contradictory behavior with respect to current realities. It lags behind the activism of the opposition. In the seventh, the relationship between government and opposition are deter-

mined not only by their positions in the political field, but also resources (capital) they have in other fields: economic, social, cultural, informational, scientific, etc.

Câmpul politic actual, inclusiv în tranziţie spre democraţie, ca spaţiu şi sferă de localizare şi funcţionare a fenomenelor politice (puterii, instituţiilor şi organizaţiilor socio-politice, grupurilor de presiune), de desfăşurare a proceselor şi relaţiilor politice, de lansare şi materializare a ideilor, teoriilor şi lozincilor politice, joacă un rol cheie în sistemul social general de câmp. În cadrul dimensiunilor de câmp politic se iau şi se realizează decizii, se implementează şi se promovează interese, scopuri, voinţe, imagini ce vizează toate domeniile vieţii sociale, modurile de viaţă şi activitate a indivizilor, a actorilor şi agenţilor sociali, mentalitatea şi comportamentul acestora, gradul lor de cultură politică. În acest context, *câmpul,* după P.Bourdieu, este un sistem specific de legături obiective între diferite *poziţii,* aflate în alianţă sau în conflict, în concurenţă sau în cooperare, determinate în mod social şi în mare măsură independente de starea fizică a indivizilor care ocupă aceste poziţii [1, 18]. Acest raţionament îl raportăm în special la câmpul politic ca spaţiu de manifestare a anumitor forţe şi al relaţiilor obiective între aceste forţe care se impun tuturor ce pătrund în câmpul respectiv. Savantul consideră câmpul politic simultan drept câmp de forţe şi câmp de luptă îndreptat spre schimbarea corelaţiei dintre aceste forţe, fapt ce determină structura câmpului dat în orice moment, capacităţile lui de funcţionare, însăşi interiorizarea, exteriorizarea şi reproducerea energiei sociale în limitele acestuia. Pornind de aici, a cunoaşte caracterul, conţinutul şi forma de impunere a câmpului politic este o condiţie *sine qua non* în elaborarea şi lansarea conceptelor şi modelelor sistemului politic, organizaţiei politice, în analiza aspectelor statice şi dinamice ale acesteia, evenimentelor sociopolitice ale societăţii. Or, aceste concepte, modele, aspecte, evenimente întotdeauna sunt localizate în anumite coordonate spaţiale (de câmp) şi, totodată, au menirea de a le menţine intacte sau de a le modifica, de a păstra sau de a schimba necesităţile, utilităţile şi avantajele actorilor şi agenţilor ce activează în cadrul acestor spaţii.

Dat fiind că, câmpul politic este spaţiul manifestării diferitelor forţe sociale: oficiale şi neoficiale, formale şi informale, conflictuale şi cooperante, un rol deosebit în acest sens aparţine relaţiei putere – opoziţie. Atare relaţie, prin caracterul, impactul şi consecinţele ei, depinde întru totul de capacităţile câmpului politic, de starea lui fizică şi funcţională. De aceea, problematica putere – opoziţie, privită în dimensiuni de câmp politic, ca factor analitic şi ca sinteză, este una de importanţă majoră atât din punct de vedere teoretic, cât şi practic. Astăzi, spre regret, constatăm că această sinteză nu şi-a găsit deocamdată o valorificare adecvată în literatura de specialitate din Republica Moldova, ceea ce se răsfrânge ca un deficit valoric nu numai asupra spaţiului ştiinţific al domeniului respectiv,

ci şi asupra relaţiilor politice, a reglementărilor sociale, a comportamentului guvernanţilor şi opoziţiei. În acest sens e necesar a identifica conexiunile de tip câmp politic – relaţie putere-opoziţie, a specifica conţinutul acestor conexiuni în condiţiile Republicii Moldova, a demonstra şi evalua perspectivele lor posibile, motiv care a şi determinat alegerea tematicii acestui studiu.

Pornind de la realităţile câmpului politic moldovenesc şi, respectiv, de la relaţiile în cadrul acestuia între putere şi opoziţie, propunem unele sugestii la temă.

În primul rând, însăşi mecanismul de legătură între parametrii de câmp politic şi activitatea guvernărilor şi opoziţiei de pe parcursul celor optsprezece ani de independenţă a statului Republica Moldova este pătruns de multiple impedimente atât de natură obiectivă, cât şi subiectivă. Mai întâi, noul stat a purces la edificarea sa şi la consolidarea independenţei sale fără a dispune de o experienţă istorică în ce priveşte atributele statale. Plus la aceasta, câmpul guvernării, care dispune de pârghiile cheie ale puterii, indiferent de coloratura sa politică, a fost şi rămâne în urma imperativelor timpului, instabil, fără capacităţi reale de a asigura integritatea teritorială a statului. Aceasta se referă pe deplin şi la fosta guvernare comunistă care pe parcurs, deşi a încercat o politică internă şi externă activă (dar preponderent imitativă), în particular, a susţinut unele măsuri noi de soluţionare a conflictului transnistrean (de exemplu, introducerea formatului „5+2”), a rămas a fi ineficientă, chiar deficitară la capitolul rezultate. Astfel, câmpul fizic al statului, suportul său material-teritorial de la începuturi până în prezent este ciopârţit, divizat ca urmare a incapacităţii guvernanţilor de a promova o politică consecventă faţă de manifestările separatismului din raioanele de est ale ţării, de apariţia şi consolidarea aici, cu ajutorul forţelor din exterior, a enclavei r.m.n., cu atribute statale de facto, însă nerecunoscută pe plan internaţional de iure.

În acest răstimp n-a fost la nivelul cerinţelor timpului nici opoziţia. Ea, cu unele excepţii (opoziţia forţelor liberale), a fost în mare parte dezbinată, n-a contribuit la careva progrese reale în prosperarea ţării, inclusiv în soluţionarea conflictului transnistrean, care a dezbinat marele câmp al ţării. Opoziţia, deşi a propus formula „3 D” pentru raioanele de est ale ţării, adică demilitarizarea, decriminalizarea şi democratizarea zonei respective, a fost slabă, ineficientă la capitolul soluţionării conflictului şi reîntregirii statului.

În al doilea rând, dacă în ţările cu democraţie avansată guvernarea şi opoziţia sunt considerate drept forţe ce se află preponderent într-o interacţiune şi interdependenţă firească pentru binele şi progresul întregului câmp sociopolitic, pentru depăşirea situaţiilor acute de criză şi conflict social şi, respectiv, pentru stabilizarea socioeconomică şi politică a societăţii, atunci în ţările de tipul Moldovei, aflate în tranziţie paralizantă, cu abateri frecvente în promovarea cursului politic de reformare a societăţii, aceste forţe de cele mai multe ori se exclud re-

ciproc, ceea ce subminează capacitățile câmpului politic. În primul grup de țări, unde este asigurată stabilitatea socială, dimensiunea funcțională a câmpului politic, întruchipată în relația putere-opoziție, de obicei coincide cu cea fizică, geografică a statului. Aici chiar şi în condițiile grele ale factorului geografic, teritorial puterea dispune de influență, autoritate, capacități şi resurse ce compensează lipsurile de natură fizică ale câmpului politic. Aceasta se datorează în mare măsură opoziției politice care, prin activitatea sa, contribuie la menținerea gradului de vitalitate a partidului de guvernământ, la dinamizarea dezvoltării țării. Existența opoziției este o condiție indispensabilă pentru auto-manifestarea forțelor sociale nemulțumite de acțiunile guvernării, pentru semnalarea nereuşitelor celor ce conduc, ceea ce contribuie substanțial la raționalizarea transformărilor sociopolitice, la prevenirea abuzului de putere, încălcării drepturilor şi libertăților civile şi politice ale cetățenilor.

Invers, în unele spații politice post-sovietice, în care tranziția spre democrație în mod artificial se tărăgănează deja aproape două decenii, există o discordanță vădită între dimensiunile funcțională şi fizică de câmp. Aici între funcțional şi fizic apar paradoxuri frecvente ce țin de limitarea perimetrului de acțiune şi influență a puterii şi opoziției, de răspândire a autorității unor lideri, partide etc. pe teritoriul țării, îndeosebi in spațiile cu forțe secesioniste, fapt confirmat şi de practica Republicii Moldova. În raioanele din stânga Nistrului guvernarea de la Chişinău, la fel ca şi opoziția, aproape că nu se bucură de influență. Majoritatea populației din această regiune, chiar şi din satele subordonate ordinii de drept a Republicii Moldova, deja nu manifestă încredere față de conducerea şi opoziția moldoveană, sa decepționat, nu vede în ele forțe cu adevărat capabile să urgenteze soluționarea conflictului. Această stare de lucruri, acest climat politic, timp îndelungat este determinat şi de lipsa unui dialog politic constructiv, eficient între putere şi opoziție, dialog care să fie permanent actualizat. În condițiile Moldovei un astfel de dialog mult timp nu a fost posibil din cauza intereselor înguste şi ambițiilor nesănătoase în special a forțelor de guvernămînt, fapt ce a conservat un grad înalt de instabilitate a câmpului politic.

În al treilea rând, relația putere-opoziție în contextul câmpului politic moldovenesc se deosebeşte substanțial şi de cea din țările ex-socialiste ale Europei Centrale şi de Est care deja au realizat obiectivele tranziției democratice şi au aderat la Uniunea Europeană. Dacă în aceste țări, indiferent de condiții, inclusiv de criză acută, între scopurile şi mijloacele de activitate a opoziției şi de colaborare a ei cu guvernul nu sunt abateri serioase de la normal, se conduc şi unii şi alții de un sistem moderat de valori, de principiile vestice de relații „ce au un caracter nu atât de împotrivire cât de dialog constructiv” [2, 55], de respectare a compromisului şi consensului politic care să mențină stabilitatea socială, apoi în Republica Moldova fenomenul colaborării este foarte controversat. Aici nici guvernarea şi nici opoziția nu au conştientizat pe deplin că ei sunt în egală măsură

responsabili de stabilitatea societății, că opunerea lor politică deschisă şi permanentă, cu frecvente încălcări ale regulilor de joc, aduce doar prejudicii intereselor naționale ale țării, subminează bazele juridice, economice şi politice ale câmpului politic.

Colaborarea de până acum, în stil moldovenesc, între guvernare şi opoziție, foarte rară şi paradoxală, a urmărit mai mult scopuri de conjunctură. Aşa a fost în aprilie 2005, în urma alegerilor parlamentare, când guvernarea comunistă a mers la consens cu opoziția democratică doar pentru a atinge scopul alegerii încă pe un termen a comunistului V.Voronin în calitate de şef al statului. Acest consens viza din partea opoziției un şir de revendicări la adresa guvernării, dar care pe parcurs aşa şi nu sau realizat pe deplin. La acest capitol consensul a rămas nevalorificat, n-au fost întreprinse măsuri insistente de actualizare a lui nici din partea opoziției şi cu atât mai mult, din partea guvernării.

În al patrulea rînd, instabilitatea câmpului politic a crescut şi mai mult odată cu evenimentele din 7 aprilie 2009 (inițiate şi regizate de către forțele ce-şi doreau menținerea cu orice preț a putrerii), precum şi cu pierderea de către Partidul Comuniştilor a alegerilor parlamentare anticipate din iulie 2009. După aceste alegeri fosta guvernare comunistă a devenit opoziție şi invers, fosta opoziție democratică, instituționalizată în «Alianța pentru Integrare Europeană», a ajuns la putere. În asemenea circumstanțe între forțele sus-menționate a început o fază anevoioasă a confruntărilor procedurale marcate pe de o parte de inițiative şi activități ale Alianței de a exercita funcțiile de conducere, iar pe de altă parte de tărăgănarea artificială de către opoziția comunistă a procesului de constituire a fracțiunii sale, a recunoaşteri înfrângerii sale la alegeri şi a statutului său de opoziție, de negare a Alianței ca forță de guvernămînt, de tentativa de destrămare a acesteia prin convorbiri separate cu fiecare reprezentanță a partidelor puterii, de aspirația spre o nouă alianță, de stânga-centru, împreună cu Partidul Democrat. În cadrul acestor confruntări fracțiunea comunistă se manifestă extrem de ofensiv, efectuiază un presing permanent asupra guvernării, o critică destructivă a oricăror măsuri ce vin din partea AIE, pentru a le bloca, a le denatura în fața opiniei publice.

În al cincilea rând, confruntările actuale între guvernanți şi opoziție subminează funcționalitatea câmpului politic al țării şi din considerentul că a fost pusă în joc problema alegerii şefului statului, ca una principială în evoluția de mai departe a statului şi societății. Opoziția comunistă chiar din start sa pronunțat împotriva alegerii candidaturii AIE, domnului M.Lupu, la funcția de preşedinte al țării, boicotînd atât primul, cât şi al doilea tur al alegerilor, desfăşurate respectiv la 10 noiembrie şi 7 decembrie 2009. Pe parcursul acestor evenimente dl V.Voronin a declarat că fracțiunea pe care el o reprezintă e deschisă pentru dialog, însă cu condiția să fie anulată alegerea dlui M.Ghimpu în funcția de speaker al Parlamentului. Totodată, unii reprezentanți ai fracțiunii comuniste au consi-

derat necesară participarea la alegeri, dar n-au participat, cauza fiind în opinia noastră dictatura în partid, numită de către comunişti „disciplină”. Alţi reprezentanţi ai aceste-i fracţiuni au opinat că alegerile parlamentare anticipate au devenit inevitabile din motivul că AIE şi candidatura sa la postul de şef al statului nu fac faţă cerinţelor. După ei unica şansă şi posibilitate de a le ocoli, ratată de guvernarea liberal-democrată, a fost alegerea la acest post a candidatului fracţiunii majoritare. Astfel, opozia a preferat şi continuă să prefere tactica şantajului în relaţii cu Alianţa, să nu i-a în consideraţie condiţiile de criză în care se află ţara, manifestă interese axate strict pe obţinerea posturilor, pe revitalizarea metodelor autoritar-comuniste de influenţă. Însăşi cerinţele opoziţiei comuniste de a obţine avantaje maxime pentru sine nu se însriu astăzi în pretinsele lor relaţii de natură demoratică cu guvernarea, fiindcă majoritatea membrilor fracţiunii comuniste sunt dominaţi de mentalitatea autoritară, de atitudini şi comportamente la fel de autoritare. Democratice la ei rămîn doar declaraţiile. Mai degrabă astfel de cerinţe pot corespunde relaţiilor opoziţiei cu guvernarea în ţările cu democraţie consolidată, unde între aceste forţe deja există tradiţii de conlucrare civilizată pentru binele ţării.

În al şaselea rând, în contextul manifestărilor preponderent autoritare ale opoziţiei comuniste, guvernarea liberal-democrată are un comportament contradictoriu faţă de realităţile din ţară. Pe de o parte, în potenţialul valoric a celor ce conduc observăm coerenţă, clarviziune, estimare la justa valoare a condiţiilor complicate de criză în care sa pomenit statul şi societatea, unitate între cuvânt şi faptă, sensiblizarea factorului extern în vederea susţinerii cursului democratic al Republicii Moldova. Pe de altă parte, lipsa de experienţă în desfăşurarea unor relaţii active cu opoziţia, rămânerea în urmă faţă de intenţiile şi acţiunile acesteia, face guvernarea să fie pasivă, nesigură în promovarea programului său. Mai mult, în cadrul Alianţei există şi unele disonanţe de opinii, chiar ciocniri interlideriale pentru putere, în special la nivel de partid (de exemplu, în rîndurile Partidului „Moldova Noastră”). Totodată, Alianţa nu se distinge prin originalitate faţă de opoziţie, unii reprezentanţi ai săi nu se deosebesc de cei din fracţiunea comunistă nici prin exprimări, nici prin limbaj, nici prin comportament.

Desigur, acest argument poate avea şi alte semnificaţii şi conotaţii interpretative, în sens că pentu a înregistra careva realizări în lupta cu oponenţii trebuie să te foloseşti în limite raţionale şi de unele metode a lor de activitate. Or, această modalitate demnă de urmat nu trebuie absolutizată, fiindcă în cazul unor eventuale insuccese rişti să pierzi din încrederea şi susţinerea electoratului, simpatizanţilor, iar în ultima instanţă chiar să-ţi pui în pericol legitimitatea.

Guvernarea actuală deocamdată nu este îndeajuns de combativă şi consecventă în lupta cu oponenţii, nu face faţă atacurilor (de fapt ei trebuie să fie atacatorii) din partea opoziţiei comuniste. Drept răspuns la aceste atacuri Alianţei îi sunt necesare nu doar declaraţii, ci şi proiecte şi, bineînţeles, fapte temeinic ar-

gumentate ştiinţific, raportate la maximum la specificul ţării. Acestea trebuie să fie înţelese, atractive, benefice pentru întreaga populaţie şi, desigur, să contribuie la ieşirea cît mai raţional posibilă din criza economică şi socială.

În al şaptelea rând, relaţiile de putere şi, respectiv, de influenţă între actorii / agenţii guvernamentali, pe de o parte, şi cei din opoziţie, pe de altă parte, sunt determinate nu doar de poziţiile pe care ei le deţin în cadrul câmpului politic, ci şi de resursele (capitalurile) ce le revin în celelalte câmpuri: economic, social, cultural, informaţional, ştiinţific etc. În acest context P.Bourdieu sublinia că diferite tipuri de capital reprezintă în felul lor puterea asupra anumitui câmp, puterea asupra mijloacelor de producere, asupra mecanismelor de stabilire a unor categorii de bunuri, asupra veniturilor. Capitalurile economic, social, cultural, simbolic (numit de obicei prestigiu, reputaţie) determină poziţia agentului în spaţiul social şi respectiv întruchipează puterea lui în orice câmp (inclusiv politic - V.S.), şansele de câştig în acest câmp [1, 56-57]. Aceste tipuri de capital, reflectînd poziţiile agentului în diferite câmpuri privind împărţirea puterii cu alţi agenţi, sunt percepute şi recunoscute ca legitime. Pornind de aici, câmpul politic poate fi considerat drept un spaţiu multidimensional de poziţii ale agenţilor ce depind de un sistem complex de coordonate a căror importanţă ţine de caracterul corelării lor. În acest spaţiu, menţionează P.Bourdieu; agenţii se împart după două dimensiuni: a) conform volumului general de capitaluri de care ei dispun; b) conform îmbinării acestor capitaluri şi, respectiv, greutăţii specifice a diferitor tipuri de capital [1, 58].

Desigur, capacităţile de capital a celor ce conduc şi a celor conduşi sunt diferite după volum şi caracter, fapt ce determină şi posibilităţi diferite de influenţă asupra funcţionalităţii şi maturităţii câmpului lor politic de manifestare. La rîndul său acesta din urmă, acumulând necesarul valoric de existenţă şi consolidându-şi parametrii funcţionali sub influenţa câmpurilor de altă natură, îşi extinde aria de manifestare şi influenţă asupra lor, de penetrare în specificul acestor câmpuri, şi ceea ce e foarte important, de îmbinare şi conlucrare cu ele. Asemenea raporturi între câmpul politic şi alte câmpuri sociale de obicei sunt generatoare de relaţii democratice, stabile între putere şi opoziţie, fapt urmărit în statele care deja au realizat obiectivele tranziţiei spre democraţie. Cît priveşte statele cu abateri frecvente spre autoritarism la capitolul transformărilor democratice, cu tendinţe de dictat a câmpului politic şi respectiv de diminuare a autonomiei altor câmpuri sociale, a specificului lor valoric, aici se produce politizarea acestora [3, 293], apare fenomenul tensionării relaţionale între putere şi opoziţie. În astfel de condiţii influenţa câmpului politic asupra câmpurilor non-politice le face pe acestea din urmă să devină cvazicâmpuri economice, sociale, culturale, educaţionale, ştiinţifice, simbolice etc., să se transforme în câmpuri cu element preponderent politic, chiar complet denaturate în comparaţie cu starea lor iniţială de apariţie şi devenire. Pornind de aici, este denaturat însăşi raportul dintre cere-

re şi ofertă în sfera câmpului politic, dar şi în celelalte sfere de câmp social, ceea ce se observă în special în condițiile Republicii Moldova.

Fosta guvernare comunistă a comis serioase devieri, abateri şi chiar regrese în toate câmpurile sociale. Ne referim mai întâi la câmpul economic care în perioada 2001-2009 n-a făcut față cerințelor economiei de piață. Politica economică a partidului de guvernămînt nu a fost una consecventă şi principială în promovarea reformelor economice. Mai mult, această politică a fost pătrunsă de standarde duble, de declarații de genul „țara se află într-o permanentă creştere economică, a produsului intern brut, într-o modernizare şi prosperare a tuturor ramurilor economiei naționale". În realitate, însă, economia a devenit degradantă, sa pomenit către jumătatea a doua a anului 2009 într-un puternic deficit financiar. Totodată, drept rezultat al standardelor duble, guvernarea susținea economic mai mult raioanele conduse de reprezentanții Partidului Comuniştilor. Mulți agenți economici din diferite ramuri, în special din cea a construcției, incomozi guvernării, erau aduşi la o stare de ruinare sau lipsiți de unitățile economice, sub motivul că n-au reziztat în fața concurenței. În cei opt ani de guvernare comunistă, cu susținerea acesteia, fie latentă sau deschisă, sa produs o monopolizare a unor ramuri întregi a economiei naționale. Pozițiile cheie în cadrul lor aparțineau reprezentanților sau simpatizanților Partidului Comuniştilor.

O situație alarmantă sa creat şi în cadrul câmpului social. Politică socială, declarată de către guvernarea comunistă drept o politică de orientare strict socială, era în realitate pentru majoritatea segmentelor sociale ale societății o politică de supraviețuire. Altfel nici nu poate fi în condițiile cînd majorarea salariilor, pensiilor, indemnizațiilor pentru absoluta majoritate a populației era doar simbolică în comparație cu creşterea prețurilor la mărfuri, la aceleaşi servicii sociale. O asemenea stare de lucruri a devalorizat efortul social a multor categorii sociale, reprezentanții cărora, aproximativ un milion de cetățeni, au părăsit țara în căutarea surselor de existență. În astfel de condiții guvernarea căuta şi găsea sprijin social în rândurile acelor pături care puteau fi din plin manipulate, în special atenția fiind orientată spre veterani. Nu întîmplător unul din primele decrete a ex-Preşedintelui V.Voronin a fost adresat veteranilor. Desigur, manipularea se făcea întru susținerea Partidului Comuniştilor pentru a provoca nemulțumiri ale populației față de opoziția democratică, considerată drept vinovată de eventualele insuccese ale guvernării. Atare metode de luptă împotriva opoziției nu puteau decît să denatureze însăşi substanța, caracterul câmpului social. Natura acestui câmp se înscria plenar în mecanismul unei raționalități sociale limitate, cînd pe de o parte problemele sociale nu pot fi soluționate într-un mod optim din cauza frustrării componentelor realității de către conştiință, iar pe de altă parte se formează soluții şi atitudini satisfăcătoare, imposibile de a fi în cazul unor puternice disonanțe cognitive fără impactul „raționalității limitate" [4, 168]. Anume

populația manipulată preferă a se concentra la acele aspecte ale situație sale care permit „raționalitățile limitate”, acțiuni „raționale” paradoxale.

În linii generale a decăzut şi sfera culturii. Acel câmp cultural, acele valori spirituale chemate să determine gradul de competență în societate, inclusiv competență politică, să se impună drept criteriu sintetic de maturitate a socialului în general şi a politicului în particular, au devenit deficitare la capitolul valorificării. Aproape toate măsurile guvernării comuniste întru susținerea câmpului cultural (de exemplu, reconstrucția mănăstirilor, bisericilor, muzeelor, caselor de cultură, sprijinul acordat teatrelor etc.) nu aveau un caracter firesc, ci de conjunctură, erau supuse strict scopului de acumulare a capitalului cultural pentru aşi asigura intacte pozițiile câmpului puterii. În acest sens elita conducătoare recurgea chiar la tactica dezbinării activității în comun a oamenilor de creație (de exemplu, crearea şi existența a două Uniuni ale scriitorilor din Moldova), la susținerea unor oameni de creație împotriva altora. Astfel de cazuri nu sunt altceva decît tentative de politizare a câmpului cultural, fapt ce devalorizează menirea propri-zisă a acestuia.

Din cauza guvernării comuniste a avut de suferit şi cîmpul educațional al țării care cuprinde activitatea şcolii de toate gradele. Acea reformă a sistemului de învățământ din republică ce se desfăşoară in ultimii cinci ani în conformitate cu procesul Bologna întru implementarea standardelor europene de instruire aşa şi na fost susținută cu adevărat de câmpul puterii în persoana factorului de decizie. Aici iar constatăm o discordanță evidentă între declarații şi fapte. Pe de o parte guvernarea a salutat procesul de modernizare a sistemului de învățămînt din țară, chiar a elaborat şi adoptat Legea despre învățământ, dar pe de altă parte tot ea a întreprins măsuri de blocare a acestui proces. În particular sa decis de a reduce la minimum instruirea prin contract în instituțiile superioare de învățămînt de stat şi de a asigura învățământul gratuit. Această măsură populistă a guvernării a avut consecințe grave pentru şcoala superioară din republică. Mai întîi statul n-a fost în stare de a întreține de unul singur sistemul de învățămînt superior. Prin atitudinea sa arbitrară față de învățământ factorul de decizie a condus la o reducere bruscă substanțială a admiterii în instituțiile de învățământ superior, la plecarea multor tineri peste hotarele țării pentru a căpăta studii, fapt ce demonstrează o încălcare a dreptului omului la învățătură în propriul stat. Totodată, au fost reduse multe cadre calificate din rândul profesorilor, iar alții, în majoritate tineri, cu o pregătire avansată în domeniu, nemulțumiți de condițiile în care sa pomenit şcoala superioară, de salariile mici şi de lipsa de perspectivă, au părăsit țara.

O legătură directă cu câmpul educațional o are câmpul ştiinței care la fel a fost supus la o grea încercare. Relația acestuia cu câmpul politic, în special al puterii, este în cazul Republicii Moldova una deformată, lipsită de reciprocitate. Deşi factorul politic de decizie a luat unele măsuri de susținere a ştiinței (în par-

ticular a fost adoptat Codul ştiinţei), acestea n-au contribuit la o redresare radicală a situaţiei în câmpul ştiinţei. Ne referim îndeosebi la ştiinţa universitară care aşa şi nu dispune de un suport material şi financiar adecvat pentru dezvoltare. Savanţii din cadrul universităţilor, profesorii universitari, care conform funcţiei se impun într-o dublă ipostază, de savant şi de cadru didactic, se află într-o stare materială deplorabilă, cu un salariu care doar acoperă coşul minim de consum, fapt ce a frînat considerabil procesul ştiinţific. A face ştiinţă doar la entuziazm astăzi a devenit un nonsens. Prosperarea ştiinţei necesită nu numai entuziazm, ci şi stimulări şi motivări conjugate, complexe (materiale, morale, sociale, politice etc.) ale savanţilor care să alimenteze şi să actualizeze în activitatea acestora atât necesarul, cît şi utilul, favorabilul, avantajul, adică să cointereseze pe larg efortul cercetării. Credem că actuala majorare a salariilor cadrelor didactice, savanţilor va schimba întru-câtva situaţia în domeniul ştiinţei universitare, ceea ce va raţionaliza şi procesul de învăţământ. Doar ştiinţa şi instruirea sunt doi piloni fundamentali ai sistemului de învăţămînt care se dezvoltă şi se auto-realizează cu succes numai împreună.

O problemă serioasă a interacţiunii câmpului ştiinţei şi câmpului puterii este cea a revendicării rezultatelor ştiinţifice în domeniul politic. Astăzi, la mai bine de optsprezece ani de existenţă a statului Republica Moldova, ştiinţele sociale, inclusiv cele politice, încă nu şi-au găsit locul şi nu şi-au demonstrat rolul lor adecvat în câmpul social general al societăţii care să contribuie real la raţionalizarea activităţii politice, inclusiv la reglementarea procesului social în ansamblu şi politic în particular. Desigur, cauza ţine nu numai de problemele interne ale ştiinţelor sociale cu care se confruntă specialiştii în domeniu, ci şi de atitudinea puterii faţă de aceste ştiinţe. Cu regret absoluta magoritate a recomandărilor care vin din partea ştiinţelor sociale (în timpul susţinerii tezelor de doctorat, desfăşurării conferinţelor şi simpozioanelor ştiinţifice, publicării materialelor ştiinţifice) rămân nerevendicate de către putere. Aceasta din urmă are interese şi ambiţii care deseori vin în contradicţie cu orice critici la adresa sa, mai ales cu acelea ce ţin de necesitatea transformării radicale a activităţii politice. În acest context factorul de decizie adesea recurge la măsuri tradiţionale de susţinere şi încurajare a acelor „savanţi” care în schimbul obţinerii unor titluri ştriinţifice sau decoraţii sunt în stare să distrugă în sine raţionalul, convingerea politică şi să sprijine cu abnegaţie guvernarea, în afara oricărei critici.

Pentru a normaliza relaţia între câmpul ştiinţei şi câmpul politicii, al puterii, ştiinţele sociale trebuie să-şi afirme pe deplin funcţiile sale în raport cu politica, să se bucure de independenţă reală în determinarea problemelor de cercetare a sferii politice, să se dezică de orice angajări faţă de funcţiuonarii politicii ştiinţifice, în detrimentul cercetării, adevărului ştiinţific. Aici sunt binevenite sugestiie lui P.Bourdieu despre funcţia intelectualului, care poate să se afirme cu ade-

vărat doar atunci cînd acesta se include în universul politic cu toată autoritatea şi dreptul pe care i le oferă apartenenţa la universul autonom al ştiinţei [1, 317].

Desigur, un savant adevărat poate fi doar acela care îşi păstrează poziţia sa critică faţă de politică, dar, totodată, manifestă capacităţi de colaborare cu politica. Având motivaţii şi interese specifice savantul trebuie să conştientizeze menirea şi poziţia sa în societate, iar de aici să rămână fidel vocaţiei şi profesiunii sale, să procedeze conform imperativului că nimeni şi nimic, inclusiv politica, politicianul, dar şi ştiinţa, savantul nu trebuie să rămână în afara criticii ştiinţifice. Anume, critica şi colaborarea sunt pilonii pe care se ţin şi care leagă câmpul politicii şi câmpul ştiinţei într-o societate democratică. În acest context este inadmisibil presingul asupra instituţiei care Atestează şi Acreditează cadrele ştiinţifice ale ţării din partea puterii politice, dar şi a Academiei de Ştiinţe, cum s-a procedat în Republica Moldova, doar pentru a conferi unor persoane (în special din rândurile comuniştilor şi a simpatizanţilor partidului) grade şi titluri ştiinţifice.

Un rol deosebit în funcţionarea câmpului politic revine câmpului informaţional. Activitatea de pînă acum a guvernărilor moldovene, dar şi a opoziţiei, relativ activă sau pasivă, sa desfăşurat în funcţie de posibilităţile utilizării potenţialului informaţional din societate. Mass media sunt tocmai acele capitaluri, acele resurse care pot influenţa schimbarea, prin aportul adus la formarea opiniei publice şi la motivarea şi mobilizarea oamenilor să acţioneze pentru binele personal, al comunutăţii şi societăţii în general. De caracterul influenţei mass media asupra sferii politice depinde în mare măsură progresul acesteia. Nu întîmplător mass media sunt considerate pe drept a patra putere în stat. Ele au capacităţi reale de raţionalizare a câmpului puterii politice atât în perioada schimbului de putere (în campaniile electorale), cît şi în cea a funcţionării şi menţinerii acesteia. Însă, în unele condiţii, mass media au şi aport destructiv, sunt folosite în scopuri şi interese înguste, mai mult, sunt monopolizate ca şi capitalul economic în cazul sferii economice.

Dacă ne adresăm la perioada anilor 2001-2009, constatăm că guvernarea comunistă a folosit din plin capitalul informaţional al societăţii, la monopolizat întra-tât încât acesta deservea cu stricteţe interesele partidului puterii, excludea accesul opoziţiei la dezbateri în mass media oficială, priva opoziţia de posibilităţi de a-şi expune punctul său de vedere, fapt consemnat şi de către reprezentanţii structurilor europene. Audiovizualul, ca organ chemat să reglementeze activitatea informaţională din ţară, în pofida faptului că se considera independent, în majoritatea sa era alcătuit din susţinătorii şi simpatizanţii Partidului Comuniştilor, care şi promovau politica acestuia, ignorau necesităţile mediilor considerate independente (de exemplu canalului de televiziune PRO TV), lipseau opoziţia de resurse informaţionale. Puterea informaţională a acestui partid sa răspândit

întra-tît încît şi astăzi, aflat deja în opoziţie, el deţine pârghii informaţionale serioase, are canal special (NIT), funcţionari creduli în organele de conducere ale Radio-televiziunii. Chiar şi canalul principal de televiziune al ţării, Modova1, prin activitatea unor jurnalişti, a continuat şi după pierderea de către Patidul Comuniştilor a alegerilor parlamentare din iulie 2009 să susţină fosta guvernare, astăzi aflată în opoziţie. Nu întâmplător remanierile actuale din cadrul câmpului informaţional al ţării, întreprinse de către noua guvernare, în vederea democratizării acestuia au provocat mari nemulţumiri în rândurile acestui partid şi a aderenţilor lor din tagma jurnalismului. Pierderea treptată a monopolului informaţional de altădată, implicarea noii guvernări în procesul democratizării politicii informaţionale, i-a făcut pe comunişti să devină şi mai activi în manipularea opiniei publice, să mobilizeze întregul lor potenţial intelectual pentru a „demonstra" societăţii că liberal-democraţii încalcă independenţa organelor de informare în masă. În acest scop sunt valorificate la maximum atât eforturile parlamentarilor comunişti, cât şi a celor cei susţin din afara Parlamentului.

În concluzie considerăm că relaţia putere – opoziţie, privită în contextul câmpului politic moldovenesc, are un caracter multivalent şi contradictoriu, este pătrunsă de multiple controverse, paradoxuri. În comparaţie cu alte state din spaţiul ex-socialist, în cazul Republicii Moldova, această relaţie se impune prin specificul său de conţinut. Dacă forma relaţiei în cauză este în fond una democratică, ca şi în alte state în tranziţie spre democraţie exprimă modalităţi de manifestare a interacţiunilor şi legăturilor între guvernanţi şi opoziţie în cadrul unor instituţii democratice (Parlament, organe municipale, raionale, locale de conducere), atunci conţinutul ei este preponderent autoritar, cu unele elemente cvazidemocratice care de fapt frînează procesul de consolidare a democraţiei, îl subminează nu atât sub presiunea vestijiilor trecutului ce-şi au câmpul lor de existenţă, fie şi în descreştere, cât prin renaşterea lor într-o manieră ciudată, bizară. Pornind de la mentalitatea şi comportamentul guvernanţilor şi opoziţiei de pe parcursul celor optsprezece ani ai statului Republica Moldova, constatăm că relaţiile între ei corespund pe deplin concepţiei lui A. de Tocqueville despre democraţie, ele evoluând în noile forme democratice ce apar odată cu trecerea de la regimul vechi la cel democratic prin reproducerea de conţinut vechi, unor obiceiuri, reguli, mecanisme autoritare de conducere, adică prin componente ale instituţiilor vechi [5, 165]. Paradoxul principal ţine de faptul că în acest răstimp dezvoltarea ţării a fost determinată, în mare parte, de transformarea miraculoasă a nomenclaturii comuniste în administratori democratici, iar în unele cazuri şi în opoziţie democratică.

La capitolul specificităţii, chiar unicităţii, relaţiei putere – opoziţie din cadrul câmpului politic moldovenesc, raportăm în special anii 2001-2009, care au coincis cu aflarea la putere a Partidului Comuniştilor, perioadă ce constituie aproape jumătate (opt ani) din existenţa de pînă acum a Republicii Moldova. Ace-

astă perioadă, care în opinia noastră încă trebuie şi va fi supusă unei analize profunde din partea cercetătorilor interni şi externi pentru a o percepe la justa valoare, este unică în felul său după experimentele neobişnuite, fără seamăn, ale guvernanților comunişti moldoveni de a imita exercițiul democratic, prin decoruri democratice ce nu sau întâlnit pînă la ei, cu conținut în fond autoritar. În acest sens ei au acumulat o bogată experiență, deprinderi, iscusință puse în uz la maximum până în ultimile zile de guvernare cînd Preşedintele țării, liderul partidului puterii, V.Voronin declara că odată cu retragerea acestuia de la guvernare se încheie perioada creativității şi progresului în țară, că cei ce vin după el nu dispun de capacități de a întreține progresul şi stabilitatea.

După alegerile parlamentare din iulie 2009 reprezentanții acestui partid în Parlament la fel manifestă iscusință în imitarea exercițiului democratc numai că deja în ipostază de opoziție, modificându-şi strategia şi tacticile de activitate. Ei au ajuns pînă la negarea completă a ofertelor guvernării liberal-democratice, socotindu-le antipopulare, antidemocratice. În aşa mod au ignorat alegerile prezidențiale, orientând societatea spre alegeri parlamentare anticipate. Acest fapt deja demonstrează neafilierea opoziției comuniste la valorile democratice, întrucât prin comportamentul ei este negată alternanța puterii.

Cît priveşte guvernarea liberal-democrată, ea sa pomenit într-o situație extrem de dificilă atât de natură politică, cît şi economică, socială. Mai întâi este puternic afectat cîmpul politic al țării, fapt ce rezultă din deficitul de dialog cu opoziția, din nealegerea preşedintelui țăriii şi, respectiv, din fenomenul unor posibile alegeri parlamentare anticipate. Nu mai puțin afectat este şi câmpul economic. Liberal-democrații au primit în moştenire de la fosta guvernare comunistă o economie cu un deficit bugetar enorm.

În pofida impedimentelor provocate de cei ce au guvernat țara timp de opt ani, dar şi a problemelor noi ce apar în activitatea guvernării liberal-democratice, aceasta şi-a asumat toate responsabilitățile de a guverna, se bucură de susținerea majorității populației, şi ce e foarte important, organismelor economice internaționale, a celor mai influente țări ale lumii. În orice caz cele 100 de zile de guvernare deja au demonstrat că noua conducere este fidelă cursului democratic, dispune de voință politică de a gestiona o economie în criză profundă, de capacități de a asigura achitarea la timp a pensiilor şi salariilor, de a promova o politică externă activă întru ameliorarea imaginii țării pe arena internațională. Mai mult, în activitatea sa, ea a demonstrat pragmatism, pune în prim plan în condițiile actuale de criză ale țării nu factorul doctrinal, ideologic, ci necesitățile practice ale populației (mai întîi de ai asigura supraviețuire, apoi prosperare), scoaterea țării din impas.

Pentru a raționaliza relațiile între guvernarea liberal-democrată şi opoziția comunistă astăzi sunt necesare conştientizarea şi implementarea unor măsuri

principiale de care va depinde soarta de mai departe a țării. Printre acestea considerăm:

- asigurarea principiului reciprocității în asumarea răspunderii față de destinul dezvoltării de mai departe a țării. Este important de conştientizat faptul că principalul în relația putere-opoziție nu e să cauți vinovații de situația creată, ci să identifici căi de conlucrare pentru binele țării;
- gradul de maturitate a guvernării liberal-democratice, dar şi a opoziției comuniste în cadrul câmpului politic astăzi depinde nu atât de capacitățile lor de a se manifesta ca factor de luptă politică, cât de disponibilitatea lor la dialog, la consens. Doar pe această cale e posibilă realizarea într-o atmosferă stabilă a obiectivelor ambilor actori, şi ce e foarte important, promovarea interesului național al țării;
- pentru a asigura consensul politic între putere şi opoziție este necesar a renaşte, a reactualiza potențialul „mesei rotunde" cu statut permanent, care să stimuleze dialogul. În cadrul acesteia de stabilit şi de negociat chestiunile principale de ameliorare a situație în țară, de examinat posibilele cedări politice din ambele părți;
- inițierea consensului politic trebuie săi aparțină guvernării liberal-democratice, ca forță nu numai cointeresată în stabilitate, ci şi mai aproape de valorile consensului. În acest sens guvernării îi revine o misiune foarte grea, de ai impune opoziției condiții atractive, fără alternative de manifestare;
- opoziția comunistă poate să devină real disponibilă către consens cu liberal-democrații odată cu depăşirea dictaturii în rîndurile Partidului Comuniştilor, care astăzi se menține nu doar prin autoritatea lui V.Voronin, ci şi a altor persoane, inclusiv tinere, dornice de a veni la cârma partidului. De aceea, guvernarea nu are de ales, mai întîi trebuie să apeleze la forțele comuniste care nu acceptă dictatura, să convină cu ele variante posibile de conlucrare;
- eficientizarea cîmpului politic al guvernării şi opoziției e posibilă prin folosirea rațională a resurselor (capitalurilor) altor câmpuri: ecnomic, social, cultural, informațional etc., iar de aici prin stabilirea şi promovarea unor raporturi echilibrate, benefice întregii societăți, cu aceste câmpuri. Crearea condițiilor favorabile de dezvoltare liberă (în limitele legii) a economiei, culturii, socialului şi nu relații de dictat asupra lor, cunoaşterea şi respectarea legităților obiective de funcționare a acestor sfere şi nu ignorarea lor.
- Pentru a redresa situația în câmpurile nonpolitice ale societății (în special economic, social, informațional, ştiințific) şi a optimiza legăturile lor cu câmpul puterii, acesta din urmă trebuie să se manifeste energic în vederea demonopolizării ramurilor respective. Edificarea unui stat cu democrație avansată, funcționarea eficientă a economiei de piață, a unui câmp informațional liber într-o țară cum este Republica Moldova este imposibilă în condițiile păstrării monopolismului în aceste sfere;

- O condiţie importantă în raţionalizarea câmpului politic, în pregătirea sa spirituală, civică atât la nivel de guvernare, cât şi de opoziţie, este modernizarea câmpului educaţional. Aici sunt necesare eforturi conjugate ale puterii şi ale societăţii în vederea restabilirii valorilor acestui câmp, distruse de guvernarea comunistă, eforturi de stimulare şi susţinere a învăţămîntului de toate gradele, de realizare a reformelor în învăţămînt în contextul procesului Bologna. Totodată, imperativele de asigurare a continuităţii cer de la factorul de decizie şi de la instituţiile de învăţământ capacităţi de îmbinare reuşită a valorilor de instruire moderne cu cele tradiţionale.

- Câmpul politic al puterii şi opoziţiei poate să devină funcţional cu adevărat odată cu eficientizarea câmpului ştiinţific, cu crearea de condiţii adecvate acestuia pentru asigurarea progresului social. În pofida faptului că în republică sau întreprins măsuri de reformare şi consolidare a câmpului ştiinţific, în particular în cadrul Academiei de Ştiinţe a Moldovei, astăzi se cer eforturi susţinute, inclusiv şi îndeosebi din partea puterii, pentru a ridica importanţa ştiinţei universitare, ca factor de modernizare a sistemului de învăţămînt. În acest sens ştiinţele sociale, inclusiv politice, din cadrul universităţilor, trebuie să obţină locul lor adecvat în sistemul general al ştiinţei, şi ce e foarte important, să se dezvolte nu doar în baza satisfacerii interesului personal al savantului, ci şi al necesităţilor agenţilor sociali, inclusiv politici.

Bibliografie:

1. Бурдье П. Социология политики. - Москва, 1993.
2. Мошняга В., Руснак Г., Турко Т., Завтур К. Власть и оппозиция в контексте политической системы. // MOLDOSCOPIE (Probleme de amaliză politică). Nr.1. (XXXVI), 2007. – Chişinău: USM, 2007.
3. Saca V. Particularităţile de câmp social-politic ale tranziţiei postcomuniste. // Filosofie. Ştiinţă. Politică: realizări, imlementări, perspective. Materialele Conferinţei internaţionale 28-29 noiembrie 2002. Coord. V.Ţapoc. – Chişinău, 2003.
4. Saca V. Transformările sociale din societatea moldovenească ca obiect al relaţiilor dintre putere şi opoziţie. // Puterea şi opoziţia în contextul managementului politic (coord. V.Moşneaga, Gh.Rusnac, Gh.Mohammadifard). - Iaşi, 2005.
5. Токвиль А. де Старый порядок и революция. - Москва, 1997.

Prezentat la redacţie
la 11 ianuarie 2010

Recenzent – **Alexandru SOLCAN**, doctor în istorie, conferentiar

ЭТНОНИМ И ПОЛИТОНИМ «МОЛДАВАНЕ» В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Вячеслав СТЕПАНОВ
Республика Молдова, Кишинэу, Академия наук Молдовы, Институт культурного наследия, Центр этнологии
доктор хабилитат исторических наук, директор

Articolul este consacrat unei probleme etnopolitice actuale de corelație dintre etnonimului şi politonimului „moldovean" în condițiile unei societăți în proces de transformare. Autorul afirmă că moldovenii, fiind o comunitate majoritară şi care stau la baza formării statului cauza diversității punctelor de vedere (de opinii) în societatea multietnică din Moldova şi sub influența factorilor externi, îşi formează o închipuire ambiguă despre sine: pe de o parte – ei sunt o etnie titulară, iar pe de altă parte – un popor care, în persoana unei părți din intelectualitate, s-a decis de propriul etnonim şi politonim. Instabilitatea viitorului etnic şi a chipului politic, constituie la rândul său, o amenințare permanentă pentru existența etnicității moldoveneşti şi prin urmare a politonimului, care aşa şi nu s-a format şi în final, a statalității moldoveneşti. Anume limba rusă, în calitate de factor extern suplimentar, într-un oarecare fel, împreună cu valorile etnice moldoveneşti a contribuit la formarea unei evidențiate conştiințe etnice moldoveneşti, care spre deosebire de cea românească, s-a bazat pe valorile bilingvizmului. De asemenea, autorul examinează şi problema identității regionale.

În această publicație sunt prezentate rezultatele unui sondaj etnosociologic, realizat în mediul minorităților etnice cu scopul elucidării localității lor etnopolitice şi statale.

The article is devoted to the hot ethno-political problem of correlation of ethnicon and political term "Moldovans" in the conditions of transforming community. The author claims that the Moldovans being a major and state-forming community make an ambivalent image of themselves: on the one hand, as a title ethnos, on the other hand, as an ethnos with the part of intelligentsia that rejected its own ethnicon and political term. It took place because of the dissociation of views in the community of poliethnic Moldova and under the influence of external factor. In its turn instability of the ethnic future and political image is a permanent threat to the existence of ethnicity. It also means the threat to the political term, not formed yet, and eventually to the Moldovan statehood. It is the Russian language that as an additional external factor alongside with the Moldovan ethnic values to a certain extent contributed to the formation of the distinguished Moldovan self-consciousness that in contrast to the Romanian one,

was based on the values of bilinguism. The author also considers the problem of regional identity.

The article presents the results of the ethno-sociological survey conducted among the representatives of national minorities in order to reveal their ethno-political and state loyalty.

На долю народа Молдовы в период становления и развития независимости выпали большие испытания. Граждане Молдовы оказались неподготовленными жить в новых реалиях. Об этом до сих пор свидетельствует нестабильная экономическая и политическая ситуации в стране. В частности, на последнюю в немалой степени воздействует *несбалансированная* этнополитическая ситуация – незаживающая рана последствий вооруженного конфликта между левым и правым берегами Днестра; в многонациональной республике по-прежнему не решен лингвистический вопрос. Это и многое другое не способствует сохранению стабильности внутри государства и соответствующему международному имиджу о стране. Немалую долю нестабильности в условиях социальных изменений вносит в существующие реалии ситуация с этнонимом и политонимом титульного этноса Республики Молдова.

Именно на проблеме соотношения этнонима и политонима «молдаване» в современных условиях хотелось бы остановиться более подробно. При этом автор не ставит перед собой целью писать историографическую статью. Это достаточно подробно, хоть и субъективно, осуществили П.Шорников [29, 85-96; 30], Т.Земба [12].

Представление краткого исторического очерка о соотношении этнического и этнополитического в Пруто-Днестровском междуречье позволяет взглянуть на проблему в динамике.

В качестве гипотез автор выдвигает предположения:

- молдаване, будучи мажоритарной и государствообразующей общностью, в силу разобщенности взглядов сообщества полиэтнической Молдовы и под влиянием внешнего фактора формируют о себе двойственное представление: с одной стороны – титульный этнос, с другой – народ, отказавшийся в лице части своей интеллигенции от собственного этнонима и политонима. Неустойчивость этического будущего и политического образа является, в свою очередь, перманентной угрозой существования этничности, а значит, так и не сложившегося политонима и, в конечном счете, молдавской государственности;
- русская культура и русский язык выступают своего рода гарантией сохранения этнической идентичности и этнополитической специфичности Республики Молдова.

В работе представлены результаты этносоциологического опроса, осуществленного среди представителей национальных меньшинств с целью выяснения их этнополитической идентичности и государственной лояльности.

Молдавские реалии или «поиск себя»

Вступление стран постсоветского лагеря на путь построения собственной независимости привел к резкому повышению внимания к этническим процессам. Твердая уверенность в том, что национальный вопрос практически решен, активно пропагандируемая в годы советского прошлого, рушится на глазах. Этому способствовали многочисленные трансформационные процессы современности (всеобщая глобализация, изменения в Западной и Восточной Европе). По странам постсоветского лагеря лавиной прокатилась череда этнических конфликтов, среди которых и приднестровская трагедия.

Период трансформации оказался болезненным для основной массы советского сообщества. Парадокс, но именно Молдавия после распада Союза ССР (в силу устремлений Народного фронта, одного из аналогичных порождений, получивших распространение и в других республиках эпохи агонии советской власти) очень быстро, в лице наиболее активной части мажоритарного населения, сменила выступления за ценности молдавинизма – молдавской идентичности, на пропаганду этнополитических ценностей соседнего румынского государства. Молдавия была и остается единственной из бывших союзных республик, в которой до сих пор на разных уровнях (политическом, культурном и др.) у части населения сохраняется ориентация на смену этнической идентичности молдаван на румынскую этническую, впоследствии и политическую идентичности.

В бывшем Союзе существовала попытка объединить все население страны под общим термином «советский народ». Отчасти это удалось, и ментальность так называемой «советскости», «совковости» (в последующем приобретшая отрицательный смысл) существовала, и в некоторых моментах проявляется и в настоящее время, особенно среди старшего поколения. При этом нельзя забывать, что в каждой личности и в каждом народе может быть заложена так называемая множественная, разноуровневая идентичность. Осознавая себя советским человеком, гражданин СССР мог быть и молдаванином, и узбеком, и русским. Причем в бывшем Союзе лишь русские, сами того не осознавая, сосредоточили внутри себя ценности политонима. Царская Россия, позже СССР, всегда вкладывались в окраины. В отличие от колоний западноевропейских стран, в России окраины жили порой лучше, чем центральные губернии России.

Экономика, находящаяся в упадке, равно как и благополучная, являются дополнительным фактором для этнического недовольства, всплеска этничности. Примеров множество: Квебек в Канаде, Ирландия 2-й половины XX в., Чечня в России, события в Сербии и Косово. В условиях смены ценностей немалое значение имеет и лингвистический фактор.

Язык как этнополитический фактор

Исторически молдавский язык использовал кириллическое письмо. Это была одна из наиболее ярких характеристик, отличающих его от родственного румынского языка.

На территории Бессарабии и Левобережного Поднестровья проживали представители разных национальностей, было распространено языковое многоголосье.

Важно подчеркнуть, что отношение к молдавскому языку исторически на территории края было как к равному. Несмотря на численное превосходство, молдаване, наряду с представителями миноритарного населения, находились в такой же зависимости от внешнего фактора. В последние века это были: Османская и Российская империи, Румынское государство, Советский Союз[1]. Следует отметить, что на протяжении только XX в. границы историко-этнографических областей молдаван[2] неоднократно испы-

[1] *Об этнополитической концепции СССР необходимо говорить отдельно. Необходимо подчеркнуть, что Советская власть, способствуя становлению союзных республик, не наделила их реальными полномочиями в деле самоопределения. Формальные права, согласно Конституции, подчеркивающие возможность выхода любой союзной республики из состава СССР, не подразумевали реального механизма в данном процессе. Иными словами, такой подход походил на ситуацию – «вы можете, однако вы ничего не можете». С другой стороны, у населения бывшего Союза, за исключением стран Балтии, сложились достаточно устойчивые ценности общежития в условиях большой страны, что позволяет утверждать – искусственный распад Союза был явно не по душе большинству (вспомним результаты референдума о сохранении СССР, состоявшегося 17 марта 1991 года: из 185,6 миллиона граждан СССР с правом голоса в референдуме приняли участие 148,5 миллиона (79,5%); из них 113,5 миллиона (76,43%) высказались за сохранение обновлённого СССР).*

[2] *Молдаване – наиболее многочисленное население Пруто-Днестровских земель. Первые документальные данные о молдавских селах в междуречье Днестра и Прута можно встретить в поземельных актах молдавских господарей конца XIV – начала XV вв. Из 180-ти населенных пунктов первой трети XV в. известны топонимы лишь для ста поселений. При этом около 60-ти сел имели молдавские названия. Наиболее ранние поселения молдаван были расположены в центральной и северной части междуречья. Именно здесь с XIII в. начали формироваться северная и центральная историко-этнографические области Днестровско-Прутского междуречья. (Историко-этнографические области представляют собой исторически сложившиеся районы со спецификой хозяйства, культурно-бытовых традиций, языковых различий в пределах одной народности. Причем особенности хозяйства, культуры и быта складываются в них на протяжении столетий под влиянием*

тывали на себе внешнее воздействие, входили в состав разных государств[3].

В современных условиях, в связи с активизацией европейских ценностей в странах социалистического лагеря значительно усилилась политика латинизации алфавитов. Не избежала этого и Республика Молдова, знаменитый Закон от 1 сентября 1989 года №3465-XI «О функционировании языков на территории Республики Молдова» [7] создал правовые условия для распространения латинской графики в республике, с одновременным ограничением функций русского языка.

На протяжении длительного времени в Пруто-Днестровских районах постсоветской Молдовы осуществлялись попытки ограничить функции русского языка лишь как языка одного из национальных меньшинств – русских Молдовы. Однако широкое его использование в местах компактного проживания болгар и гагаузов на юге республики, в городской среде, в том числе и в Кишиневе, не говоря о левобережных районах республики, по-прежнему вынуждает считаться с фактом его широкого распространения и влияния. Именно языковое противостояние можно идентифицировать как одну из основных внутренних причин начала конфликта между

целого ряда факторов: политических, социально-экономических, этнодемографических и др.)

К XVIII в. в Пруто-Днестровском междуречье сложились три молдавские историко-этнографические зоны: северная, центральная и южная. Если процесс формирования этих областей осуществлялся на протяжении XIII–XV вв., то аналогичная зона в Левобережном Поднестровье сложилась в XVI–XIX вв. Кроме вышеназванных регионов с компактным проживанием молдаван следует назвать Буковину.

В Левобережных районах Днестра, входивших в состав так называемой «Ханской Украины» и владений польской короны, в конце XVIII в. преобладали молдаване. В последнем десятилетии XVIII в. эти земли вошли в состав России. По данным V ревизии (1799 г.) в Очаковской области было учтено около 19.000 молдаван, которые составляли 39,12% жителей области. В первой половине XIX в. в ходе демографических изменений численность молдаван постепенно возрастала, но их удельный вес постепенно уменьшался в связи с украинско-русской колонизацией Новороссийского края.

[3] *Бессарабия в качестве самостоятельной губернии России существовала до исторического провозглашения 2 декабря 1917 г. Молдавской демократической республики. Левобережное Поднестровье входило в состав Херсонской губернии Российской империи. 12 октября 1924 г. была образована Молдавская АССР в составе УССР. В 1918–1940 гг. территория Бессарабии находилась в составе королевской Румынии. 28 июня 1940 г. Бессарабия возвращается в состав СССР, а 2 августа 1940 г. была образована Молдавская ССР. После начала военных действий в 1941 г. Молдавия оккупируется немецко-фашистскими войсками, а в 1944 г. освобождается Красной Армией, с приходом которой устанавливается советская власть. Даже эта небольшая историческая справка свидетельствует о том, что на территории современной Республики Молдова в XX в. были распространены разные идеологии, поддерживающие различные этнополитические ценности.*

двумя берегами Днестра. Такой позиции придерживается и американский аналитик Ч.Кинг [34, 192].

На протяжении независимости на разных уровнях возникали попытки обсуждения возможности придания русскому языку статуса второго государственного. По разным причинам это не было осуществлено.

Как далее будет складываться обстановка в лингвистической политике государства, зависит от целого ряда обстоятельств, обусловленных внутренними и внешними факторами, экономической ситуацией, решениями проблемы реинтеграции страны.

Широкое распространение русского языка имело место в конце XVIII–XIX вв. в период формирования ценностей современных европейских наций, в том числе румын и молдаван.

Автор берется утверждать, что именно русский язык, в определенной степени, наряду с молдавскими этническими ценностями способствовал формированию выделенного молдавского самосознания, которое, в отличие от румынского, базировалось на ценностях двуязычия. Именно русский язык выступил в качестве дополнительного *внешнего* фактора, повлиявшего на дальнейшее укрепление молдавского самосознания. В немалой степени этому способствовала сложившаяся в крае полиэтническая среда проживания. Малые народы, в силу своего, прежде всего, количественного статуса, находятся в определенном зависимом положении от культуры (особенно если они попадут под ее влияние), в том числе и языка более крупного этноса или языка, функционирующего на большей территории и ценностного для многих этносоциальных групп[4].

Любопытно, что с 1812 по 1991 г., несмотря на широкое распространение русского языка в крае, молдавский язык не исчез, молдавская идентичность продолжала четко проявляться. Интересно, что за годы независимости, когда русский язык в Республике Молдова регламентирован, молдавская идентичность постоянно испытывается на прочность. *Русский язык представляет собой важный фактор, отличающий ценности молдаван и румын от общевалашского пласта*.

В контексте нашего разговора интересно исследование И.Кашу „Politica națională în Moldova Sovietică (1944–1989)”. Относя восточно-романское население Пруто-Днестровского междуречья к румынам, автор подчеркнул факт того, что «распространение русского языка среди бессарабских румын, пусть даже на поверхностном уровне, а может быть ввиду этого, возымело разрушительные последствия для румынского языка и, в конеч-

---

[4] *М.Губогло обратил внимание на значение русского языка на сохранение и развитие гагаузской идентичности [5]. Можно утверждать, что проблема двуязычия, затронутая исследователем, выходит за рамки узко гагаузской проблематики, касаясь интересов не только других национальных меньшинств Молдовы, но и молдаван.*

ном итоге, на самосознание и солидарность той общности, которая не обладала в полной мере на уровне 1944 г., всеми национальными ценностями и не привыкла к современному названию их национальности». И.Кашу высказал вполне справедливые соображения, однако, обратив внимание на мысль о том, что в связи с изменениями «в румынском языке, за счет чрезмерного обогащения словами в ущерб слов латинского, французского происхождения и др., проявилось изменение образа мышления и психологии бессарабских румын». Как следствие историк приходит к выводу о том, что «термин» *молдаванин*, используемый чаще, чем современный термин *румын*, «причем даже до второй мировой войны, получил сильную эмоциональную и психологическую нагрузку, став символом утверждения культурной индивидуальности и, в конечном итоге, правом отличаться от других на культурном уровне» [33, 163]. Вполне логическое объяснение ситуации, проведенное автором, одновременно не нашло теоретического объяснения. Картина, обрисованная историком, может быть объяснена пресловутой системой образования буржуазных наций, осуществленной в XIX в. Определенная ущербность молдавскости сложилась за счет раскола молдавских исторических земель, часть которых вошла в состав Румынии, а часть оказалась, как справедливо отметил И.Кашу, под воздействием русской культуры [33, 165]. Это был важный период, давший толчок формированию современных этнических ценностей.

Данная мысль порождает следующий вопрос, который можно назвать риторическим: насколько молдавская этничность, находящаяся под серьезным «перекрестным огнем» русских и румынских ценностей, является жизнеспособной. Сможет ли она породить свой, особый этнический путь?..

Во время активизации участия национальных меньшинств в этнополитической и общественной жизни развитых сообществ не случайно получила распространение мысль о том, что не имеющее политического влияния этнокультурное сообщество, добавим, даже количественно преобладающее (можно отметить, что оно может быть даже титульным – т.е. государствообразующим) превращается *в национальное меньшинство* в политическом плане. То есть, возможен вариант, когда мажоритарное население может выступать в качестве этнического большинства и одновременно быть национальным меньшинством (в плане реализации себя в этнической политике и в политической жизни в целом). В настоящее время в Республике Молдова сохраняется тенденция на развитие румынских этнонациональных ценностей. В учебных заведениях республики продолжается преподавание истории румын, несмотря на конституционное название государственного языка, он все чаще называется румынским. «Хочет этого или нет нынешняя власть Молдавии, но пройдет не так уж и много времени, и название "румынский язык" полностью войдет в обиход» – подчеркивает

политолог В.Андреевский. «Мне кажется, что не надо по этому вопросу ломать копья, а уже сейчас внести изменения в конституцию и изменить официальное название языка» [45]. Румынский язык и румынская культура должны стать своего рода кредо адаптации для всего населения Молдовы, и, прежде всего, для национальных меньшинств, полагает исследователь Н.Кожокару [18].

В настоящее время с уверенностью можно утверждать, что испытание на прочность проходит не только экономика Молдовы, но и сама молдавская этническая и политическая идентичности. В качестве примера можно привести факт того, что за годы независимости статус молдавского языка как государственного практически не вырос, зато значительно распространилось название государственного языка как румынского. Учитывая факт того, что язык в современных условиях выступает в качестве одного из этноопределителей, сложившаяся ситуация заставляет задуматься.

Исследователь М.Губогло в одной из своих публикаций задался риторическим вопросом, «где центр молдавской идеологии в Республике Молдова, в Приднестровье молдавского народа, где его диаспора? На правом или левом берегу Днестра? Увы, несмотря на парадоксальность, эти вопросы обрели далеко не шуточное значение» [4, 14]. Действительно, в de jure едином государстве функционирует два законодательства, и две территории, разделенные Днестром, не подчиняются друг другу. Кроме того, в названиях обеих земель – Республика Молдова и (непризнанная) Приднестровская молдавская республика, используется термин «Молдова», «молдавская». Иными словами, обе разделенные территории претендуют на развитие молдавской государственности. Одновременно этот процесс сопровождается на этих территориях тенденциями, противоположными развитию идеи молдавинизма.

Правобережные районы Республики Молдова, как уже говорилось выше, находятся под сильным влиянием румынской идеологии, получившей распространение в крае с начала 90-х гг. XX в. в среднем звене функционеров министерств и ведомств, в СМИ, в системе образования и т.п. В свою очередь, в Приднестровье, как отпор идеологии румынизма, с постконфликтного времени активно проводится прорусская политика. В ПМР провозглашены три официальных языка: молдавский, русский и украинский, а функционирует практически широко только один – русский. Таким образом, молдавская идентичность, прежде всего на уровне сохранения молдавского языка, находится под угрозой, как в правобережных районах Днестра, так и в Приднестровье.

В соседней Украине, которая в своей этнической политике отделяет молдаван от румын, также ощущается борьба молдавской, румынской и

официальной украинской идеологий, что сказывается, в том числе и на языке.

Само географическое положение Молдовы вынуждает ее балансировать между Западом и Востоком (к чему, собственно, ей не привыкать). И если с восточным отношением к молдавскому языку дело обстоит более или менее понятно, то в самой Европе отношение к государственному языку Республики Молдова является выжидательным. По мнению В.Сокора, «Европейский союз руководствуется конституционным названием государственного языка Республики Молдова, зная, что этот язык – то же самое, что и румынский, и отличается лишь названием. Вне зависимости от того, что называется исторической правдой, выбор названия языка нередко является политическим решением, демократическим или не очень. В некоторых случаях политическое решение отрицает существование языка, в других случаях политическое решение ведет к появлению второго названия или даже нескольких названий одного или того же языка».

Воздействие лингвистического фактора в Республике Молдова до настоящего времени представляет собой неурегулированную и многоаспектную проблему.

Проблема других этнополитических ценностей в современном сообществе Молдовы

Необходимо несколько слов сказать о проблемах культуры в сообществе Республики Молдова. Культура в полиэтническом пространстве обладает рядом особенностей. В трансформационный период в постсоветском ареале активное распространение получила тенденция возрождения и развития этнических культур. Но данный путь представляет собой лишь одну сторону, согласимся, очень важную для поддержки этничности: когда носители той или иной культуры лишь облачаются в национальную одежду по праздникам, поют обрядовые или просто национальные песни на родном языке, это, конечно, способствует, в некоторой мере, сохранению этничности. Но здесь необходима поправка. Подобного рода действа должны быть не искусственной частью культуры, а его органической составляющей, входящей в ценности современной цивилизационной реальности, в которой находится сообщество, в данном случае молдавское. Если на этничности замыкаться лишь как на этнографическом экспонате – это дело тупиковое. *Речь идет о том, что если что-либо в обществе утрачено, то оно в качестве ценности для сохранения государственности может быть возрождено в новых реалиях лишь посредством мер, направленных на формирование ценностей этнополитического характера.*

В современном мире для того, чтобы нация (в этническом и политическом смысле) развивалась, она не должна замыкаться лишь на собствен-

ных этнических ценностях. Замкнутость культуры рискует привести к состоянию этнографического музея, там жизнь опирается лишь на ценности традиционного общества. (Понятно, что у бушменов и французов этническая культура находится на разных стадиях, и было бы неверным утверждать, что традиционная культура бушменов менее насыщена, чем французская, но уровень развития этногосударственных ценностей однозначно отличается.)

Современное сообщество Молдовы, да и ряда стран постсоветского пространства собственно находится в поиске той точки баланса между ценностями традиционализма и современными надэтническими императивами, которые могли бы выступать в качестве значимых для полиэтнического состава населения страны.

Важно рассмотреть, какие же ценности являются общими для данной территории, несмотря на разные политические режимы и доминирование тех или иных государств. Политика царской России характеризовалась верой в Бога (православие), царя и Отечество, с доминированием русских культурных ценностей, прежде всего языка в полиэтнических окраинах, сохранением и поддержкой которых отличалась Российская империя; румынская идеология базировалась на распространении ценностей румынского языка, православной религии; советской власти соответствовала идеология построения новой коммунистической общности людей – советского народа, с пропагандой общих ценностей, в число которых входили – ценности русской культуры, в том числе и русского языка, официальный атеизм, с неофициальным сохранением культов (наиболее распространенное православие), сохранение разделения страны по национальному признаку, с сохранением этнических ценностей (особенно наиболее многочисленных, компактно проживающих народов – армян, азербайджанцев, грузин, молдаван – всего пятнадцати по количеству республик, были и автономные округа).

Рассуждая о границах этничности, В.Тишков вводит в оборот понятие кластера пространства – как культурно конструируемого пространственного смысла и ситуации. При этом подчеркивает, что «это не просто материальные константы, а понятие пространственной организации» [27, 155]. «Кластеры пространства организуются под воздействием культурных установок и правил, в том числе и правил политико-идеологического характера. Культурные установки формируют правила, но и изменение правил ведет к изменению культурного смысла пространства» [27, 157].

Вышесказанное объясняет причину частой смены интеллигенции в Молдавии, которая с приходом новых культурных установок, правил новых отношений в сообществе, имеет свойство меняться. Отсутствие традиций устойчивости и элитарности местной интеллигенции делает ее более

уязвимой перед Румынией и Россией. Причем каждая старая политико-идеологическая элита с приходом новой силы, как правило, уходит со старым идеологическим патроном, или становится его агентом влияния.

Частая смена идеологий, элит и идей, длительная несамостоятельность территории выработала в молдавском сообществе *комплекс раба*, от которого это самое сообщество, провозгласившее себя независимым и демократическим, не может избавиться вплоть до настоящего времени. Именно поэтому такая растерянность – куда идти: вслед за Россией, соединяться с Румынией, как выжить и понравиться всем... Примерно такую же дилемму решает сейчас сообщество соседней Украины, только со своими «неизвестными». Порождение этого комплекса ведет к регулярно возникающей *моде на национальность*. При этом всякая мода имеет своих сторонников и своих противников. В зависимости от времени та или иная национальность, к примеру, в Молдове (можно рассматривать и примеры других стран) обретала определенный уровень элитарности. Вспомним достаточно дистанцированное отношение к еврейству, диктуемое советской эпохой и всплеск поиска бабушек-евреек после распада СССР и резкого снижения уровня жизни, когда начиналась очередная волна эмиграции. Отношение к румынам в годы Советской власти было двояким: официально – это братская соцстрана, у молдавского же народа обычно – негативная память о межвоенном периоде. В постсоветский период часть населения (в т.ч. интеллигенции) идентифицирует себя с румынами, другая часть всячески от этого открещивается и противостоит этому. Ситуация осложняется тем, что ни сторонники румынской национальной идеи, ни приверженцы особой молдавской идентичности не выработали системы ценностей, способной объединить вокруг себя большинство населения республики.

Цифры как факты

Немало могут сказать цифры. Согласно результатам всеобщей переписи 2004 г. в Пруто-Днестровских районах Молдовы проживает 75,8% молдаван и 2,1% румын [40, 300]. В регионах Левобережья Республики Молдова (непризнанная ПМР) по данным на 11 ноября 2004 г. проживает молдаван – 31,9%, русских – 30,3%, украинцев – 28,8%, болгар – 2,5%, гагаузов – 0,8% и белорусов – 0,6% [2, 6]. Всего в регионе проживало 555,5 тыс. чел. [2, 5].

На Украине, согласно данным переписи 2001 г., проживает 258,6 тыс. молдаван. В России перепись 2002 г. зарегистрировала 172 330 молдаван.

Румыния в соответствии со своей этнической политикой вообще не признает самостоятельности молдавского этноса (факт того, что именно Румыния первой признала независимость Республики Молдова в 1991 г. объясняется нереализовавшимся проектом объединения территории быв-

шей МССР с Румынским государством, в этом контексте показательно гагаузское противостояние и приднестровский конфликт). Для сравнения, в Румынии проживает около 20 млн. румын[5], среди которых достаточный процент запрутских молдаван, которые в процессе длительной национальной политики Румынии, в основной своей массе сформировали в себе ценности общерумынского сознания. Дело не только в количественном преобладании румынского населения в мире в сравнении с молдаванами, которые в силу этнополитической традиции румынского государства, а также его активной позиции, направленной на поддержку бессарабских румын (молдаван), воспринимаются в историографии Румынии и в ряде широко распространенных (в том числе учебных пособий) материалов, формирующих этноидеологические ценности в Республике Молдова как румынские. Все это в том числе способствует формированию не государственной молдавской идентичности в Республике Молдова, а *региональной молдавской идентичности* с формируемыми в обществе ценностями соседнего государства.

В Румынии название титульного этноса для большинства молдаван Румынии одновременно выступает в качестве политонима. На протяжении длительного времени Румыния проводила политику, направленную на этнополитическую унификацию полиэтнического населения, что не могло не сказаться на успехах государственной ассимиляционной политики в области национальных отношений. Так, в Румынии уже стало традицией идентифицировать жителей по гражданству, подобная традиция присутствует в ряде европейских стран, например во Франции, такая устойчивая традиция имеет место и в США.

Политика идентификации населения по гражданству со временем формирует традицию восприятия политической идентичности. После распада Союза ССР в странах новых демократий, наряду с активизацией интереса к этническим проблемам, стала наблюдаться попытка отказа от указания этнической принадлежности в паспортах. Одновременно ныне действующая форма нового паспорта в Молдове (buletin de identitate) делает упор именно на подчеркивание политической идентичности личности. В паспорт помещается информация о гражданской принадлежности. Данные об этнической принадлежности личности, не отраженные в паспорте, представлены в компьютерной базе данных Министерства информационных технологий, доступ к которой строго ограничен.

---

[5] *Современный румынский историк Л.Бойя, говоря о последней переписи в Румынии, констатировал, что «румын в государстве проживает около 20 млн. чел. (может чуть меньше, - поясняет автор, - в связи с тем, что много цыган)» [31, 207].*

Из вышесказанного видно, что политоним должен быть распространен как ценность не только среди самих носителей молдавской этничности, но и среди представителей других этничностей с целью формирования фундамента общих ценностей с ориентацией на динамику молдавской государственности. Для этого необходимо определить ценности, вокруг которых может формироваться развитие идеи молдавинизма как общезначимой данности. Среди таковых могут выступать:

- конфессиональный фактор, который для 93,34% является единым православным;
- длительность проживания на одной территории;
- сохранение и укрепление молдавской государственности;
- распространение русского языка и полилингвизма в условиях молдавской государственности.

Еще одним моментом является факт того, что в годы независимости в Республики Молдова выстраивается парадоксальная схема, именно национальные меньшинства выступали наиболее активными сторонниками молдавинизма как гаранта неассимиляционности.

Одновременно отношение к общему политониму в среде национальных меньшинств еще не сложилось. Любопытно в этом контексте выглядят представления о понятии «молдаванин»[6]. Например, представители активной части населения украинской национальности Пруто-Днестровских районов республики показали общую картину, свидетельствующую о том, что под этим термином респондентами понимается, прежде всего, принадлежность к нации как этническому понятию – 41,87% из репрезентативной выборки (621 чел.). Одновременно немалое количество респондентов – 34,94% показали мнение о том, что это может быть и гражданский признак [25, 699, 705]. Студенты ряда вузов республики, представители национальных меньшинств, вероятно, в силу возраста заняли более радикальные позиции (Приложения. Таблица 1).

Дополнительные размышления вызывает мнение респондентов о своей патриотической идентификации. С этой целью участникам опроса был задан вопрос «Осознаете ли Вы себя патриотом Республики Молдова?». Следует констатировать, что ответы сложились неадекватно, потому здесь уместны некоторые комментарии. Предлагаемые ответы звучали следующим образом: «да», «нет», «затрудняюсь ответить». Результатами общего опроса оказались следующие: соответственно 41,71%; 19,65%; 38,65% [25, 699, 700]. Причем на первый взгляд превалирование людей, назвавших се-

---

[6] *В данном контексте необходимо вспомнить уже не раз поднимавшуюся проблему о названии всех жителей республики без прибегания к этническому имени мажоритарного этноса – молдаване.*

бя патриотами (41,71%) сопоставляется с теми, кто себя к таковым не относит. Вместе с тем позицию достаточно большого процента респондентов можно обозначить выражением «ушел в тень». Это позволяет утверждать, что столь значительная масса участников опроса (58,3%) не соотносит свои чувства с патриотическим восприятием Молдовы.

Несколько иная ситуация сложилась в Приднестровье. Согласно результатам исследования, осуществленного московскими и американскими исследователями в 1998 г., был разработан исследовательский проект «Национальные процессы, языковые отношения и идентичность» [6, 410; 4, 13-35]. Один из авторов проекта М.Губогло, пришел к выводу о сложившейся в среде населения Приднестровья региональной идентичности среди населения. По мнению исследователя, ментальной основой этого феномена является равновеликая значимость для населения Приднестровья трех идентичностей – национальной (44,6%), региональной (43,7%) и конфессиональной (42,0%) в общей системе идентификационных ценностей, находящихся приблизительно в одинаковой отдаленности от семейной и имущественной идентификаций, занимающих первые два места в менталитете приднестровцев[7].

Серьезные различия на левом и правом берегах Днестра существуют в отношении патриотического восприятия государственных символов Республики Молдова и непризнанной ПМР [25, 704-705]. Большее количество колеблющихся и отрицательно ответивших респондентов, опрошенных в правобережных районах Республики Молдова [25, 701], может быть объяснено введением новых, ранее не использовавшихся в МССР гимна, флага и герба. Ныне существующий гимн Республики Молдова не отражает чувства полиэтнического населения, проживающего в Республике Молдова. Триколор, похожий на флаг соседней Румынии (в начале 90-х годов прошлого века национал-радикалы выходили на площадь молдавской столицы с флагами Румынии или с триколорами, в центре которых зияли дыры вместо поначалу отсутствующего, а затем умышленно игнорируемого герба).

В целом, следует отметить, что данные атрибуты государства были введены в начале 90-х годов, в период этнополитической напряженности, что не способствовало их адекватному восприятию в обществе, которому

[7] *М.Губогло отмечает: «Региональная идентичность приднестровцев – уникальна. Она представляет собой одновременно привязанность населения к месту (региону) своего проживания и лояльность к установившемуся на этой территории (в этом регионе) государственному устройству и к национальному составу его территории. Можно допустить, что это, выявленное опросом, самоощущение граждан Приднестровья служит важным показателем более емкого явления – приднестровизма (приднестровство, приднестровность и т. п., дело не в термине) по аналогии с молдавинизмом, румынизмом и русскостью и т.п.». [6, 410].*

в те годы были свойственны полярно противоположные позиции. В определенной степени эта полярность взглядов сохранилась и в настоящее время, но в менее выраженной форме. Восприятие символики отличается консервативностью, поэтому можно предположить, что более ценностно ее способно воспринимать молодое подрастающее поколение, формирующееся в условиях новых ценностей.

Иная ситуация сложилась в левобережных районах. Там в качестве флага непризнанной ПМР используется флаг бывшей МССР, к которому население привыкло и с которым у него не связано негативных воспоминаний. Внешний вид герба своей формой мало чем отличается от герба МССР, при этом на нем присутствуют надписи на трех языках, принятых в непризнанной ПМР в качестве государственных: молдавском, русском и украинском.

Сложный и нелегкий путь был уготован молдавскому гимну. Накануне обсуждения проекта Конституции, под давлением фракции «Социалистическое единство», 7 июля 1994 г. Парламент отменил исполнение в качестве гимна текста «Воспрянь, румын!». По воспоминаниям П.Шорникова, собрать большинство для замены флага и герба левые аграрии были уже не в силах. В связи с этим члены фракции «предложили исключить из проекта Конституции описание флага и герба: их, как и гимн, надлежало утвердить органическими законами» [29]. На заседании Парламента 21 июля 1994 г. снова был поднят вопрос о молдавской символике. Попытка левых обратиться к гербу и флагу времен Стефана Великого не получила поддержки основной массы аграриев. Раскол в Парламенте грозил принятию Конституции [28, 325].

Закон «О Государственном гимне Республики Молдова» [8; 9; 10] был принят чуть позже, чем утверждены герб и флаг, – 22 июля 1995 г. О том, что лингвистический вопрос в первой половине 90-х гг. стоял очень остро, определяя многие политические решения, свидетельствуют слова текста нового гимна Республики Молдова, который исполняется только на государственном языке.

Limba noastră-i o comoara	Наш язык, наш клад нетленный,
In adâncuri înfundata,	От безверия укрытый,
Un şirag de piatra rara	Свет жемчужин драгоценных,
Pe moşie revărsata	Над отчизною разлитый
	[21, 44-45] (перевод Д. Ольченко).

Принятый в трансформационный период текст песни «Limba noastră» («Наш язык») на стихи Алексея Матеевича (1, 2, 5, 8, 12-я строфы) в качестве гимна Республики Молдова [8, ст.1] можно назвать гимном языку. Остро стоявшая лингвистическая проблема четко отразилась в принятии решения Парламентом относительно смысловой нагрузки гимна. В поли-

этнической стране с крайне обостренными лингвистическими проблемами подобный гимн не мог выступить в качестве консолидирующей силы в сфере гражданского строительства. Государственная символика оказалась оторванной от проблем, проистекающих в государстве.

Явственно прозвучало на обоих берегах Днестра беспокойство респондентов-украинцев об этническом мире в стране (таблицы 2; 3; 4), одновременно они высказали мнение о возможности конфликта в Молдове на этнической основе (таблицы 5; 6). Это достаточно тревожный показатель, свидетельствующий о том, что спокойствие и равновесие после катаклизма начала 90-х в сердцах людей еще не воцарилось.

Некоторые выводы.

Молдавия оказалась своеобразным исключением в среде стран постсоветского пространства, которая de jure провозгласила свою молдавскую идентичность, одновременно посредством усилий части национал-радикалов стала проводить de facto работу на формирование ценностей соседнего румынского государства. Причем запущенный в начале 90-х маховик не остановился ни на минуту, несмотря на смену политических сил в стране.

Выдвигаемая к рассмотрению гипотеза о том, что молдаване в настоящее время формируют двойственную идентичность (с одной стороны – титульный этнос, а с другой – народ, в лице своей интеллигенции отказавшийся от собственной этнической идентичности), что, в свою очередь, является перманентной угрозой существования этничности, а значит, так и не сложившегося политонима, и в конечном счете, молдавской государственности, находит свое подтверждение.

Вторая гипотеза о том, что русская культура и русский язык выступают своего рода гарантией сохранения молдавской этнической идентичности и этнополитической специфичности Республики Молдова, не позволяет делать односторонний вывод, однозначно подчеркивающий данное утверждение. Одновременно неустойчивая этнополитика внутри молдавского государства не способствует укреплению молдавской этнической идентичности и общеполитических ценностей в полиэтническом государстве.

Можно также утверждать, что наличие государственности еще не является признаком сформированной политической нации. Более того, колебания в национальной политике, проявляющиеся с одной стороны в попытке официального Кишинева активизировать промолдавские настроения, но не нарушая интересов прорумынского меньшинства, доминирующего в науке, культуре и образовании, не способствуют формированию симпатий в отношении молдавского политонима, в том числе и среди национальных меньшинств республики.

Причем, следует отметить, национальные меньшинства более активны в защите молдавской национальной и политической идеи, чем сами носители молдавской этничности. Объяснение этому обстоятельству может быть следующим – в начале 90-х гг. в период активизации национал-радикалов представители нацменьшинств, ощутив на себе негатив прорумынской политики, в условиях суверенизации Молдовы сплотились вокруг молдавских ценностей.

Одновременно результаты опросов свидетельствуют о сохранении чувства тревожности среди украинского населения, настроения которого достаточно коррелируют с настроениями представителей других этносоциальных групп нацменьшинств [25, 653] (таблицы 8, 9).

Полученные результаты этносоциологического анализа[8], в частности на примере украинского населения республики (как наиболее многочисленного после молдаван этносоциального образования) лишний раз свидетельствуют о том, что в среде национальных меньшинств достаточно высока ориентированность на идею молдавской гражданской идентичности (См. Таблицу 7).

Расстановку в республике этнополитических ориентиров схематично можно разложить следующим образом:

Молдаване – в лице активной части интеллигенции – ориентированы на идею румынизма. Это проявляется вне зависимости от проводимой идеологии тех или других политических партий, находящихся у власти. В республике появился термин «примитивный молдавинизм» [26, 483], под которым осуществляется пренебрежительное представление попытки сторонников промолдавской идеи осуществить какие-либо действия в защиту собственной идентичности.

Обострение отношений, в том числе и этнополитических разногласий с левобережными районами привели к конфликту и формированию непризнанной Приднестровской государственности. На территории одного de jure государства de facto сформировались два образования, в названии которых присутствует название мажоритарного этноса Молдовы – это Республика Молдова, законы которой распространяются в настоящее вре-

---

[8] *Результаты опроса, проведенного в 2001–2005 гг., представляют мнение 650 украинцев, проживающих в северных, центральных и южных районах Пруто-Днестровского междуречья Республики Молдова. Опрос проводился в следующих населенных пунктах: Данул, Унгры, Нихорень (северные районы Молдовы), Бэлцата, Сагайдак, Мусаит (центральные районы Молдовы), Ферапонтьевка, Бессарабка (южные районы Молдовы). Для сравнения полученных данных был проведен пилотный опрос в непризнанной ПМР (в селах Владимировка, Константиновка, Фрунзе, г. Тирасполь), в котором приняли участие 100 украинцев. Взглянуть на ситуацию в динамике позволяют результаты еще одного опроса, проведенного автором в 2008-2009 гг. опять же среди украинского населения. Основное внимание в нем уделялось изучению комфортности самоощущения населения в крае.*

мя лишь в Пруто-Днестровских районах республики, и Приднестровская Молдавская Республика, расположенная в Левобережье, где функционирует другое законодательство.

Один из авторитетных этнологов современной Молдовы В.Зеленчук, отмечая в одном из своих последних интервью проблему будущего молдавской нации, тонко констатировал: «будут ли молдаване самостоятельным этносом, или же они составят часть румынской нации – покажет время» [11, 183].

Подобная осторожная точка зрения известного молдавского этнолога может быть объяснена многочисленными подходами, характеризующими отношение к молдавской этничности и гражданской идентичности. Условно взгляды современных аналитиков можно разделить на сторонников прорумынских[9], промолдавских[10], приднестровских[11] и интернационалистских (их можно назвать еще традиционалистскими)[12] взглядов и подходов.

---

[9] Следует констатировать, что исторической литературы прорумынской ориентации за последние 20 лет написано немало. Сторонники этого направления не признают существование самостоятельного молдавского этноса. Достаточно назвать учебные пособия для школы [15; 13] и др. Здесь следует назвать и ряд брошюр и монографий [32; 33; 36]. Особенно популярным является межвоенный, так называемый румынский период в историографии [35; 38; 39].

Важно назвать мнение Ю.Фрунташу о перспективах развития молдавской государственности, он в частности допускает существование двух румынских государств. В отказе от этого концепта он обвиняет партию аграриев Молдовы [36, 411]. Одновременно допустим вариант возвращения к данной идее с приходом к власти в Молдове либеральных сил в 2009 г. В период нахождения коммунистов у власти возникла идея о создании интеграционного курса преподавания истории в качестве альтернативы «Истории румын». Создание курса интегрированной истории напоминает позицию кота Леопольда, призывающего к всеобщей дружбе. Эта идея возникла в начале 2000-х, ее сторонники решили одним махом решить все проблемы, с одной стороны, постепенно отменить курс «История румын», введенный в начале 90-х, во время нахождения у власти сторонников «Великого объединения», с другой стороны, понравиться Европе введением в курс большого объема часов из истории Европы. В результате подрастающее поколение толком не знает ни отечественной истории, ни всеобщей. Что уж говорить о путанице идентификационных ценностей в головах. Остается также загадкой следующее – данный проект интегрированного курса, родившийся в период нахождения коммунистов у власти, был действительно переходным к реставрации учебного курса «история Молдовы» или представлял собой попытку более глубокого содержания – отвлечь внимание от проблемы истории как таковой…

[10] Среди изданий промолдавской исторической идеи следует назвать работы В.Стати «Молдаване» [24]; V.Stepaniuc «Statalitatea poporului moldovenesc…» [43; 25].

[11] Историки непризнанной ПМР подготовили и выпустили в свет ряд работ, которые базируются на разработанной ими концепции исторического прошлого Приднестровья: История Приднестровской Молдавской Республики [17]; Феномен Приднестровья [27]. При этом позиция официального Приднестровья в отношении поддержки этнонима и политонима «молдаване» последние годы угасает. Сложилась парадоксальная ситуация, когда на карте существует три территориальных образования с названием «Молдова» - запрутская Молдова в составе Румынии, Республика Молдова и, наконец, непризнанная

Столь широкий концептуальный разброс мнений, присутствующий в среде исследователей и идеологов в Молдове, с одной стороны, свидетельствует о демократии и возможности трактовать историю с собственных позиций – и это нормально; гораздо хуже, когда к ученому приставлен человек в форме, регламентирующий ход его мыслей. Речь о другом: многополярность подходов к прошлому и будущему не может не влиять на формирование общенациональной идеи, что, естественно, сказывается и на идеологии государственности, взглядах на титульный этнос в конечном итоге – признание его существования или, наоборот, отрицание.

В настоящее время можно говорить о серьезном влиянии на этнополитические реалии наряду с традиционными ценностями этноцентризма (которые в этнологии чаще соотносят с примордиальными ценностями) – ценностей инструменталистского и конструктивистского характера, которые формируются разными силами извне и изнутри Республики Молдова. Например, если большая часть Молдовы (запрутские земли) находятся в составе Румынии, то соответственно волею случая оказавшееся вне Румынии население Бессарабии, а позже Республики Молдова, тяготеет к Румынии, формируя в себе региональное сознание в масштабах целой страны (вернее той ее части, на которую распространяется влияние Кишинева и Бухареста). В свою очередь Приднестровье выступает как территория с ярко выраженным региональным пророссийским сознанием, тяготея к России.

Приведенные выше примеры весьма наглядно представляют современную этнополитическую ситуацию в современной посткоммунистической Молдове.

Как дальше будет складываться ситуация с политонимом, объединяющим молдавский народ, да и самим взглядом на молдавскую идентичность, покажет время.

Для политонима должно быть общее объединяющее имя. Одно время были попытки вернуться к обсуждению использования ранее бытующего термина «бессарабец». Дискуссия на эту тему развернулась на страницах молдавской прессы 90-х гг. XX в. [23]. Позже в основательной статье другого молдавского историка О.Галущенко [3, 52-54], было доказано, что данный термин «применительно к нашим дням является атавизмом». Автор данной работы не является сторонником придумывания искусствен-

---

Приднестровская молдавская республика. Так вот, в последней все заметнее настроения отказаться от поддержки молдавинизма по принципу «пусть этим занимаются в Республике Молдова!» [47]. Подтверждением тому серьезное исследование П.Шорникова «Молдавская самобытность» подготовленное и выпущенное в Тирасполе, после чего практически весь тираж был арестован.

[12] *В качестве примера можно назвать коллективную работу под редакцией В.И.Царанова «История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней» [15]*

ных этнонимов, однако вынужден констатировать, что последние годы жители ближнего зарубежья, в частности украинцы и белорусы, используют политоним «молдовці» (молдовци), применительно ко всем жителям Республики Молдова. В русскоязычном пространстве иногда используется термин «молдоване», который тоже иногда пытаются использовать в качестве политонима. Одновременно, по мнению А.Лазарева, правильное звучание этнонима молдавского народа – *молдовень* [20, 86-101]. Данную точку зрения разделяет адепт молдавинизма В.Стати [24, 12]. Если быть исторически корректным, то часть территории бывшей Бессарабии в настоящее время входит в состав соседней Украины (часть Одесской и Черновицкой обл.). Получается, что жители тех территорий тоже могут именоваться бессарабцами. Но, являясь историческим, этот термин (бессарабцы) продолжает использоваться в качестве регионального определителя вплоть до настоящего времени. Его также пытаются возродить и как официальный термин [1].

Одновременно, в пользу избегания этого, в том числе как этнополитического, термина может прозвучать ряд аргументов. Во-первых, понятие бессарабцы несет под собой определенный дух зависимости, за последние два столетия этот термин использовался как в Царской России, так и в Румынии, подчеркивая, в том числе и несамостоятельность населения, объединенного под этим термином. В годы Советской власти использовалось имя молдаване, как жители Молдавской Советской социалистической республики.

Региональный определитель может перерасти в понятие более высокого порядка. Это видно на примере термина «приднестровцы». Выступая в качестве регионального определителя, данное понятие в настоящее время, после образования непризнанной ПМР, превратилось в политоним.

Возвращаясь к термину «бессарабцы», следует отметить, что даже если допустить его использование на уровне политонима, это сразу ограничивает представление о Республике Молдова, отделяя от нее и так реально в настоящее время отторженное Приднестровье, т.к. последнее никогда Бессарабией не было, и привлекая земли, уже находящиеся в Украине, которые, соответственно, Молдовой тоже не являются.

Кроме этого – эскалация внимания на этническом факторе в стране не способствует формированию общего политонима. Необходимо также учитывать региональный фактор. Понятно, что гагаузская политическая идентичность в Гагаузии логично должна быть первичной, но следующей, не менее значимой идентичностью, должна была бы быть общегражданская государственная позиция – однако только в идеале можно себе представить гагаузский народ, ставящий политоним *молдаванин* наравне с региональным политонимом – *гагауз*. Проведенное этносоциологическое иссле-

дование, проанализированные основные подходы к проблеме позволяют с уверенностью утверждать о том, что в Республике Молдова сложилась множественные политонимические идентичности (приднестровская, гагаузская, румынская и молдавская), причем не отструктурированные ни политическими элитами, ни временем. Превалирующим, особенно в правобережных районах страны, является первичность ценностей этнического фактора в полиэтническом сообществе над политонимическим.

И, наконец, считаю целесообразным обратить внимание на факт того, что, обладая государственностью, молдаване не являются вплоть до настоящего времени доминирующей нацией в плане идеологии. Это объясняется и так называемым синдромом «малой нации», не излечившись от которого можно потерять и собственную государственность.

«Малые нации. Это понятие не количественное; оно обозначает положение, судьбу; малым нациям неведомо счастливое ощущение того, что они находятся здесь извечно и навсегда; все они в тот или иной момент собственной истории прошли через приемную смерти; большие нации надменно их не замечают, они осознают, что что-то постоянно угрожает их существованию…

О, малые нации! В их горячей близости там каждый завидует каждому, там все следят за всеми».

М. Кундера. Нарушенные завещания.

Библиография

1. Боршевич В. Бремя нашей мифологии: «Каин, где твой брат Авель?» – Дух румынизма и дух молдавинизма – проблема синхронности. // «Независимая Молдова», 2007, 28 февраля.
2. Бурла М.П. Социально-экономическое развитие Приднестровья: история, факторы, современное состояние проблемы и перспективы. // Экономика Приднестровья. - Тирасполь, «Экономика Приднестровья», №8, 2005.
3. Галущенко О. О так называемом «бессарабском» этническом сознании // Мысль, № 1 (5) март 1999. С. 52-54.
4. Губогло М.Н. Тяжкое бремя конкурирующих идентичностей. Опыт Приднестровья. // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. №4, 2000.
5. Губогло М.Н. Русский язык в этнополитической истории гагаузов. Вторая половина XX в. - Москва, 2004.
6. Губогло М.Н. Идентификация идентичности. - Москва, 2009.
7. Закон Республики Молдова о функционировании языков на территории Молдавской ССР. // Вести, 1989, №9.

8. Закон №571 о Государственном гимне Республики Молдова, 22 июля 1995. // Monitorul Oficial, nr.45 din 17 august 1995.
9. Закон о внесении дополнений в Закон №160 «О Государственном гимне Республики Молдова» 15 октября 1998. // Monitorul Oficial, nr. 105 din 26 noiembrie 1998.
10. Закон №543 от 12 октября 2001. // Monitorul Oficial, nr.141-143 din 22 noiembrie 2001.
11. Зеленчук В.С. Проблемы внутренней структуры этноса (румыны – молдаване). // Музеи, традиции, этничность XX–XXI вв. - Санкт-Петербург-Кишинев, 2002.
12. Земба Т. Этнолингвистические проблемы Молдовы в англоязычной историографии. // Русин 3 (9), 2007. с.57-78
13. История Бессарабии. От истоков до 1998 г. Изд. 2-е, переработанное. Коорд. И.Скурту. – Кишинэу, 2001.
14. История Молдовы. - Кишинев, «Tipografia centrală», 2002
15. История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. Под ред. В.И.Царанова. - Кишинев, 2002.
16. История румын: древний период. Экспериментальный учебник для V класса. - Кишинев. «Cardidact». 1999
17. История Приднестровской Молдавской Республики. В 3 томах. – Тирасполь, 2001
18. Кожокару Н. Проблема адаптации нерумыноязычного населения Республики Молдова к автохтонной этнической среде. - Кишинэу, 2004.
19. Кундера М. Нарушенные завещания. - Москва, 2004.
20. Лазарев А.М. Я – молдаванин. - Тирасполь, 1995.
21. Матеевич А.М. Избранное. - Кишинев, «Лит. артистикэ», 1988.
22. Новая история румын. Ч.II. 1848–1918. - Кишинев, 1999.
23. Солонарь В. Я бессарабец! // «Молодежь Молдавии», 1990, 1 февраля .
24. Стати В. Молдаване. - Кишинев, 2009.
25. Степанов В.П. Украинцы Республики Молдова. Очерки трансформационного периода (1989 – 2005). - Кишинев, 2007.
26. Степанюк В. Государственность молдавского народа. - Кишинев, 2006.
27. Тишков В.А. Устойчивость и подвижность этнокультурных границ. – Москва, 2008.
28. Феномен Приднестровья. - Тирасполь, «РИО ПГУ», 2003
29. Шорников П.М. Три проекта Конституции Республики Молдова. // Вехи молдавской государственности. - Кишинев, «Ассоциация ученых Молдовы им. Н. Спэтарул Милеску», 2000.
30. Шорников П. Молдавская самобытность. - Тирасполь, 2007.
31. Шорников П. Поля падения. - Кишинев, 2009.
32. Boia L. România ţara de frontieră a Evropei. - Bucureşti, 2002.

33. Dabija N. Moldova de peste Nistru – vechi pâmînt strămoşesc. - Chişinău. Hyperion, 1991.
34. Caşu I. „Politica națională” în Moldova Sovietică (1944–1989). - Chişinău, 2000.
35. King Ch. Moldovenii, Romania. Rusia şi politica culturală. - Chişinău. 2002.
36. Enciu N. Basarabia în anii 1918–1940. Evoluție demografică şi economică. - Chişinău, «Civitas», 1998.
37. Fruntaşu Iu. O Istorie Etnopolitica a Basarabiei: 1812–2002. – Bucuresti / Chisinau, Cartier, 2002.
38. Petrencu A. Istoriografia sovietică despre politica națională a statului român. // Revista de istorie a Moldovei, 1993, nr.3 (15).
39. Postica E. Rezistența antisovietică în Basarabia. - Chişinău. 1997.
40. Poştarencu D. O istorie a Basarabiei în date şi documente 1812-1940. – Chisinau, 1992
41. Recensămîntul populației = Перепись населения = Population census, 2004: Culeg. Statistica: în 4 vol. / Biroul Naț. De Statistică al Rep. Moldova. Chisinau, Statistica, 2006.
42. Stati V. Istoria Moldovei în date. - Chişinău. Tipografia Academiei de Ştiințe, 1998
43. Stepaniuc V. Statalitatea poporului мoldovenesc: aspecte istorice, politico-juridice. Chişinău. «Tipografia centrală», 2005
44. http://ru.wikipedia.org
45. http://www.regnum.ru/news/920630.html
46. http://ava.md/02-pridnestrove/09-pridnestrove-2007-delo-istorikov.html

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Мнение студентов, представителей нацменьшинств о молдавской идентичности. (по 50 чел.)

Вузы	всего опро шено	из них украинцев/ гагаузов/ болгар	Что значит по-вашему быть молдаванином?		
			принадлежать к национальности	быть гражданином РМ	другой ответ
Бельцкий гос. ун-т	62	52	28	18	6
		укр.	53,85%	34,62%	11,54%
Комрат ский гос. ун-т	68	50	24	21	5
		гаг.	48,00%	42,00%	10,00%
Тараклийс кий пед. Колледж	94	51	25	26	
		бол.	49,02%	50,98%	
Итого	**224**	**153**	**77**	**65**	**11**
			50,33%	**42,48%**	**7,19%**

Таблица 2. Мнение украинцев, проживающих в северных, центральных и южных районах Пруто-Днестровского междуречья Республики Молдова.

название нас. пункта	всего	украин цев	Беспокоит ли Вас проблема межнациональных отношений в Республике Молдова?			
			очень беспоко ит	беспоко ит	не беспо коит	я об этом не думаю
Бессарабка	136	22	9	12	1	
			40,91%	54,55%	4,55%	
Бэлцата, Сагайдак	125	125	59	59		7
			47,20%	47,20%		5,60%
Данул	93	92	22	54	7	9
			23,91%	58,70%	7,61%	9,78%
Мусаит	128	128	15	15	4	94
			11,72%	11,72%	3,13%	73,44%
Унгры	87	87	38	44		5
			43,68%	50,57%		5,75%
Ферапонтьевка	114	114	33	70	7	4
			28,95%	61,40%	6,14%	3,51%
Нихорень	82	53	15	31	3	4
			28,30%	58,49%	5,66%	7,55%
Итого	**765**	**621**	**191**	**285**	**22**	**123**
			30,76%	**45,89%**	**3,54%**	**19,81%**

Таблица 3. Итоги пилотного опроса украинского населения Левобережных районов Республики Молдова.

	всего опро шено	из них украин цев	Беспокоит ли Вас проблема межнациональных отношений в Республике Молдова?			
			очень беспокоит	беспо коит	не беспокоит	я об этом не думаю
Левобережные районы РМ	118	107	51	37	12	7
			47,66%	34,58%	11,21%	6,54%

Таблица 4. Итоги пилотного опроса украинского населения Левобережных районов Республики Молдова.

	всего опро шено	из них украин цев	Беспокоит ли Вас проблема межнациональных отношений в Приднестровье?			
			очень беспокоит	беспо коит	не беспокоит	я об этом не думаю
Левобережные районы РМ	118	107	63	23	19	2
			58,88%	21,50%	17,76%	1,87%

Таблица 5. Мнение украинцев, проживающих в северных, центральных и южных районах Пруто-Днестровского междуречья Республики Молдова

название нас. пункта	всего опро шено	из них украин цев	Возможен ли конфликт на этнической почве в Республике Молдова?			
			да	нет	затрудняюсь ответить	нет ответа
Бессарабка	136	22	16	1	5	
			72,73%	4,55%	22,73%	
Бэлцата, Сагайдак	125	125	74	7	44	
			59,20%	5,60%	35,20%	
Данул	93	92	51	2	37	2
			55,43%	2,17%	40,22%	2,17%
Мусаит	128	128	26	49	42	11
			20,31%	38,28%	32,81%	8,59%
Унгры	87	87	35	23	26	3
			40,23%	26,44%	29,89%	3,45%
Ферапонтьевка	114	114	59	11	44	
			51,75%	9,65%	38,60%	
Нихорень	82	53	31	3	19	
			58,49%	5,66%	35,85%	
Итого	**765**	**621**	**292**	**96**	**217**	**16**
			47,02%	**15,46%**	**34,94%**	**2,58%**

Таблица 6. Итоги пилотного опроса украинского населения Левобережных районов Республики Молдова.

	всего опро шено	из них украи нцев	Возможен ли конфликт на этнической почве в Приднестровье?			
			да	нет	затрудняюсь ответить	нет ответа
Левобережные районы РМ	118	107	28	49	30	
			26,17%	45,79%	28,04%	

Таблица 7. Итоги выборки представляют репрезентативное мнение украинцев, проживающих в северных, центральных и южных районах Пруто-Днестровского междуречья Республики Молдова.

название нас. пункта	всего опро шено	из них украи нцев	Что значит по-Вашему быть молдаванином?				
			принад лежать к нац-ти	быть гражда нином РМ	др. ответ*	затруд няюсь отве тить	нет ответа
Бессарабка	136	22	1	18	3		
			4,55%	81,82%	13,64%		
Бэлцата, Сагайдак	125	125	66	52	7		
			52,80%	41,60%	5,60%		
Данул	93	92	49	37	2	2	2
			53,26%	40,22%	2,17%	2,17%	2,17%
Мусаит	128	128	30	4			94
			23,44%	3,13%			73,44%
Унгры	87	87	29	49	6	3	
			33,33%	56,32%	6,90%	3,45%	
Ферапонтьевка	114	114	55	37	11	7	4
			48,25%	32,46%	9,65%	6,14%	3,51%
Нихорень	82	53	30	20	1	1	1
			56,60%	37,74%	1,89%	1,89%	1,89%
Итого	**765**	**621**	**260**	**217**	**30**	**13**	**101**
			41,87%	**34,94%**	**4,83%**	**2,09%**	**16,26%**

Таблица 8.

	Беспокоит ли Вас проблема межнациональных отношений в Республике Молдова?				
	а) очень беспокоит	б) беспокоит	в) не беспокоит	г) я об этом не думаю	д) затрудняюсь ответить (нет ответа)
N = 600, 2008-2009	223	247	36	25	69

	37,17%		6,00%	4,17%	11,50%
N = 621, 2001-2005	191	285	22	123	0
	30,76%	45,89%	3,54%	19,81%	0,00%

Таблица 9.

	Возможен ли конфликт на этнической почве в Республике Молдова?			
	а) да	б) нет	в) я об этом не думаю	г) затрудняюсь ответить (нет ответа)
N = 600, 2008-2009	297	122	6	175
	49,50%	20,33%	1,00%	29,17%
N = 621, 2001-2005	292	96	0	233
	47,02%	15,46%	0,00%	37,52%

Представлена в редакцию
12 января 2010 года

HOW MONUMENTS MAKE MEMORY? SOME THEORETICAL APPROACHES

Stela SUHAN
France, Paris, Institutul PO
PhD student

Introduction

The general aim of this article is to outline some theoretical elements of the relation of public monuments to collective memory. To speak about monuments is to call attention to their historicity, to their compositional elements and their symbolism. However, we are less interested in monuments as things, as objects of arts, in their aesthetical function, than in exploring how monuments preserve, produce, and transform memory. How they work to shape collective memory in the present? How are memory and monuments related? What governs this relation? How the monuments activate reflection on the events and affect society?

The relation of public monuments to memory is direct. According to the editors of book "Monuments and Memory. Made and Unmade" the "memory and monument are to each other as process and product, although not necessarily as cause and effect, for circularity often obtains" [13, 4]. Etymologically related the two terms, monument and memory, are descend from notions of remembering. For example, the English *monument* is from the Latin *monumentum* (gr. *mnêma*, *mnêmeion*), which designates any memorial, remembrance, a monument of the dead and has cognates in French, Italian, and the other Romance languages. The Russian *pamiatnik* means monument, memorial, and *pamiati,* memory [13, 4].

In this article we don't make a distinction between monuments and memorials, although the monuments are often associated with plastic art and statues, but memorials are commemorative places often connected with historic sites. We envisage the *"intentional monuments"*, whose significance is determined by its makers, even though not corresponding with various receptions and perceptions of these monuments. They should be distinguished from *"unintentional monuments"* - products of later events [15].

A new academic legitimacy to monuments

The historians R.Kosseleck [8; 9] and S.Michalski [11] have drawn a detailed picture of historic development of monuments. Kosseleck examines the monuments as means to legitimize the cohesion of states and societies on the basis of historical interpretation. The author delimits the dynastic memorials of the French ancient regime which legitimize the inheritance of political power; the republican memorials which embody the meritocratic ideals and mark the outset

of the democratization of memorials since they are erected not in private but in public places and since individuals' names are inscribed on the monuments of the dead in the name of a 'sovereign' people. Koselleck defines further the nationalist period of commemorations in which the soldiers who fought in the name of national collectives were honored as heroes in victory or defeat then, after the First World War, also as objects of national mourning [8; 4, 18].

S.Michalski's history of public monuments takes into consideration their pedagogical efficacy in specific historical contexts, including the French Third Republic, the cult of Bismarck in Wilhelmine Germany, First World War memorials in Europe, monuments erected during the Nazi and communist dictatorships, the renunciation of heroic forms and non-figural memorials after the Second World War, third-world memorials and, finally, developments following the fall of communist regimes in Europe after 1990 [11].

Contributions as diverse as J.E.Young's or P.Carrier's studies of Holocaust memorials [20; 4], or K.E.Till's work on practices and politics of place making in Berlin [18] have given a new academic legitimacy to monuments. The scholars propose an understanding of contemporary monuments defined not primarily in terms of form or style, but in terms of their political and social function and impact. Taking into consideration that planning and building of monuments are determined by a number of agents and social forces in open conflict (politicians, artists, local and national administrators, local and national traditions, and competition procedures), P.Carrier defines a monument "as a social process, and as a meeting of symbols and words" [4, 22]. These studies focus on public debates about monuments and examine how political strategists delegate to monuments and commemorations the moral responsibility to guarantee remembrance and use them in order to legitimize their power. For instance, the memorial Vel' d'Hiv' in Paris and the Holocaust Monument in Berlin were conceived and perceived as symbolic reparation for crimes of the nation, essential to achieve the 'national reconciliation' in France and the 'national consensus' in Germany. The media debates over the projects and the construction of these monuments have initiated and influenced the "*memory work*" in French and German societies where disturbing memories of collaboration, deportation and genocide have confronted and expressed themselves. The Vel' d'Hiv' and Holocaust Monument represent an attempt to integrate the memory of innocent victims of the nation's own crimes and to assert the national equilibrium. They are combined with auxiliary forms of commemorative ritual, including speeches, debates, exhibitions and conferences. Thus they maintain the memorial debates and a continual dialogue with visitors [4, 22].

The monuments as places of memory

The relation between memory and monuments can be understood using Nora's concept of a "*place or site of memory*" ("*lieux de mémoire*"). P.Nora, French historian and the editor of a famous study on the history of symbols of French national memory [13; 14; 15], defines the notion of "*lieux de memoire*" as sites "where memory is crystallized and finds refuge" [13, 23]. These *lieux* refer to the various symbolic sites or cultural expressions of collective memory such as geographical regions, monuments, commemorative ceremonies, well-known personalities, political movements, professional institutions or social habits. They are to be distinguished from what he calls "*environments of memory*" (milieux de memoire), settings in which memory is a real part of everyday experience, such as a family, church congregation, or village [21].

This notion is wide and quite ambiguous, is difficult to understand its precise meaning. Used by the politicians and journalists this term has almost become a commonplace in the French language. Furthermore, as P.Carrier notes, none of the contributions to the collections *Les Lieux de memoire* draws specific attention to the formal and discursive aspects of either ritual means of commemoration (via speeches or monuments, for example) or the public debate about these means [4, 189]. On the other hand this collection explores the sites that have lost their former political or social attribute and are regarded as national patrimony. Hence, as K.E.Till, we think the Nora's 'sites' are "self-reflexive" and static [18, 291]. To question how monuments produce memory or memories means to study them in relation to their implicit political and social functions. We can't isolate and separate them from their contexts, and their accompanying public debates and commemorative rituals.

P.Carrier proposes an alternative understanding of sites of memory to that of Nora. He suggests that sites of memory owe their existence precisely to the collectives memories associated with them. It is important to take into consideration the complexity of monuments and multiplicity of actors involved in the public memorial debates because "the monuments are focal points of a complex dialogue between past and present, between historical events, producers of monuments, and successive generations of spectators who inquire into the significance of the past on the basis of historical artifacts. At the same time, monuments are also focal points of dialogue between individuals, and between artistic, academic, religious and political institutions and their representatives in the present" [4, 7].

Place making practices in post-socialist space

The monuments are susceptible to the social and political changes. They are used as means in the struggles of memories and in the construction of new national identities. Since the fall of European Communist regimes in countries of

the former Soviet Union and the eastern bloc the political monuments were removed, the new ones were created and the forgotten memorials were restored.

For instance, in Hungary after 1989 the efforts to create new memorials and to restore historical and religious shrines neglected during the communist period were made especially to honour the martyrs of the Hungarian Uprising of 1956. They are most often placed close to memorials erected for the 1848-1849 War of Independence and to memorials dedicated to World War I [5]. At the same time, the communist monuments from Budapest were removed and relocated to Statue Park or Memento Park, a suburban area that had become a public outdoor museum. The statues were separated physically and symbolically from their original sites and political attributes. They were converted in order to modify their political content and to turn them into ironic and pedagogical meaning. Thus, the Communist period in Hungarian history has not been negated, neglected and rejected, but – via these works, examples of political art, and via various cultural manifestations organized in the Park[13] – has been discussed and reinterpreted in relation to the new political conditions, to the present needs and the demands.

The Moscow's case is another interesting and eloquent example of the use and transformation of Soviet-era monuments. It shows how the political elites in competition for control over the sites appropriate these symbols of Soviet Union and transform them into symbols of national identity of Post-Soviet Russia. There are "*co-opted/glorified sites*" like The Victory Park at Poklonnaia Gora which commemorates the Great Patriotic War as a victory of and for the Russian people. The second category of sites includes "*the contested monuments*" that remain a source of conflicting memories, contrasting ideas of national identity and political discomfort as Lenin Mausoleum illustrates. The former Exhibition of the Achievements of the National Economy (VDNKh) that has become a commercial center and open-air flea market represents the category of "*disavowed sites*", the sites either were simply ignored, removed, closed or became subject of redefinition or reconstruction. The Park of Art, the other group of monuments, contains the statues of former Soviet leaders moved from public spaces of Moscow at the beginnings of the 1990s. Since 1999 the park has incurporated a rose garden, abstract religious art works and numerous busts of Russian writers, political and military leaders. It has become a tourist attraction and a historical and artistic display. In this context the Soviet-era statues have lost their political significance and have preserved their artistic value [6; 3; 17].

---

[13] Memento Park also includes a photography exhibition on the 1956 Uprising and on the 1989-1990 political changes. It has a barrack-theatre where is shown a documentary on the methods used by the secret police, titled The Life of an Agent. There are organised Retro Festivals, Film Festivals and others cultural and educational manifestations. See Memento Park website: [22]. Similar Park is founded in 2001 in Lithuania. It is named Grutas Park, informal known as Stalin's World. See [23]

On the process of place making and ceremonials practices in postsocialist space is important to cite the K.Verdery's work on political life of dead bodies [19] and the R.Brubaker's book on nationalist politics in Cluj town [2].

K.Verdery investigates the numerous cases of political burials and reburials that occurred in post-socialist space and questions how and why the bones and corpses of these people have become political symbols and how these justify the efforts to define or redefine national identities. The author considers the dead bodies [19, 50] as "one of many vehicles through which people in post-socialist societies reconfigure their worlds of meaning" [19, 50]. According to Verdery the posthoumous celebration and repatriations of dead bodies "refurbish nation-nal identities by "nationalizing" symbolic capital that had entered global circu-its, thus affirming the individuality of East European nation-states to long seen from without as barely distinguishable clones of international Soviet-style com-munism" [19, 49].

The R.Brubaker's book examines the everyday workings of ethnicity and nationhood in a context marked by elite-level ethno-political conflict, as it is the Cluj town. It is useful for us the Brubaker's analyze on "the efforts to nationali-ze the townscape" and on statues as "focal points of public controversy" [2]. The author observes and thinks over the familiarity of public monuments that determines their 'invisibility' and 'banality'. He points out that statues may ha-ve official meaning but they don't work necessarily in the way they are suppo-sed to. We found this ambiguity of statues a potential for different political uses and ventures. As K.Verdery notes "what gives a dead body symbolic effective-ness in politics is precisely its ambiguity, its capacity to evoke a variety of un-derstanding" [19, 29]. Furthermore, by their corporeality and concreteness the monuments have the capacity to make present a historic personage, to recall an event and to localize a claim, a tradition, a memory. In this way M.Halbwachs, French sociologist known for developing the concept of collective memory, has explored in "La Topographie légendaire des évangiles en terre sainte" how the invention, conservation and consecration of sacred places in Holy Land shape and sustain the Christian memory and traditions [7].

Monuments as "quasi objects / quasi subjects"

Particularly important for us is the relation of the monuments to movement. We consider public monuments not only a vestige, a visual interpretation of the past, but you can conceive them as "quasi objects / quasi subjects". This term is proposed by B.Latour in his book "We have never been modern". Latour defi-nes the "quasi objects / quasi subjects" as examples of a premodern cultural hy-brid that modernity attempted to purify and neuter [10, 14]. He argues that mo-dern societies constitute themselves as modern through enacting a series of dic-hotomies: the separation of humans from nonhumans; the separation of science

from politics, and the retreat of God from the world. Despite these modern mythologies people and things remain closely connected. Thus “the quasi objects / quasi subjects” called by Latour “monsters”, “socialized facts”, “humans turned into elements of the natural world” [10, 57] continue to proliferate in the world and his statement is “we have never been modern”.

According to Latour and other adherents to a nonmodern ontology known also like Net-work theory there is no separating people from things, subjects from objects, technologies from words, we continuously mix things together into hybrid networks through countless and unconscious acts of ‘translation’. His idea is that we make the collective through mediation of things. How does it work? Latour finds that hybrids trace and enact social networks in which humans and nonhumans are involved. He says, “Of quasi-objects, quasi-subjects, we shall simply say that they trace networks. They are real, quite real, and we humans have not made them. But they are collective because they attach us to one another, because they circulate in our hands and define our social bond by their very circulation. They are discursive, however; they are narrated, historical, passionate, and peopled with actants of autonomous forms. They are unstable and hazardous, existential, and never forget Being” [10, 89].

Following this idea the authors of book “Monuments and Memory. Made and unmade” consider the monuments as social agents and track them across different periods and cultures through the three broad process relevant to their creation and maintenance - Travel, Time, and Destruction / Reconstruction. They suggest “to be vital, the monument must exist within an actual, present-oriented network of relationships. Unlike a lifeless art object suspended on the white walls of a museum, the monument does not privilege the past at the expense of the present. Rather it engages both to make claims for and against the future” [12, 6].

Seen from this perspective, we can think that collective memory could be made through mediation of monuments or other material objects involved in the process of remembering and commemorating.

Conclusion

We came to the conclusion that in order to understand how monuments and memory are related and how monuments shape and sustain memory we should analyze them in the present network of relationships, as ‘participants’ in commemorative ceremonies, in public and political debates, as places or points of sociability and solidarity.

The production and reception, the removal or demolition of monuments are reflected in public debates. There are some key subjects: historical event or figure which monuments denote; the period in which the monuments were conceived and constructed; their political relevance and the collective memory linked

to them. Therefore in attempt to reveal the relations that operate around and through the monuments it is important to take into consideration their rhetorical *form*, the *intention* of their production or reconstruction, removal or demolition, their political and social *context,* and the *actors* involved in their 'life'.

References

1. Agnew J., Mitchel K., Toal G. A compagnion to Political Geography. – Blackwell Publishing, 2003.
2. Brubaker R. Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town. - Princeton and Oxford, Princeton University Press, 2006.
3. Bruce G. New Moscow Monuments, or, States of Innocence. // American Ethnologist, Vol.28, #2, May 2001, pp.332-362.
4. Carrier P. Holocaust Monuments and National Memory Cultures in France and Germany since 1989. The Origins and Political Function of the Vel' d'Hiv' in Paris and the Holocaust Monument in Berlin. - New York and Oxford, Berghahn Books, 2005
5. Foote K.E., Toth A., Arvay A. Hungary after 1989: Inscribing a new past on place. // The Geographical Review, vol.90, #3, July 2000, pp.301-334.
6. Forest B., Johnson J. Unraveling the Threads of History: Soviet-Era Monuments and Post-Soviet National Identity in Moscow. // Annals of the Association of American Geographers, Vol.92, # 3, September, 2002, pp.524-547.
7. Halbwachs M. La topographie légendaire des évangiles en Terre saine. Etude de mémoire collective (1941). - Paris, PUF, 2008 (third edition prepared by Marie Jaisson).
8. Koselleck R. Der politische Totenkult. Kriegerdenkmäler in der Moderne. - Munich, Fink, 1994.
9. Koselleck R. Les monuments aux morts comme fondateurs de l'identité des survivants. // Revue de métaphysique et de morale, #1, 1998, p.33-61.
10. Latour B. We Have Never Been Modern. - Cambridge, Harvard University Press, 1993.
11. Michalski S. Public Monuments. Art in Political Bondage 1870-1997. – London, Reaktion Books, 1998.
12. Nelson R.S., Olin M. (eds.) Monuments and Memory, Made and Unmade. - Chicago and London, The University of Chicago Press, 2003.
13. Nora P. (dir.) Les Lieux de mémoire, 3 tomes. - T.1. La République. – Gallimard, Paris, 1984.
14. Nora P. (dir.) Les Lieux de mémoire, 3 tomes. - T.2. La Nation. – Gallimard, Paris, 1987.
15. Nora P. (dir.) Les Lieux de mémoire, 3 tomes. - T.3. Les France. – Gallimard, Paris, 1992.

———

16. Riegl A. The Modern Cult of Monuments: Its Character and Its Origin [1903], translated by Forster K.W., Ghirardo D. // Oppositions *25,* Fall 1982, pp.21-51.
17. Sidorov D. National Monumentalization and the Politics of Scale: The Resurrections of the Cathedral of Christ the Savior in Moscow. // Annals of the Association of American Geographers, Vol.90, #3, September 2000, pp.548-572.
18. Till K.E. The New Berlin. Memory, Politics, Place. - Minneapolis, London, University of Minnesota Press, 2005.
19. Verdery K. The political lives of dead bodies. Reburial and Postsocialist Change. - New York, Columbia University Press, 1999.
20. Young J.E. The Texture of Memory: Holocaust Memorials and Meaning. - New Haven, Yale University Press, 1993.
21. Wood N. Memory's Remains: Les lieux de memoire. // History and Memory, #6, 1994: pp.123-151.
22. http://www.mementopark.hu/
23. http://www.grutoparkas.lt/ekspozicija-en.htm

Prezentat la redactie
la 20 decembrie 2009

Recenzent – **Valeriu MOSNEAGA**, doctor habilitat in stiinte politice, profesor

THE GEORGIANS' PERCEPTION OF MENTAL CONCEPTS IN THE CONTEXT OF THE VALUE OF FAMILY

Lali SURMANIDZE
Georgia, Tbilisi, Tbilisi State University, Faculty of Social and Political Studies, Department of Sociology
Doctor of Sciences (psychology), professor

Lia TSULADZE
Georgia, Tbilisi, Tbilisi State University, Faculty of Social and Political Studies, Department of Sociology
PhD (psychology), associate professor

Importance.

The history of Georgia counts more than 3000 years, accordingly, the Georgian mentality implies a number of layers, which influence the modern Georgians' life style and the way of thinking. It is believed that historical continuity is best of all reflected in the nations' mentality, while the language is traditionally considered to be the best reservoir of collective representations with the nation's traditions, values, worldview, and cultural experience. This fact has stimulated our interest to the linguistic material, which is applied by the Georgians in their everyday life and is a structural component of their everyday knowledge.

Aim.

Thus, the aim of the research is to study the modern Georgians' cultural perception of different mental concepts. As all the presented concepts have revealed associations with the construct of "family," they have been analyzed in the context of value of family.

Methodology.

Our special emphasis is placed on the cultural context as it is considered to be the one that determines inner psychic structures, as well as cultural knowledge and interpretative processes. Accordingly, in the social scientists' opinion, mental processes should be studied in the context of the values, beliefs, historical experience, and specific concepts of a particular culture; therefore, the empirical data should be interpreted using indigenous interpretative models [6]. In order to achieve the best scientific results, the necessity of applying a complex etic – emic – etic approach is emphasized, which measures etic categories with emic means of measurement [15].

Based on these methodological principles, the presented research was conducted using emic strategy within the framework of the experimental psychose-

mantic paradigm. Psychosemantics studies categorical structures of the consciousness of individuals and social groups, the system of meanings through which a subject perceives the world, others, and oneself. This system of meanings is studied in the context of everyday perception and practice. The main method of psychosemantics is building semantic spaces or the unities of semantic characteristics of the meanings kept in a human memory[14].

Based on certain principles, 145 concepts were selected for the research.[15] The respondents classified these concepts according to their meanings acting as experts. Therefore, only those for whom Georgian is the first language participated in the research. The received data were submitted to the cluster analysis. As a result the semantic space was built reflecting the categorical structure of meanings and presented in the form of a number of clusters.

50 Georgian respondents participated in the research – 23 males and 27 females, aged 17-23. All of them were the students of Humanities, Social and Political Studies, and Exact and Natural Sciences. The target group of this age was selected consciously taking into consideration the fact that it represents a stage when a person gains much more independence to choose from the repertoire provided by his / her cultural context, and at the same time, one is most sensitive to the ongoing socio-cultural changes.

Results.

Based on the research, 15 main clusters having their own structure were identified. In this paper we are dealing with the results of the analysis of three clusters within the whole research data as the semantic space limited by the experimental material always represents a fragment of mentality and not the whole mentality itself.

The clusters we are going to discuss consist of several sub-clusters and the presented concepts are considered to be their basis. Although each of the clusters has its specific content, they are characterized with essential mental relationships. These relationships can be considered in the context of value of family.

---

[14] *In order to identify these semantic characteristics, the initial procedures for ascertaining semantic similarities / dissimilarities (scaling, grouping, revealing associations, etc.) are applied and the received results are submitted to statistical analysis [2].*

[15] *The concepts for the research were selected based on the following principle: 1. Universal concepts playing classificatory role in structuring the world and represented as the binary systems such as day/night, right/left, up/down, etc.; 2. Social meanings represented as the triad systems of classification. This category was chosen from the semantic group identified on the basis of V.Turner's classification of colors, in which each group is characterized with appropriate color – white, black or red. Thus, the concepts having social meaning were selected from these groups; and 3. Concepts having rigid value connotation everywhere and in all epochs: family, kinship, homeland, decision-making, freedom, etc. [3].*

Such a vision is based on the fact that one of the largest clusters to be discussed consists of the universal and cultural-specific constructs describing family roles, namely, family, mother – father – childhood – the relationships among siblings (the item emphasizes the fact of having the same mother and father); mother - childhood – the relationship between mother and child; father - childhood - the relationship between father and child; parent and child.

It can be stated that the whole semantic structure of this cluster reveals the essential aspects of family relationships – heritage, obedience, and warmth, accordingly, the vectors of dependency / dominance and caring / responsibility. It also reflects the intimacy between the parent-child roles considered to be a characteristic feature of collectivist cultures [1; 7; 15].

It is evident that the construct of "family" makes the semantic core of this cluster. Therefore, the question of the mental value of family for the Georgians should be emphasized. It is believed that typologically, the Georgian culture belongs to the type of collectivist culture with a strong orientation to small social groups, as well as interdependency, close emotional relationships, empathy to others' feelings, shame as a crucial category in interpersonal relations, etc. [9; 12; 13; 14; 16]. A strong orientation to small social groups is caused by the fact that along the centuries, self-preservation and self-defense were the main strategies in the formation of ethnic identity. In this process, family with its unity and closeness played a crucial role in self-preservation and developed as a "micro model" of the state. It can be stated that in the Georgian culture the value of family, with its characteristic orientation to unity and harmony, is spread to other in-groups (relatives, friends, neighbors, colleagues, etc.). Our research data confirm that the construct of "family" possesses a classificatory function in the contemporary Georgians' mentality.

The cultural representations of the upbringing model are adjacent to such a perception. They imply respect to family and parents, high value of family relationships, etc. Family relationships represent a social system having a vital impact on a personal self, while the family harmony is a necessary condition of a person's moral wellbeing. Therefore, it is logical that the conformist orientations characteristic to collectivist cultures are already implicitly present in this very first sub-cluster, while they are explicitly revealed in the next sub-cluster, the semantic core of which is represented by such concepts as "obedience," "heritage" and "descendance." This sub-cluster is an element of the large semantic field united around the basic construct of "parenthood - childhood" and it obviously reflects the mental model of family / kinship continuity oriented to the preservation of in-group unity and harmony.[16]

—

[16] *The Georgian upbringing model aims to cultivate these orientations. The widespread Georgian idiom "a good child won't bring shame to his/her family" is a clear evidence for it. In this*

One of the consisting elements of the given cluster, represented as an independent sub-cluster, is the concept of "warmth." Although its close link to the concepts of "the sun" and "fire" in the Georgian culture has been confirmed many times, our aim is not to discuss it here.[17] We will discuss the aspects of "warmth" related to family, namely, its association with hearth. The concept of "hearth", retaining its oldest semantic connotation, is a synonym of family and home in the Georgian culture. Hearth is a place where traditionally the religious rituals related to the cults of fertility and death were performed. The Georgian language still retains such idioms as "taking around the hearth" meaning getting married (a woman), "keeping fire at the hearth" meaning preserving family traditions, at the same time, being devoted to one's work, etc. Along with the concept of "warmth," the concept of "friendship" is also an element of this cluster and it is not surprising as it represents both the universal connotation and the cultural-specific in-group value of "warmth." Thus, it can be stated that warmth is perceived as a component of self-preservation and the sense of being protected, while friendship – as a component of in-group unity and harmony.

In this context we should stress the psychological phenomenon of interdependency that implicitly unites the described cluster. It turns out that despite the ongoing socio-cultural transformations, interdependency still remains the basic element of in-group relationships (family, kinship, friendly, etc.) for the Georgians.[18] Moreover, based on its upbringing model, the Georgian family can be considered as representing the emotionally interdependent type of family [17].

Some abstract concepts expressing physical experience such as reproduction, giving birth, and mother's milk gain positive social connotation in the context of a given cluster. One of the main reasons for this positive implication is their close link to the concept of "mother" in the Georgian mentality. The deepest roots of this construct are reflected in the Georgian speech, namely, such composites as the earth – mother + land, mother tongue – mother + language, major column of the house – mother + column[19], etc. that are an inseparable part of the modern Georgians' everyday speech.

---

context we recall the Dakota upbringing model described by E.Erickson, in which generosity and mutual presentation of gifts is a common practice, and selfishness and mercantilism are extremely negatively perceived [4,146]. All of this reminds us of the normative-value orientations of the Georgian culture.

[17] *According to our research results, the concept of "fire" has joined the cluster describing the involvement in a collective.*

[18] *The methodological value of this phenomenon is discussed by D.Ho [6]. According to the contemporary cross-cultural researcher C.Kagitcibasi, numerous researches have confirmed the dominant role of emotionally interdependent family in the modern non-western industrial-urban societies [7].*

[19] *According to the Georgian ethnographers, hearth and mother-column make one complex and traditionally have a function of the center at the ceremony of incorporation in family [11].*

It is evident that in Georgia mother's mental cult is very strong. The composites presented above are the remains of the pre-Christian worldview. Concerning the Christian epoch, it had an impact on the formation of not only the universal gender stereotype of "ever feminine," but also its cultural-specific connotations. In the Georgian culture the cultivation of woman as mother's social value is caused by both the Georgian Christianity that perceived a woman as the major agent for disseminating religiosity in the family and the historical conditions – because of the males' frequent absence in the conditions of continuous wars, mother was considered a potential substitute of men's functions and an equal member in a couple "carrying a yoke."[20] This cult was also backed up by mother as child-rearer's social role, which strengthened "mother's line" in the process of raising the future generation. Simultaneously, the historical conditions made her take almost total responsibility for raising a child, consequently, incorporating the elements of "father's line" as well. Thus, despite the normative stereotype (modest and obedient), a Georgian woman has always been revealing her culturally approved dominance in a family life.[21]

Thus, the Georgians perceive family and everything interpersonal connected to it as inseparable from the construct of "mother," which is given the most essential role in the psychological perception of family relationships. This fact has been interestingly reflected in the research results: The concepts of "man" and "woman" have joined this cluster that, in our opinion, emphasizes the functional aspects of family roles in their perception. At the same time, the fact that the binary pair "masculinity / femininity" has divided and "femininity" has joined the presented cluster explicates the cultural specifics of the Georgians' perception – it can be stated that in the Georgian mentality the construct of family is perceived as "feminine."[22]

Mother's cult in the Georgian culture also reflects an unquestioned normative value ascribed to legal marriage that, on its side, demonstrates a deep

---

[20] *In everyday language "wife" is often substituted by the following words: "meugle" meaning a person carrying the same yoke and "dedakatsi" composed of mother + man and meaning a woman.*

[21] *We still refer to the idioms: "A good child is an apple of mother's (and not father's) eye", "keeping one's head on mother's knees" meaning a permanent caress by mother, "mother's pet" meaning someone who is always forgiven a bad behavior, etc. Till today mother's influence on a child (even a grown-up one) is quite strong in Georgia. For instance, taking into consideration mother's taste and opinion is often one of the most significant motives while getting married. Consequently, a spouse's harmonious relationship with mother / mother-in-law often plays a decisive role in the interaction between the spouses. It is noteworthy that such a situation is generally characteristic to the collectivist countries. According to H.Triandis, the Japanese mothers phone their 40-year-old sons each morning just to check whether they are up and to once again stress their symbiosis [15].*

[22] *The second member of this pair "masculinity" has joined the semantic space of the so called "nation-state cluster."*

influence of the Christian ideology. It is well known that according to this ideology, sexual behavior is generally viewed from the religious-ethical perspective. From two major aspects of sexuality – erotism and reproduction – the latter has been traditionally considered the major one (and not only in Georgia). Concerning erotism, like in other Christian countries, in Georgia it is also perceived according to this ideology. This sphere is under special pressure, strictly regulated, and its display is perceived as an immoral act. At the same time, a well known double moral puts a woman in much more difficult position than a man (that is well evidenced by the Georgian invective language).[23] Certainly, the question concerns not the absence of erotism but the normative orientation of the culture that views erotism in the context of ideological perception. Simultaneously, a magical value is ascribed to virginity and it is perceived as a gift of God.

An independent cluster of "sexuality" revealed by our research also bears a deep influence of the Christian ideology and is also discussed in the context of family as sexuality is traditionally perceived positively in relation to family and negatively apart from it.

This cluster is presented in a binary form incorporating the concepts describing "pure" and "impure" events. On one side, there is a unit of items such as "homosexual – prostitute - lust," as well as "sex - sexual desire – power – money" and on the other side, "virginity" and "following the rules" as independent sub-clusters. This cluster ends with the concepts describing religiosity: "belief – God - religion." The presented constructs clearly represent an ideological perception of sexuality in the Georgian mentality – on the one hand, desexualized perception of "pure" feelings and, on the other hand, aggressive sex related to sin, which is traditionally linked to the negative perception of power and money in the Christian cultures. Traditional pressure on the sexual sphere, despite the increased tolerance to it, explains the incorporation of the concept of "responsibility" in this semantic field. It can be stated that for our respondents the traditional interpretative system concerning sexual relationships still remains active. Responsibility as a demand from the in-group should be taken into consideration despite a person's gender though with different contents, namely, in case of a woman the responsibility for having a sexual relationship is accentuated, while in case of a man acceptance / non-acceptance of such a relationship is em-

[23] *Thus, a Georgian woman's normative face in the mentality is quite desexualized. However, some scholars present an absolutely different perception of a Georgian woman. In K.Kapaneli's words, a Georgian woman has nothing in common with the Christian stereotype but the key to her nature should be found in the myth about the Argonauts, namely, in Medea's face. To him a Georgian woman's character resembles that of the amazons and is quite distant from Penelope considered by him as the western cultural ideal of a family woman [8].*

phasized (for instance, an extremely hostile attitude to homosexual relationships or a pressure to select a "right" marital partner).[24]

The semantic unity of "solitude – separation - non-movement" having a negative connotation can be considered as a continuation of the negative semantic unities presented above that is definitely related to "following the rules." Along with these concepts, the given semantic space unites such concepts as "maintaining standards" and "stability," which once again indicates that for our respondents the stability in male-female relationships is achieved through maintaining standards or steady patterns. In the cultures like Georgia the responsibility for following the normative requirements is a necessary condition of in-group stability. Based on such considerations, it is not surprising that the concept of "love" hasn't joined this cluster.

The content of the discussed cluster is quite varied. Here ideological-normative constructs and real life are presented in a united but well structured form that is well evidenced by the fact that such concepts as "youth," "individualism," "laughter," and "health" joined the considered semantic field. Two concepts describing cosmic categories - "destiny" and "fortune," directly associated with the Georgian idiom "having a good fortune" meaning a lucky marriage, also joined it.

In regard to the abovementioned, it is necessary to discuss another cluster, the semantic core of which is the construct of "love," which has united, on the one hand, with the concepts of "devotion" and "fertility" universally associated with love, and on the other hand, with the concepts having socially significant semantic meanings such as "wealth" and "ambition." Such a semantic ambiguity of this cluster should be explained with the specifics of traditional cultures.

The fact is that in collectivist cultures romantic love is not necessarily considered to be the basis of family [5]. Therefore, the perception of love reveals a trend of being linked to the categories having social connotation such as power, wealth, etc. Consequently, the indicators of status/prestige play a crucial role in the perception of one's love, which pushes a person to consider the construct of love not independently but in a close relation to the socially acceptable form of its realization [12]. Our research data consider the presented semantic field in this very light and clarify the fact of incorporation of all the abovementioned items in a single cluster.

It is noteworthy that despite this normative orientation, the Georgian culture is quite tolerant to romantic love that can be explained by the fact that alongside the general collectivist orientation of the Georgian culture tended to small social

---

[24] *By the way, the tradition of following the Christian rules is quite consciously given to the young people. According to our MA students - S.Chachanidze's and N.Gabinashvili's research results, 46% of the student respondents consider pre-marital sexual relationships unacceptable because of the religious norms and the majority of such responses belong to the male students.*

groups, at a personal level there coexist such apparent individualist orientations as an over-emphasized sense of personal dignity, pride, sensitivity to personal abuse, self-respect, openness to new experiences, and strong orientation toward achievement, which is usually realized in a successful professional career. These tendencies explain a close link of the construct of "individualism" with such concepts as "youth," "health," and "laughter" and their incorporation in the same cluster. It can be concluded that our data vividly reflect a certain contradiction existing in the Georgian culture between the culture-level typological orientations and the individual-level personal ones.[25]

Conclusion.

The presented paper has discussed essential constructs representing inseparable part of the Georgians' collective representations. Logical categorization of these constructs has vividly reflected social categorization of the events described by them. Application of the psychosemantic approach has given us the opportunity to analyze the place of these events in the Georgians' ethnic picture of the world. The analysis of the semantic meanings of the constructs has been undertaken within the context of not just a given cluster but the whole semantic space revealed by the research. Besides, in order to fill the missing semantic texts we have referred to the varied material (linguistic, historical, etc.) of the Georgian culture.

The clusters analyzed here, implying such items as kinship networks, sexuality, and love, are inseparable from the cultural value of family taking into consideration the cultural context, in which the data are collected. The research has revealed quite a traditional understanding of kinship networks as well as an important influence of the Orthodox Christian worldview on the perception of these constructs. There has been identified a tendency of perceiving sexuality positively in relation to family and negatively apart from it. Consequently, a close relation of the concepts of "virginity," "purity," and "responsibility" to the perception of sexual sphere as a social sign, as well as to the value of in-group relations, has been revealed. The construct of "love" has also been perceived as inseparable from the concepts representing socially significant meanings within in-group (status, prestige, etc.). In the light of the typological characteristics of the Georgian culture, it is evident that family remains one of the most essential in-groups and possesses a classificatory function in the Georgian mentality.

Our aim has not been to study the impact of current socio-cultural transformations on the Georgians' mentality; however, the research results illustrate a deep influence of the traditional cultural worldview on the contemporary Geor-

---

[25] *The cultural researchers agree on the necessity of separating the culture-level and individual-level dimensions of culture [10].*

gians' implicit normative-value system, which seems to be an equally important outcome.

References:

1. Дружинин В.Н. Психология семьи. - Екатеринбург, 2000.
2. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. - Москва, МГУ, 1997.
3. Тернер В. Символ и ритуал. - Москва, 1983.
4. Эриксон Э. Детство и общество. - Санкт-Петербург, 2000.
5. Goodwin R. Personal Relationships Across Cultures. - London & New York: Routledge, 1999.
6. Ho D.Y.F. Indigenous psychologies: Asian Perspectives. // Journal of Cross-Cultural Psychology. Vol.29, 1998, #1, pp.88-103.
7. Kagitcibasi C. A Critical Appraisal of Individualism and Collectivism – Toward a New Formulation. Individualism&Collectivism. - London: SAGE Publications, 1994.
8. Kapaneli K. The Georgian Spirit in Aesthetic Faces. - Tbilisi: Tbilisi State University, 1995. (in Georgian).
9. Nijaradze G. Political Behavior in Georgia. // Scientific Periodical Epoch. 2001, #1, pp.6-16. (in Georgian).
10. Smith P.B., Schwartz S.H. Values. // Berry J.W., Segall M.H., Kagitcibasi C. (eds.). Handbook of Cross-Cultural Psychology. (2nd ed.), Vol.3. – Boston: Allyn and Bacon, 1997, pp.78-113.
11. Surguladze I. Symbolism of the Georgian Folk Ornament. - Tbilisi: Metsniereba, 1986. (in Georgian).
12. Surmanidze L. Some Orientations of the Georgian Culture. - Tbilisi: International Center for Women's Education and Information, 2000, pp.1-35. (in Georgian and Russian).
13. Surmanidze L. Individualist and Collectivist Societies (Theoretical Models, Empirical Researches). - Tbilisi: Nekeri, 2001. (in Georgian).
14. Surmanidze L. Experimental Research of Mentality (Criteria for Evaluating Person and Semantic Space of Archetypal Stereotypes). - Tbilisi: STanD-STanD Publications, 2003. (in Georgian).
15. Triandis H.C. Culture and Social Behavior. - New York: McGraw-Hill, 1994.
16. Tsuladze L. Autonomy and Sanctions in Socialization in the Context of Georgian Culture. A Dissertation Presented for the Candidate of Sociology Degree. - Tbilisi: Tbilisi State University. Manuscript, 2003. (in Georgian).

Prezentat la redactie
la 23 decembrie 2009

INTEGRAREA GERMANILOR ÎN SOCIETATEA BASARABEANĂ: ASPECTE SOCIALE, POLITICE, ECONOMICE ŞI CULTURALE

Rodica SVETLICINII
Republica Moldova, Chisinau, Universitatea de Stat din Moldova, facultatea Relatii Internationale, Stiinte Politice si Administrative, catedra Stiinte Politice
Doctor in stiinte istorice, lector superior

In this paper is presented the integration process of German population in the Bessarabia society, focusing on social, economic and cultural situation and also, their activity in the context of the regional political events, especially in the frame of Sfatul Ţării (the legislative body).

Despite the fact that till 1905 in the Russian Empire was not recognized some special regimes for national minorities grace to the colonization policy realized by Russian authorities, they had some social and cultural privileges, which assured a flourishing development and active participation in the life of the guberniya. Among the numerous political formations from Bessarabia, were confirmed and German social – political organizations. The existence of these organizations denotes the high level of the national cohesion of its members.

In the period of 1918-1923, the main objective was to create an optimum frame for national minorities, in order to guarantee the equality of the civil and political rights, and the free confessional and cultural development. The involvement of the German minorities from Bessarabia in the Romanian state was a complex process marked by the positive elements and tensioned situations, also.

La momentul anexării Basarabiei la Imperiul ţarist în 1812 populaţia regiunii era de 482.630 de persoane, dintre care alogenii constituiau nu mai mult de 6% din populaţie [12, 197-198], iar spre sfîrşitul secolului al XIX-lea numărul total al locuitorilor acestui ţinut era de 1.935.412 de persoane, dintre care alogenii constituiau aproximativ o jumătate[15, 70].

Tabelul 1. Componenţa etnică a populaţiei din Basarabia potrivit Recensămîntului din 1897[26]

Naţionalităţi	*Procentaj*	*Număr de locuitori*
Moldoveni	47,6	920.919
Ucraineni	19,6	379.198
Evrei	11,8	228.168

[26] *La baza constatării apartenenţei etnice a fost pusă limba în care vorbeau respondenţii. Deoarece mulţi moldoveni se declarau vorbitori de limbă rusă, ei au fost înscrişi drept ruşi.*

Velicoruşi	8,2	155.774
Bulgari	5,3	103.492
Găgăuzi	2,9	57.045
Germani	**1,3**	**60.215**
Polonezi	0,6	11.696
Ţigani	0,4	8.636
Armeni	0,1	2.080
Bieloruşi	0,1	2.471
Greci	0,2	2.737
Alte naţionalităţi	0,085	-

Această evoluţie a componenţei etnice a societăţii basarabene se datora atît factorilor economici, cît şi condiţiilor politice, caracteristice pentru dezvoltarea provinciei în componenţa Imperiului Rus. Promovînd o politică de anexare, guvernul ţarist a colonizat intens teritoriul cu colonişti de alte etnii. Acţiunea a fost minuţios concepută şi organizată; recrutarea coloniştilor se făcu în baza unor condiţii stricte, printre care aceea de a avea o meserie (cizmar, croitor, fierar, olar, ţesător, zidar, agricultor etc.), şi un anume statut social (existenţa unei familii). Au fost adoptate şi legi, care facilitau viaţa coloniştilor în ţinut, acordându-le diverse privilegii: scutirea de impozite pe o perioadă de 4 ani, scutirea de serviciul militar, împroprietărirea cu pămînt, bani pentru construirea locuinţelor [12, 205], astfel că aceste facilităţi constituiau „o invitaţie deschisă pentru cei toţi care voiau să vină". [7, 34] În consecinţă, aceste acţiuni au atras în Basarabia un număr important de colonişti, printre care se aflau mulţi nemţi, ruşi, bulgari, găgăuzi etc.

Primii coloniştii germani au sosit din Ducatul Varşoviei în 1814 şi au fost oficial numiţi "colonişti varşovinieni". Următoarele valuri de migraţie a germanilor au fost în anii 1817, 1821, 1826, 1836 şi 1842, care cu timpul s-au răspîndit în regiunile centrale şi de nord ale provinciei. Către anul 1907 în Basarabia erau atestate 75 de localităţi rurale germane în cîteva judeţe, dintre care Akkerman – 50, în judeţul Bender – 16, în Ismail – 4, în Chişinău - 3, Bălţi – 1, Soroca – 1. [17, 212]

Îndeletnicirile de bază ale nemţilor erau agricultura, pomicultura, viticultura şi creşterea vitelor (cai, cornute, oi, păsări). Migrînd în Basarabia, ei au adus cu sine unele metode inovatoarei de prelucrare a pămîntului, precum şi uneltele necesare (era vestit plugul de fier cu mai multe lame, care a primit denumirea de „plug german basarabean") ce le-au permis să obţină succese considerabile în agricultură. Astfel s-au creat condiţii pentru apariţia unor elemente respective de suprastructură: bănci ţărăneşti, institute de credit, societăţi pe acţiuni, asociaţii agricole. La rîndul lor, acestea au stimulat dezvoltarea economică, apariţia indu-

striei: construcţia de care, fabrici textile, morărit, industria de unelte agricole, industria de prelucrare a laptelui.

Un alt gen de activitate era achiziţionarea şi arenda pămînturilor de către uniunile coloniştilor germani, proces care s-a intensificat la începutul secolului XX. Cele mai multe pămînturi au fost cumpărate în judeţele Akkerman, Ismail şi Bender. Spre exemplu, în perioada anilor 1905-1911 numai în judeţul Ismail germanii au cumpărat 26.692 desetine de pămînt. [1, 31]

Tabelul 2. Situaţia funciară a coloniştilor germani din Basarabia în anul 1912. [1, 36]

Judeţul	*Originari din Germania*			*Originari din alte state*		
	Numărul de familii	*Cantitatea pămîntului stăpînit*		*Numărul de familii*	*Cantitatea pămîntului stăpînit*	
		cu drept de proprietate	*cu drept de arendă*		*cu drept de proprietate*	*cu drept de arendă*
Orhei	-	-	-	-	-	-
Hotin	-	-	-	-	-	-
Soroca	-	-	-	-	-	-
Chişinău	-	-	-	57	-	1.168
Ismail	941	48.792 desetine	5.627	12	-	1.496
Bălţi	54	-	702	41	458	772
Bender	3.350	26.532	-	-	-	-
Akerman	2. 783	105.439	-	-	-	-
Total:	7. 128	180.763	6.329	110	458	3.436

Publicistul rus N.Zabotkin, care a studiat activitatea coloniştilor germani în judeţul Akkerman, constatată că achiziţionarea pămînturilor de către germani punea în pericol dezvoltarea agriculturii în alte gospodării, proprietarii cărora nu erau de origine germană. Potrivit datelor prezentate de acest autor, în anul 1910 germanii constituiau 15% din populaţia totală a judeţului şi deţineau 54% din proprietatea funciară privată şi 24% din loturile de împroprietărie. [16, 2] O asemenea stare de lucruri a pus în gardă autorităţile ţariste, care în 1912 le-au suspendat coloniştilor germani dreptul de a achiziţiona pămînturi [1, 25].

Faptul că deţineau un volum considerabil de loturi le permitea germanilor să participe activ în viaţa politică şi socială a guberniei. În judeţele unde reprezentau majoritatea populaţiei, graţie faptului că erau uniţi, ei erau aleşi fără pie-

dici în organele de administrare locală. Spre exemplu, în 1909 la Adunarea de zemstvă a județului Akkerman din partea proprietarilor de pămînt ce nu erau de viță nobilă trebuiau desemnați 4 consilieri, aceştia fiind aleşi de a doua Adunare electorală. Lista persoanelor cu drept de participare la Adunare includea 29 de germani şi 16 ruşi. Existînd această preponderență numerică a germanilor, la Adunarea electorală cei 4 consilieri au fost aleşi din rîndurile lor [16, 4].

Examenînd situația nemților din Basarabia, se poate constata, că ei beneficiau de mai multe facilități în comparație cu alți colonişti. În primul rînd, acest lucru se manifesta printr-o formă specială de administrare a localităților germane, ce includea elemente de autoguvernare. În fruntea comunității se afla un staroste, doi asesori şi un pisar, aleşi de adunarea generală a locuitorilor. Toate actele erau perfectate în limba germană şi numai cele mai importante documentele erau traduse în limba rusă. Dar această stare a lucrurilor a luat sfîrşit în 1871, cînd s-a adoptat un nou Cod legislativ ce a lichidat privilegiile menționate. Or ele au fost lichidate doar „de jure”, iar „de facto” continuau să existe, astfel că situația coloniştilor a rămas practic neschimbată. Ei duceau un mod de viață izolat şi evitau să intre în contact cu alte naționalități.

În plus, germanii şi-au menținut dreptul de a deschide şcoli naționale cu predare în limba maternă. În fiecare colonie existau biserici sau case de rugăciuni, unde serviciul divin era oficiat în limba germană. Rolul bisericii în comunitatea germană din Basarabia a fost nu numai cel obişnuit confesional, ci şi unul educativ şi cultural, deoarece ea avea misiunea de a cultiva şi a răspîndi la noile generații limba maternă, prin intermediul şcolilor pe care le patrona. Pînă în 1891, germanii au avut numai şcoli pe lîngă biserici, cu învățători remunerați de către enoriaşi. La începutul secolului XX situația s-a schimbat, mărindu-se numărul şcolilor, inclusiv a celor publice. Drept rezultat, potrivit datelor recensămîntului din 1897 63,5% bărbați şi 62,9 femei de origine germană erau ştiutori de carte, fapt ce-i situa pe primul loc la capitolul ştiinței de carte printre celelalte etnii din gubernie.

Tabelul 3. Ştiința de carte a populației din Basarabia după naționalități şi sexe (potrivit recensămîntului din 28 ianuarie 1897) [8, 9][27].

Nr.	*Naționalitățile*	*Bărbați %*	*Femei %*
1	Germani	63,5	62,9
2	Polonezi	55,6	52,9
3	Velicoruşi	49,9	21,1
4	Evrei	49,6	24,1
5	Bulgari	31,4	6,4

[27] *Conform datelor din Dicționarul statistic al Basarabiei în toată Basarabia există un număr de ştiutori de carte de 283.174, ce reprezintă 15,55% din totalul general al populației.*

6	Maloruşi	15,3	3,1
7	Moldoveni	10,5	1,7
8	Ţigani	0,9	0,9

Menţinerea vechilor tradiţii în organizarea învăţămîntului le-a permis germanilor din Basarabia să resimtă mai puţin efectele negative ale dominaţiei străine. În 1881 şcolile parohiale germane din subordonarea Ministerului Patrimoniului Statului au fost transferate către Ministerul Învăţămîntului, care obligă comunităţile germane să invite pedagogi de limbă rusă. Mai tîrziu, în 1891, oficialităţile ruse au decis ca în toate şcolile germane 2/3 din materiile de studiu să fie predate în limba rusă, urmărindu-se prin aceasta rusificarea germanilor din Basarabia. Însă lipsa de cadre didactice de etnie ruşă, a încetinit procesul declanşat de autorităţi. În 1914 în şcolile germane din 54 de învăţători, doar 7 erau ruşi. Chiar şi limba rusă (11 ore pe săptămînă) era predată de învăţători de origine germană, care nu cunoşteau insuficient limba de stat a Imperiului Rus. Rezultatele erau pe potrivă, căci spre exemplu în 1910 50% din germanii ce locuiau în judeţul Akkerman nu cunoşteau limba rusă. [16, 2]

O altă modalitate de păstrare a tradiţiilor naţionale era realizată prin diferite asociaţii culturale. În anul 1908 a fost constituită „Societatea germană de popularizare a învăţămîntului în Basarabia", ce avea ca scop organizarea şi extinderea învăţămîntului primar şi secundar printre populaţia germană din gubernie. Aria activităţilor acestei societăţi era variată: organizarea cursurilor pentru profesorii din şcolile germane, înfiinţarea bibliotecilor, activitatea editorială, deschiderea instituţiilor de învăţămînt de toate nivelele etc. În noile şcoli deschise se insista ca limba de instruire să fie limba maternă; în limba rusă erau ţinute doar orele de limba rusă, istoria şi geografia Rusiei. [2, 9-10] O altă asociaţie, înfiinţată la Chişinău la 15 septembrie 1913, organiza programe artistice, aşa numitele „Deutsche Abende" (Serate germane), unde printrealte multiple activităţi, se puneau în scenă piese de teatru în limba germană. [9, 74]

Pînă la 1905 în Basarabia nu se editau ziare în limba germană. În timpul guvernării ruseşti, teritoriile locuite de germanii basarabeni aveau drept centru administrativ oraşul Odesa, unde se editau ziare în limba germană, care erau răspîndite în Basarabia şi serveau ca sursă de informare pentru germanii basarabeni. Din 1863 apărea „Odessaer Zeitung", unul dintre susţinătorii lui fiind basarabeanul K.Wilhelm, care după 1874 a ajuns cel mai important jurnalist german din Odesa. Prin urmare, pînă în anul 1918 problemele basarabene au fost bine prezentate în „Odessaer Zeitung" şi în calendarul afiliat. [9, 77]

Începutul primului război mondial a înrăutăţit la maximum condiţiile de existenţă ale coloniştilor germani în Basarabia. La 2 februarie 1915 Consiliul de miniştri al Rusiei ţariste a emis regulamentul „Despre încetarea dreptului de proprietate funciară şi dreptului de exploatare a pămîntului pentru persoanele de

provinienţă austriacă, ungară şi germană în localităţile aflate în apropierea frontierilor". Conform acestui regulament, administraţia guberniei Basarabiei a întocmit o listă a persoanelor cărora li s-au expropriat pămînturile aflate în raza de 100 verste pe linia frontierilor [22]. La 15 mai 1915 Direcţia generală a poştei din Basarabia a emis o ordonanţă conform căreia se interzicea recepţionarea telegramelor cu destinaţie internă în limba germană [23]. Începînd cu anul 1915, Ministerul Învăţămîntului decide că toate şcolile germane din Basarabia să fie închise, iar în locul lor au fost deschise şcoli ruseşti. Indignate de această decizie comunităţile germane au trimis o reclamaţie la Sankt-Petersburg. Pentru examinarea chestiunii în gubernie a fost creată o comisie specială, care a susţinut hotărîrea Ministerului, argumentîndu-şi poziţia prin faptul că „redeschiderea şcolilor germane nu este posibilă, deoarece va fi necesar să fie deschise şi şcoli moldoveneşti în gubernie. Iar datele statistice despre reuşita la învăţătură a elevilor din şcolile germane şi din şcolile moldoveneşti demonstrează că rezultatele elevilor în studierea limbii ruse sînt nesatisfăcătoare. Pentru a îmbunătăţi situaţia creată este necesar să fie deschise numai şcoli ruseşti" [24].

Examenînd modul de viaţă şi prevederile legale în baza cărora activau germanii în Basarabia, putem constata că ele au desfăşurat activităţi multiple, participînd activ în viaţa socială, politică şi economică a guberniei. De asemenea, ei se caracterizau printr-o organizare şi coeziune etnică puternică. Încercînd să menţină studierea limbii materne în şcoli, constituind societăţi cu caracter economic, cultural germanii tindeau spre ajutorarea conaţionalilor lor şi perpetuarea culturii şi tradiţiilor naţionale, opunîndu-se acţiunilor intense de rusificare.

Revoluţiile ruse din 1905 şi 1917 au fost evenimente majore care au provocat schimbări de esenţă nu doar interne, ci şi internaţionale. Basarabia, fiind parte componentă a Imperiului ţarist, a fost influenţată direct şi masiv de dinamica evenimentelor revoluţionare. În această perioadă în regiune apar circa 50 de partide şi grupări politice, care acoperă întregul spectru politic [10, 131]. Organizaţiile social-politice se deosebeau prin programele lor, prin viziunea asupra dezvoltării evenimentelor, prin metodele de activitate, însă practic toate programele conţineau revendicări de ordin naţional.

O organizare politică-naţională propriu-zisă a coloniştilor nemţi din Basarabia începe după marele Congres ţinut între 14-16 mai 1917 la Odesa, la care au participat delegaţii nemţi din întreaga Rusie şi unde au fost formulate toate revendicările culturale, religioase şi politice ale germanilor din întreaga Rusie, la care au aderat şi nemţii din Basarabia. [11, 13] Ulterior populaţia germană din Basarabia şi-a unificat forţele în „Uniunea cetăţenilor de naţionalitate germană", care reprezenta interesele germanilor.

Un alt eveniment din Basarabia, în care s-au manifestat din plin şi populaţia de etnie germană au fost alegerile în Adunarea Constituantă. În vîltoarea evenimentelor anului 1917 Adunarea Constituantă apărea ca „singurul aşezămînt dă-

tător de legi pentru aşezarea formelor noi de viață şi a tuturor rînduielilor în țări şi numai după ce îşi va aduce hotărîrile se vor schimba toate rînduielile în țări" [18]. Printre formațiunile politice ce şi-au înaintat listele, înregistrate de comisia electorală de circumscripție, au fost şi organizațiile minorităților naționale: „Bundul" (reunit cu partidul social-democrat); „Comitetul electoral național evreiesc", (nr.9); „Organizațiile socialiste ucrainene"; „Uniunea cetățenilor de naționalitate germană". Candidații de la „Uniunea cetățenilor de naționalitate germană" au fost înaintați pe lista electorală sub nr.12. [4, 7]

Rezultatatele alegerilor în Adunarea Constituantă, în circumscripția Basarabia, au fost următoarele: Sovietul de deputați ai țăranilor a întrunit 36,7% din numărul total de voturi; socialiştii-revoluționari – 31,2%; comitetul electoral național evreiesc – 10,6%; internaționaliştii – 6,9%; cadeții – 4,5%; socialiştii ucraineni – 4%; Partidul Național Moldovenesc – 2,2%, Uniunea proprietarilor agrari – 1,5%; „Uniunea cetățenilor de naționalitate germană" – 0,4%, etc. [5, 14]

Lupta pentru mandatele de deputat în Adunarea Constituantă a întregii Rusii a reprezentat o posibilitate de manifestare pe arena vieții publice pentru toate formațiunle social-politice din provincie, fapt de care nu au întîrziat să profite şi reprezentanții minorităților naționale. Minoritarii germani au demonstrat un nivel înalt de organizare, reunindu-şi forțele în forma unei uniuni, ce au înaintat liste proprii de candidați.

În această perioadă mai multe formațiuni politice, obşteşti şi militare, şi-au propus să lupte ca să obțină toate drepturile pentru a duce un mod de viață prosper. În situația cînd grupările politice civile n-au fost în stare să realizeze în practică ideea creării unui organ legislativ în Basarabia, în avanscena luptei pentru eliberare națională şi politică s-au situat organizațiile militare ale basarabenilor. Ideea organizării unui „Sfat al Țării", care să dezbată şi să hotărască soarta Basarabiei, ținînd seama, fireşte, şi de drepturile minorităților etnice din guberniei, a fost formulată de Comitetul Central Ostăşesc sub preşedenția lui Gherman Pîntea în ziua de 16 iulie 1917 [12, 276]. Astfel, la 20 octombrie 1917 la Chişinău a fost convocat Congresul ostăşesc. La 21 octombrie 1917, congresul a proclamat în unanimitate autonomia politică şi teritorială a Basarabiei. Pe lîngă rezoluția „Cu privire la autonomia Basarabiei", congresul a adoptat o decizie „Cu privire la Sfatul Țării", conceput ca organ legislativ suprem.

Structura națională a Sfatului Țării, care întrunea 150 persoane, arăta astfel: 105 (70%) deputați moldoveni, 15 (10%) ucraineni, 13 (9 %) evrei, 7 (4%) ruşi, 3 (2%) bulgari, 2 (1,4%) germani, 2 (1,4%) găgăuzi, 1 (0,7%) polonez, 1 (0,7%) armean, 1 (0,7%) grec.

Chiar de la începutul activității Sfatului Țării deputații germani s-au încadrat energic în procesul de activitate al acestuia. Poziția şi deciziile reprezentanților populației minoritare în cadrul Sfatului Țării au evoluat în funcție de mersul

general al evenimentelor din fostul Imperiu Rus, de situația proprie a Basarabiei şi de caracterul problemelor abordate.

La fel reprezentanții germanilor au participat la dezbaterile şedinței Sfatului Țării din 27 martie 1918, în care s-a discutat problema unirii Basarabiei cu România. În numele populației germane deputatul Van Lesh a declarat: ”În calitate de reprezentant al tuturor germanilor din Republica Moldovenească, care se ridică la mai bine de 75.000, în numele fracțiunii mele, declar că populația germană nu ne-a împuternicit să hotărîm chestiunea alipirii Republicii Moldoveneşti oriunde ar fi. La această chestiune poate răspunde doar Congresul tuturor germanilor din Republica Moldovenească. De aceea noi ne abținem de la vot” [13, 146].

După ce şi-au expus opiniile şi alți deputați din Sfatul Țării, a fost pusă la vot rezoluția „Blocului Moldovenesc” cu privire la unirea Basarabiei cu România. Rezultatul votării a fost următorul: au votat pentru 86 deputați; împotrivă-3; s-au abținut – 36; absenți -13 deputați. Deputații ce s-au abținut în marea lor majoritate erau reprezentanții populației minoritare; din cele 3 voturi împotrivă – două au fost exprimate de delegații ucraineni. Optînd pentru abținerea de la vot, reprezentanții etniilor minoritare au permis deputaților majoritari să-şi asume întreaga responsabilitate pentru noul destin al ținutului dintre Prut şi Nistru.

Cu toate acestea, pe parcursul anului 1918, reprezentanții etniilor minoritare au fost puşi în situația de a-şi preciza atitudinea față de deciziile de unire ale românilor. Analizînd realist conjunctura, liderii minorităților naționale din Basarabia au obținut sprijinul conaționalilor, exprimat în forma unor declarații publice de aprobare a deciziei de unire. În acest fel s-au pronunțat germanii din Basarabia. În urma congresului de la Tarutino din 7 mai 1919, o delegație a germanilor basarabeni (din componența căreia făceau parte pastorul Gaadze preşedinte, M.Neumann secretar şi A.Widmer şi E.Weis membri) a sosit la Bucureşti, pentru a declara acordul minorității germane cu privire la unirea Basarabiei cu România [19].

Integrarea minorităților naționale în statul român a constituit o preocupare constantă a autorităților române. Din acest motiv, la nivel legislativ eforturile guvernanților au urmărit cu prioritate făurirea unui cadru optim, care urma să asigure deplina egalitate a tuturor cetățenilor României. Baza regimului juridic al minorităților din România a fost pusă de Tratatului pentru protecția minorităților, semnat la Paris în octombrie 1920.[28] Conținutul acestui tratat a permis reg-

—

[28] *La 1 mai 1919 în cadrul Conferinței de pace s-a înființat Comisia statelor noi şi a minorităților, pusă sub preşedenția lui Philippe Berthelot şi formată din reprezentanții Franței, Marii Britanii, SUA, Italiei şi Japoniei. Ea a elaborat aşa-numitele Tratate ale minorităților. Primul a fost semnat de Marile Puteri cu Polonia, la 28 iunie 1919. Ulterior el a constituit un model şi pentru celelalte state.*

lementarea problemei minoritare din România şi a facilitat procesul de integrare a minorităților naționale în cadrul statului român. Ulterior tratatul a servit drept punct de plecare pentru noua Constituție, promulgată la 29 martie 1923 şi a unui şir de legi interne adoptate în România cu privire la minoritățile naționale.

Crearea cadrului juridic corespunzător urmărea mai multe obiective, ce aveau ca scop unificarea teritoriului întregit din punct de vedere politic, economic, social şi cultural.

Unul dintre obiectivele primordiale ale procesului de integrare a Basarabiei în cadrul României viza domeniul învățămîntului, care s-a manifestat, în primul rînd, prin naționalizarea şcolilor din Basarabia.

În conformitate cu Raportul în chestiunea naționalizării şcolilor medii, elaborat în mai 1918 de Directoratul de instrucție publică, instituție regională însărcinată cu administrarea şcolii basarabene, fiecare etnie avea dreptul să-şi instruiască copiii în şcoala sa națională. Principiile de naționalizare elaborate erau pătrunse de grija soluționării echitabile a problemelor învățămîntului din Basarabia. Aceste principii au stat la baza Proiectului cu privire la organizarea gimnaziilor din Basarabia din 14 august 1918 [20], care acordau tuturor minorităților din Basarabia dreptul de a avea licee de stat cu limba maternă de predare. Conform prevederilor acestui document, din numărul total de 38 de instituții de învățămînt secundar, pentru instruirea elevilor români au fost repartizate 27 de instituții şi 11 pentru reprezentanții minorităților naționale, dintre care 1 – germanilor (gimnaziul de băieți din Tarutino);

De asemenea, în Basarabia a fost introdus învățămîntul primar obligatoriu, fiind deschise noi şcoli primare şi secundare, acordîndu-se drepturi largi în domeniul şcolarizării şi grupurilor minoritare. În anul 1921 în ținut funcționau deja 1.787 şcoli primare, dintre care 50 – germane.

Tabelul 4. Situația în domeniul învățîmîntului primar de stat în a.1920-1921 [21]

Localitatea	*1*	*2*	*Numărul de şcoli primare*							
			3	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*
jud. Chişinău	181	263	180	1						
or. Chişinău	51	-	28		13	9	1			
jud.Hotin	209	212	99	103	1	5	1			
jud. Izmail	116	108	100		7			7	2	

Prin aceste tratate Marile Puteri intenționau să evite în timp declanşarea unor conflicte interstatale, care ar fi avut printre cauze şi aspecte legate de etniile minoritare. Ele îşi bazau opțiunea, în primul rînd, pe aportul hotărîtor în obținerea victoriei finale şi în al doilea rînd, pe numărul relativ mare al minorităților etnice în statele nou create, care şi-au extins suprafața. Cehoslovacia cu 34,6%; Polonia cu 31,2%; România cu 28,8% erau țările în care procentul minorităților era cel mai mare.

jud. Soroca	215	302	179	205	2	9				
jud. Cetatea-Albă	291	269	87	50	44	5		48	56	1
jud. Bălți	218	347	188	20	1	6	2	1		
jud. Tighina	202	256	152	12	20	5		12	1	
jud. Orhei	218	345	211	1		6				
jud. Cahul	106	199	97		1			2	6	
În total:	1987	2301	1321	212	89	45	4	50	65	1

Note: 1 - numarul de şcoli primare; 2 – numarul de sate; 3 – româneşti; 4 – ucraineşti; 5 – ruseşti; 6 – evreieşti; 7 – poloneze; 8 – germane; 9 – bulgăreşti; 10 – armeneşti

Viața economică a germanilor din Basarabia constituia un aspect al evoluției întregii țări. În anul 1923 ei administrau circa 3-5% din întreprinderile basarabene. Din 302 întreprinzători germani - în oraşe activau 14 persoane şi 288 la sate, în special în județul Cetatea Albă (234 întreprinzători).

Un moment important al vieții economice a fost realizarea reformei agrare din 1920. În procesul de împroprietărire cu pămînt au fost incluşi şi reprezentanții minorităților naționale. Ca urmare cele 1.491.916 ha de pămînt au fost repartizate la 357.016 de țărani: 262.536 erau români, iar 94.480 de alte naționalități, dintre care 6.377 (1,9%) agricultori germani au fost împroprietăriți cu 32.489 (3%) ha sau cîte 5,09 ha de familie [6, 160].

Cazul împroprietăririi cu pămînt a minorității germane din Basarabia a reprezentat o situație aparte. Încă în toiul primului război mondial, din motive pur politice, prin două legi excepționale, din 2 februarie şi respectiv 15 decembrie 1915, Guvernul rus a expropriat coloniştii austro-ungari şi germani din Imperiul Rus de pămînt şi case particulare. După unire, potrivit reformei agrare, abuzul administrației ruse a fost înlăturat prin ordonanța nr.9548 din 20 noiembrie 1918 a Directoratului Agriculturii din Basarabia. Toți cei deposedați de pămînt şi case urmau să-şi recapete bunurile pierdute şi măsurile Directoratului au început să fie aplicate, însă „Casa Noastră", organul abilitat cu realizarea reformei agrare în Basarabia, a neglijat Ordonanța Directoratului, dispunînd trecerea pămînturilor coloniştilor germani deposedați în fondul rural al „ Casei Noastre". Aceasta era un abuz, de aceea în urma acțiunilor întreprinse de „Consiluil Popular al coloniştilor germani din Basarabia" cu asistența juristului basarabean V.Ebriceanu, ce a luat apărarea coloniştilor germani, a fost demonstrată inechitatea acțiunilor conducerii „Casei Noastre". Drept rezultat a fost promulgat Decretul-lege nr.4236 din 6 octombrie 1919, care anula legea din 1915, însă cu obligațiunea, ca toți proprietarii să se prezinte înaintea Tribunalelor respective şi să demonstreze cu acte vechi ruseşti dreptul de proprietate asupra acestor pămînturi. Cu to-

ate că coloniştii germani au îndeplinit aceste formalităţi, „Casa Noastră” nu i-a pus totuşi în posesia proprietăţilor lor, deoarece nu a recunoscut valabilitatea actelor de proprietate. Germanii, însă erau insistenţi. Prin decizia „Congresului coloniştilor germani” din 29-30 august 1923 care a avut loc în comuna Tarutino, s-a organizat un comitet ce urma să reprezinte interesele etniei în problema agrară la Bucureşti [3, 54].

Datele şi faptele menţionate relevă cu claritate faptul că încadrarea minoritarilor de etnie germană din Basarabia în statul român a fost un proces complex, marcat de elemente pozitive, dar şi de stări tensionate. De asemenea procesul de integrare a germanilor a fost influenţat şi de atitudinea lor faţă de noua guvernare. Pe parcursul întregii perioade germanii au acceptat guvernarea română. Germanii erau cetăţeni harnici, prosperi şi loiali faţă de statul român, motiv pentru care au fost trataţi decent de către autorităţile române. În timpul evenimentelor din Tatarbunar la 1924, în unele sate ruseşti ei au ajutat autorităţile române să instaureze ordinea.

Soarta istorică a populaţiei germane din Basarabia a fost influenţată de acordul între guvernele Germaniei şi URSS din 5 septembrie 1940 privind evacuarea tuturor germanilor de pe teritoriul Basarabiei şi nordului Bucovinei în patria sa etnică. [14, 91-93] În conformitate cu datele anului 1939, din cei 77.545 germani din Basarabia, în septembrie 1941 în Germania au plecat 72.171 de persoane.

Bibliografia:

1. Arhiva Naţională a Republicii Moldova, f.2, inv.1, d.9247.
2. Arhiva Naţională a Republicii Moldova, f.401, inv.1, d.12.
3. Arhiva Naţională a Republicii Moldova, f.680. inv.1, d.3186.
4. Cojocaru Gh. Cu privire la problema Adunării Constituante în Basarabia în anul 1917 (I). // Revista de istorie a Moldovei, 1991, nr.2.
5. Cojocaru Gh. Cu privire la problema Adunării Constituante în Basarabia în anul 1917 (I). // Revista de istorie a Moldovei, 1991, nr.3.
6. Cojocaru Gh. Integrarea Basarabii în cadrul României (1918-1923). – Bucureşti, Semne, 1997.
7. Crihan A. Romanian Rights to Bessarabia According to Certain Russian Sources, Humboldt State University Press. - California, Arcata, 1986.
8. Dicţionarul statistic al Basarabiei. – Chişinău, Tipografia societăţii anonime „Glasul Ţării”, 1923.
9. Fassel L. Literatura germană din Basarabia. // Revista de lingvistică şi ştiinţă literară, 1994, nr.1.
10. Juc V. Din istoria gândirii politice româneşti (în Moldova). – Chişinău, USM, 1997.

11. Marian L. Coloniştii nemţi din Basarabia (consideraţiuni istorice, politice şi etnografice). - Bucureşti, Providenţa, 1920.
12. Nistor I. Istoria Basarabiei. – Chişinău, Cartea Moldovenească, 1991.
13. Procesul-verbal al şedinţei Sfatului Ţării din 27 martie 1918. // Bobeica Al. Sfatul Ţării – stindard al renaşterii naţionale. - Chişinău, Universitas, 1993.
14. Пасат В. Трудные страницы истории Молдовы. Сборник документов. – Москва, Терра, 1984.
15. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., Т.III, Бессарабская губерния. – Москва, Слово, 1905.
16. Заботкин Н. Мирное завоевание немцами Южной Бессарабии. – Аккерман, 1910 (микрофильм).
17. Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. - Кишинев, Штиинца, 1979.
18. „Cuvînt moldovenesc”, 1917, 11 iunie.
19. „Бессарабия”, 1919, 9 mai.
20. „Sfatul Ţării”, 1918, 23 august.
21. „Бессарабия”, IV, 1922, 8 septembrie.
22. “Бессарабская жизнь”, 1915, 18 июня.
23. “Бессарабский южный край”, 1915, 15 мая.
24. “Бессарабская жизнь”, 1915, 19 сентября.

Prezentat la redactie
la 24 decembrie 2009

Recenzent – **Angela ZUBCO**, doctor in istorie, conferentiar

THE EU-RUSSIA RELATIONS: THE PERCEPTIONS OF THE RUSSIANS

Sergey TUMANOV
Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Institute for complex research in education
Professor, Deputy Director

Alexander GASPARISHVILY
Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Institute for complex research in education, Department for public opinion research
Associate Professor, Head of the Department

Anna SMOLENTSEVA
Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Institute for complex research in education
Senior Researcher

Europe has always been an important partner of Russia, and while the centres of influence and power (among which are the US, the European Union, China) are changing, the development of the relations with the EU countries has increasingly been essential. For the Russian people Europe has also been a significant factor of the identity, even if it is achieved by denying European values and searching for "special" Russian way. Across the world globalization has been eroding national boundaries and traditional foundations of national identities. In Russia, a loss of Soviet identity contributes to the complexity of these trends. The search for new identity can be characterized as a complex, multidimensional process at the level of individuals, social groups and a society as a whole. During this process the perceptions of Russian mass consciousness of the place and role or Russia in the world, other countries, Western institutions and values, as well as the issues of identity formation are changing [1].

Along with the changing political regimes in Russia, the CIS, Europe and other countries, along with the shifts of foreign affairs priorities and values, the Russians have been changing their attitudes towards neighbour countries. Currently, in mass consciousness of the Russians the European Union has become even closer than before, while some countries of the former Soviet Union, on the contrary, have been moving farther or to the background. The evidence of that can be found in the results of the international research project "Russia and the European Union". The survey research was conducted by the Center for So-

ciological Studies “Opinio” in November 2008[29]. Aberystwyth University (UK) has organized and the Economic and Social Research Council (UK) funded this project.

The project objectives involved a study of the level of awareness of the Russian population about the European Union, their opinions regarding the relations between the Russian Federation and the EU, between the EU and its neighbours. This article presents some results of this study: the level of awareness of the Russian population about the purposes of the European Union, its members and neighbours, EU policy; the attitudes towards the EU; perceptions of relations with EU and the future developments of the EU-Russia relations.

The ideas of the Russians about the European Union

The analysis of the ideas of the Russian people about the European Union included the study of the level of awareness about this organization, its members, purposes and objectives.

Estimating on a 10-point scale the level of awareness about the EU, the Russians provided a mean score of 4.3 points (10 points meant the maximum awareness, 1 point - the minimum / no awareness). Only 13.2% respondents have no information about the European Union, while the number of well informed Russians is notably less - 5.4%. Higher awareness was demonstrated by higher educated respondents (the mean is 5.1 point), the residents of the administrative

---

[29] *The research methodology is based on face-to face interviews using a standardized questionnaire. Sampling: multi-stage, stratified, random at the stage of selection of respondents. The structure of the sample reflects inhabitant structure of the European part of the country, economic regions and is proportional to the population of the administrative centers of the RF, middle-size and small towns, settlings of urban type and rural settlements. The sample of the research included the localities of 24 subjects of the Russian Federation, and in each of them, depending on the number of the inhabitants living at their territories, we interviewed from 40 to 80 respondents (160 respondents in Moscow). The sample included 66 localities, among them 12 regional, territorial and republic centers (640 respondents were interviewed), 12 small and middle-size towns (480 respondents were interviewed), 6 settlements of urban type (60 respondents were interviewed) and 36 rural settlements (360 respondents were interviewed). The sample size was 1540 respondents. The sampling structure represents inhabitant structure of the European part of the Russian Federation by the number of population living in the administrative centers of the Russia, in middle-size and small towns, settlements of urban type and rural settlements. We applied the method of sample correction by social-demographic indexes for sample repairing. Distributions of the gender-age structure in the universe, for what able-bodied population (18 years old and over) at the European part of the Russian Federation was considered, were used as a standard. The sample included 1503 respondents as a result of repairing.*

enters of the subjects of the Russia (4.8), men in contrast to women (4.7) and age cohorts under 40 years old.

It is important to mention that the ideas of the Russian population regarding the European Union are definitely positive. For the most numerous part of the respondents (40.8%) the European Union is associated with the economical prosperity. About a third (30.8%) correlates the EU, first of all, with the stability. One out of the four respondents (24.5%) indicates a freedom of movement, freedom of study and work in various part of Europe. Similar numbers of the survey participants mention democracy (22.2%) and social security (20.3%) as important characteristics of the European Union. Only a few associations are negative: 6.3% correlate the EU with the loss of national identities of member countries, and 5% establish links between the EU and bureaucracy.

Another question suggested to the survey participants was to indicate which countries in the list are the members of the European Union. More than a half of respondents named as members Germany (78.2%), the Great Britain (65.9%), Italy (64.7%) and Switzerland (51.5%). Less than a half referred to Finland (45.0%), Estonia (40.3%) and Lithuania (38.5%) as member countries.

About 9% of survey participants included Russia to the EU. The distribution of responses to this question, in particular, inclusion of Switzerland to the EU, might serve an evidence of the lack of awareness and interest of the significant part of the Russian population to the issues of European affairs. As for inclusion of Russia to the EU, it is likely to be done by those respondents who have little awareness of the European Union, and, not differentiating between the EU, the Parliamentary Assembly of the Council of Europe (PACE) and other European organizations, automatically consider Russia to be a member of the association of European states.

For instance, one out of the ten respondents believes that the European Union is an association of all European countries, including Russia. However, the majority still aware of the EU as an economical and political association of European countries. In general, other tenth part of the respondents consider the EU a European section of the UNO or NATO.

What is the European Union in mass perception – primarily an economical, political, cultural, military union or new empire? The public opinion concentrates around two positions. One out of two survey participants (53%) believes that it is mainly an economical union, while one out of three (33.4%) consider it a political one. Only a few respondents share other visions of the European Union. A little number of survey participants (4.8%) does not have certain ideas of the EU here.

The attitude towards the EU was also estimated with the question whether the respondents are interested in the processes inside the European Union. The number of those who characterized their position as “very interested” in what is

going on in the EU, is little and comprised about 5%. Every third survey participant (33.9%) is “rather interested”. However, the majority of the respondents (59.6%) did not express an interest in the EU, and every fifth (19.3%) is not interested in the processes inside the European Union at all.

The relations between Russia and the EU for the surveyed Russians have higher priority that internal issues and processes of this organization. The number of those who demonstrated some interest in the EU-Russian relations (49.5%) and those who has no interest (48.1%) is approximately equal. In a mass perception, the relations between Russian and the CIS are of higher interest.

European values and identities

Remarkable were the responses to the question which countries out of the suggested list are European. An absolute majority of respondents “recognized” European such countries as Germany (92.9%), Italy (81.7%), the Great Britain (81.6%), Switzerland (79.6%). More than a half considers Finland (66.7%), Estonia (60.4%) and Lithuania (59.3%) to be European countries.

One out of two refers Russia to European countries (49.8%). A significant number think that Ukraine and Belarus are European countries (43% and 42% respectively). A third perceives Moldova to be European (31.7%).

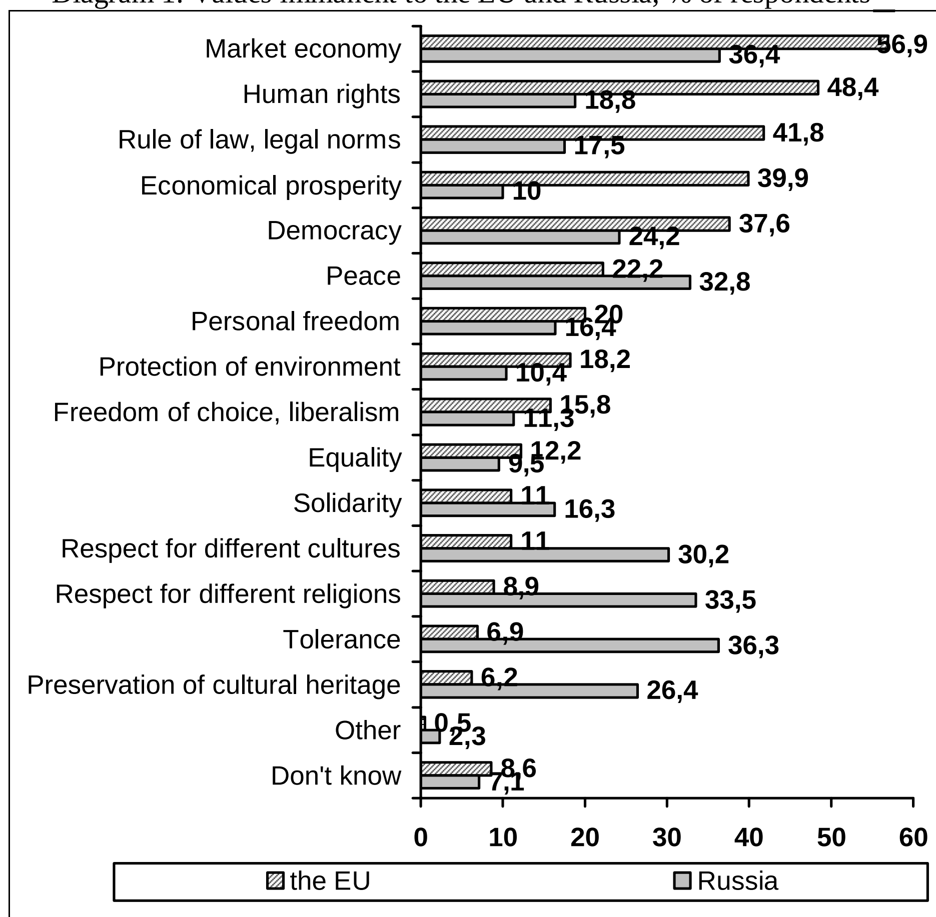
It could be possible to suppose that such a relation to Russia, Ukraine, Belarus and Moldova is rooted in the lack of geographical knowledge. However further questions shows that it is not the only reason; for many Russians the term “European” is not geographical, but rather cultural one (related to a certain lifestyle). Respondents correlate the European Union with the economical prosperity, stability, political union and other values, which they not relate to Russia, and obviously, other mentioned countries.

The responses to the question about which values are most immanent to the EU and Russia serve an evidence of the values of the EU and Russia. The respondents were suggested to choose in the list no more than five values (Diagram 1).

According to the Russians (disregard their socio-demographical characteristics), for the European Union the most distinctive traits are market economy (56.9%), human rights (48.4%), rule of law, legal norms (41.8%), economical prosperity (39.9%) and democracy (37.6%).

The core of values for Russia was completely different: except for market economy (36.4%), it is tolerance (36.3%), respect for various religions (33.5%), peace (32.8%) and respect for different cultures (30.2%).

Diagram 1. Values immanent to the EU and Russia, % of respondents[30]

The attitudes towards European values are shaped not only by their real significance, but also traditional ideas of the differences between European and Russian mentality. The highest places were occupied by those values (market economy, human rights, rule of law, economical prosperity, democracy) which are least present in the everyday life of an average Russian. On the other hand, in mass consciousness, the European Union in fact is denied to have the characteristics which traditionally were advantages of the Russian and Soviet lifestyle

30 The question implied an opportunity to choose several positions, so the sum of the indicators might exceed 100%.

(respect for different cultures and religions, tolerance, preservation of cultural heritage).

Not surprisingly, that only a tiny portion of respondents identify themselves with Europeans – one out of ten survey participants.

The image of the EU in Russia and the image of Russia in the EU

In public opinion, Russia is positively perceived in the EU (58.2%) as well as the EU is positively perceived in Russia (58.2%). The segment of negative and neutral estimations is much lower (about one third of the respondents).

Table 1. In your view, How Russia is perceived in the European Union? In your opinion, how the European Union is perceived in Russia? (% of respondents)

	In your view, how Russia is perceived in the European Union?	*In your opinion, how the European Union is perceived in Russia?*
Positively	18,2	18,2
Rather positively	40	40
Neutrally	17,9	22,1
Rather negatively	14	10
Negatively	4	3,1
Don't know	6	6,6

The questionnaire involved questions suggesting to estimate various characteristics of the image of Russia as it is seen in the EU. In mass consciousness the image of Russia in the EU might be characterized as positive: Russia is perceived as important for Europe (87.8%), strong (86.1%), independent (85.0%), spiritual (83.0%), friendly (78.8%). Quite strong is the attitude that Russia is a country relatively similar to Europe: peaceful (68.7%), developed (67.6%), open (64.2%), allied (63.0%), democratic (58.5%) and lawful (57.2%).

The majority of Russians believe that the EU is definitely or rather positive towards Russian authorities (72.5%), people (73.2%), and country as a whole (72.0%).

The relations between the European Union and its neighbours

The survey results show that Russian population has a weak awareness of which countries are the neighbours of the European Union. Only a half of the respondents could indicate Ukraine (52%), Belarus (49.2%) and Russia (46.7%). One out of three mentioned Moldova (30.2%). Every fifth survey participant included in this list not only Georgia (20.2%), Turkey (21.5%), a candidate county, but also those which became member states of the EU – Lithuania

(18.8%) and Estonia (18.6%). A handful of respondents consider to be member countries the UK, Germany, Finland and Italy to the neighbour states (7.8%, 6.9%, 8.5%, and 5.9% respectively).

Only few survey participants aware of such neighbouring states at the Caucasus as Armenia (15.5%), Azerbaijan (13.8%). Geographical neighbours of the EU, Lichtenstein and Switzerland were also noted by small number of respondents (13.4% and 9.5% respectively). Very few know that the EU neighbours include Tunisia and Morocco (5.7% and 5/3% respectively).

In Russian mass conciseness the relations between the EU and its neighbours are perceived as positive. Large majority of respondents consider them very good or rather good (4.5% and 69.2% respectively. Only 7.6% of the participants of the study believe that those relations either very bad (0.6%) or rather bad (7.0%).

At the same time the public opinion finds it very unlikely for the majority of the CIS countries to join the European Union. According to the surveyed Russians, Russia and Ukraine have the highest chance to enter the EU – respectively 5.7 and 5.3 out of 10 points. Other countries, such as Georgia, Belarus, Moldova, Armenia, Azerbaijan, have less chances to join the European Union (the means scores range from 4.4 to 3.8).

How does the Russian public opinion perceive the gradual enlargement of the European Union, the development of various form of cooperation with other countries? The most support has received a policy implying that the EU should encourage other countries to join in the future, but the process should not be too fast (17.7% strongly agree, 46.6% - rather agree).

The same amount of support finds in Russian public opinion another option: instead of membership in the EU to develop other forms of cooperation with other countries (26.6% agree, 39.7% - rather agree). Perhaps, in both options were suggested as alternatives in one question, the distribution of responses would differ. Generally, we can suppose that bother gradual enlargement of the EU and development of various partnership programs with neighbouring countries would be approved by the majority of the Russians.

The European Neighbourhood Policy (ENP) as a form of collaboration with the European Union is very little known among the population of Russia: only 9% of respondents heard of it.

The Russians demonstrate low awareness of the countries covered by the ENP. Most often suggestions were Russia[31], Ukraine, Belarus (respectively 39.7%, 39.0% and 30.1% of those who heard of the ENP). In general, the respondents quite often included in the list of the countries involved in the ENP a

---

[31] *The ENP does not cover Russia. The relations between Russia and the EU develop in the framework of other international agreements.*

number of the EU member states and candidate states. Obviously, the public opinion is ready to refer to the ENP any European and neighboring countries.

The research tasks also included the study of the ideas of the Russians regarding the goals of the ENP. In mass consciousness, the European Union tends to protect their own interests in the framework of the ENP, to increase their security (59.6%). Only a minor share of the respondents find in the ENP purposes a care for neighbors, their prosperity and stability.

The perspectives of the development of the EU-Russia relations

The Russians estimate the relations between the EU and Russia positively: 3.9% consider them very good and 68.4% as rather good. Only few believe that those relations are very bad (1.3%) or rather bad (14.9%).

However according to other data, the FOM public opinion poll done in September 2008, the relations with the EU were perceived in a different way. The negative attitude prevailed: 39% noted that the relations are bad, while the number of positive responses comprised 21% [2].

Possibly, such indicators are related to the situation of that period, as earlier data (as of 2006) might be an evidence of the positive perception of the EU-Russia relations (56%) [3].

It is important to emphasize that despite Russian positive image in the perception of the EU, in mass consciousness the relations between them are not always based on the equality and mutual benefits. The opinions divided: 38.4% believe that in those relations the interests of the EU dominate and 37.6% hold the position that the relations are equal and mutually beneficial. Only one out of ten (10%) believes that those relations are mostly shaped by the interests of the Russian Federation.

The Russians are sure in the sustainability of good relations between Russia and the EU: the majority believes that those relations either not changing (39.7%) or improving (36.3%). Only a few find some deterioration in the relations (8.4%).

Russia is an important partner of the EU, and the EU is interested in those relations – that is an opinion of the two thirds of the survey participants (65.9%). The opposite opinion was expressed by only 14.3% respondents. One out of five found it difficult to reply to this question (19.8%).

The interest of the EU in Russia is above all explained by Russian natural (34.8%) and energetical resources (30.9%). Another quite important factor is economical interest in Russian markets, increasing turnover, investments, etc. (17.8%). The respondents do not connect the interest for Russia with military and political partnerships (6.6%), nuclear armament (5.3%), intellectual resources (2.2%). Few believe that Russia is attractive for the European Union as a perspective, economically strong, stable and prosperous country (8.8%).

The Russians are sure in the stability of long-terms relations with the EU: Russia is perceived as a strategic partner (67.6%) and a friendly country (64.9%) not threatening European stability and security (61.5%), not an enemy (77.4%) nor a "lower sort" country (61.3%).

Current state of the EU-Russia relations is most often assessed as gradual rapprochement (39.3%). Other 17.2% noted a proactive cooperation in a number of areas. However, one third believes that there are more conversations rather than real actions (30%). Only 2.9% survey participants claimed total absence of collaboration.

In mass perception, the economic and trade cooperation prevail in the relation (64.4% and 63.6% respectively). But other forms of cooperation are also being developed, among which are areas of science and technology (34.5%), student exchanges (30%). Borderland cooperation was noted by 22.3% respondents; few (14.4%) indicated the participation of Russia in the decision-making of European institutions (European Council, European Commission).

What is attractive in the experience of the European Union for Russia? Most often survey participants mentioned the experience in the area of market economy (77.3% agree or rather agree), social security (76.5%), and political democracy (66.5%). Apparently, these are the achievements and values which Russia lacks.

The experience of the EU in the area of national security: the opinions are evenly divided (45.3% believe it is useful to be learnt for Russia and 44.9% disagree with this position).

Religious tolerance and cultural diversity proved to be the areas where European experience is hardly applicable (56.7% disagree that experience in religious tolerance should be learnt, 32.6% consider this experience useful; respective indicators for cultural diversity are 53.2% and 37.8%)

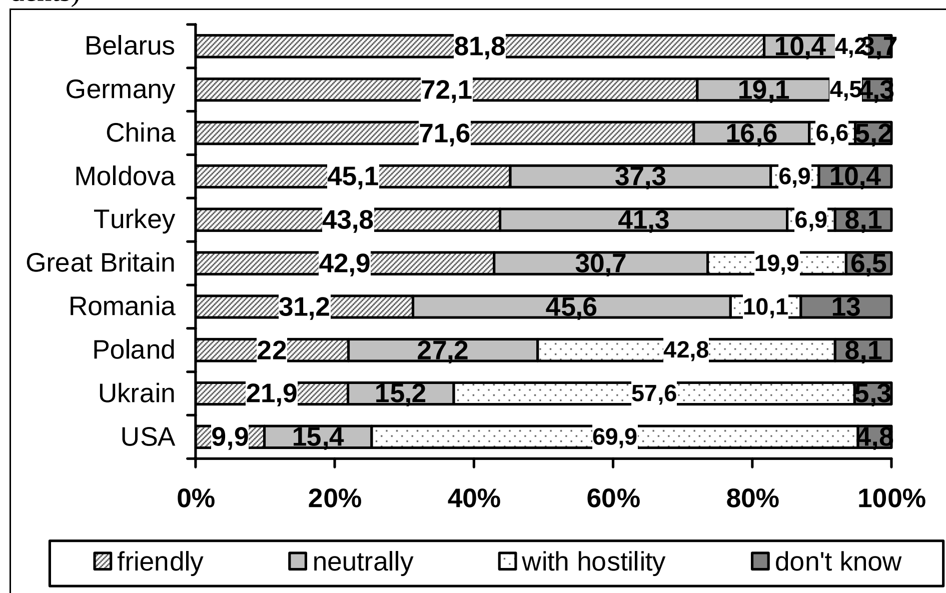
It was an important finding in this research that in mass consciousness the European Union is a partner of highest priority: at the first place were not the CIS countries, as it was expected, but the EU. According to the largest share of respondents (38.5%), it is the relations with the EU which will most correspond to the Russian national interests, while the priority to the CIS was given by less number of respondents (31.3%). One out of ten prefers cooperation with China (11.1%). Only a few mention special relations with the USA (4.1%); the interest to them little differs from the interest in Arab world (2.7%).

When the survey participants had to choose between partner relations with the West countries and CIS countries, almost three quarters (72.2%) preferred a compromise: "equally with both". The priority was given to the CIS by 15.7% of respondents, while to Western countries – by 7.5%. At first sight, the most consistent was the position of those supporting collaboration with the CIS: almost a half of them suggests developing the partner relations primarily with for-

mer Soviet republics. Only a fifth part of supporter of the cooperation with the EU considers relations with the West a priority. This result might partly be received due to the inaccuracy of the research instrument. We have already seen many times that Russian public opinion has different attitudes towards the European Union and the USA, while the term “countries of the West” unites them into one category.

At the level of mass consciousness, the priorities in partnership relations might be based upon the ideas about friendly or hostile attitudes of those countries towards Russia. In this study, the respondents were suggested to assess 10 countries (Diagram 2).

Diagram 2. How do the following countries relate to Russia? (% of respondents)

Some positions of this ranking were quite expectable, some require special attention. Russian people have traditionally positive attitude towards the Belarusians. There were no serious conflicts between two countries, so not surprisingly the attitude of Belarus is perceived by the majority of respondents (81.8%) as friendly. Almost three quarters of survey participants consider Germany and China friendly countries (respectively 72.1% and 71.6%). It is remarkable that the perception of Germany is not dependent upon the age of respondents. Pensioners, the oldest age cohort, many of which were witnesses of the World War II

or grew up in the period of post-war devastation, assess the attitude of modern Germany towards Russia like the young people do.

Moldova, Turkey and the UK comprise a cluster of states which, according to the survey results, have friendly-neutral attitude towards Russia. The estimations characterizing first component of this definition vary between 45-43%, second – 41-31%.

Romania in mass perception looks like a neutral-friendly country, but Poland, Ukraine and the USA are seen by public opinion as hostile states.

Negative attitude towards the USA in Russian public opinion has gradually increased over recent decade. However, according to this study, it became enduring: two thirds (66.9%) of respondents find this state hostile to Russia. It would be a serious challenge to change those fixed attitudes.

Nonetheless, the most disturbing situation can be found regarding the perception of Ukraine. The situational factor was, of course, influential: the support to Georgia during recent conflict, expectation of new "gas war", etc. Along with this, Russian public opinion perceives Ukrainian attitudes rather hostile: 57.6% respondents believe that Ukraine demonstrates a hostile attitude towards Russia, and only 21.9% find it friendly. Those results require a thorough analysis of the situation and efficient measures aimed at normalisation of the relation of those two countries populated by ethnically and historically close nations.

The estimation of chances of Russia to enter the EU

Positive attitude towards the EU is also supported by the fact that more than a half of respondents (58.5%) would approve Russia joining the European Union. Only 16.7% would not support such an act. However one out of four survey participants (24.8%) could not answer this question. It is important to emphasize that being positive about the opportunity to enter the EU, the Russians do not strive to join the EU. According to FOM public opinion poll, only 30% of respondents believe that Russia should strive for it, while almost the same number (27%) are sure in the opposite (others could not respond to this question) [2].

Nearly half (46.6%) thinks that entering the EU would be beneficial both for the EU and Russia. But a quarter believes that such a step would be beneficial mostly for the EU, while only 12.6% find this an advantage mostly for Russia.

Conclusion

Overall, the results of the research confirm and specify the existing ideas of the political values of the Russian population, provide quite consistent portrait of the public opinion of the country towards European political institutions. The estimation of those institutions and theory policy revealed in this study generally fit the common sense.

Like in the USSR, the vast majority of the population of modern Russia has virtually no relation to the international activity of government. However then and today the population feel almost no difficulties to express their views on international situation. The per cent of those who could not respond was generally even lower than usually, while the topic of the study implied some special knowledge. Only that gives an opportunity to conclude that foreign affairs component of the news and analytical programs of electronic mass media is still one of the key components, and the estimations suggested by them do not contradict to the public opinion prevailing in the country today.

Survey data allows to fix that Russian public opinion is generally positive towards the European Union as a zone of stability and economical well-being. The CIS concede in those important for modern Russians criteria to the EU, so the estimations of the CIS are moderately positive. On the contrary, NATO is perceived a threat to the stability and well-being and is evaluated by the majority of respondents negatively. The absolute majority perceived Germany as a kind of “business card” of the European Union, as a state symbolizing their achievements.

The most of survey participants have rather adequate ideas about the EU as an economical and political association of European states, about its key member states, about the location of the capital. Along with this, there is little awareness and interest of the majority of the Russians in specific issues of European policy. Such form of the cooperation with the EU as the European Neighbouring Policy is almost unknown in Russia.

Public opinion perceived the EU-Russian relations generally positively, however they are not always equal and mutually beneficial. Positively perceiving the EU, the most of respondents believe that the EU population have a friendly attitude towards Russia. In most cases the perception of the EU is not based on personal experience, the impressions received while visiting those countries.

One of the essential directions of foreign affairs, according to the majority of respondents, is to establish and develop partner relations primarily with the EU states. In this sense, the CIS countries get lower priority conceding to the EU; moreover some former Soviet republics such as Ukraine have started to move to the list of hostile countries. The most negative are the attitude of the Russians towards the USA, and that would be very difficult to change.

The absolute majority of survey participants support the foreign affairs policy of Russia. The most radical steps of Russian government on the international arena correspond to the expectations of the most of the Russian populations. Also, the survey results show that in mass consciousness there are no anxiety, phobias related to the national security of Russia.

References

1. Pantin V.I. Politicheskaya I tsivilizatsionnaya samoidentifikatsia sovremennogo rossiiskogo obschestva v usloviyakh globalizatsii [Political and civilisational self-identification of the modern Russian society under conditions of globalization]. // Polis, 2008, #3. Retrieved from http://www.politstudies.ru/fulltext/2008/3/3.htm/.
2. FOM. Russia and the European Union. Public opinion poll by FOM. September 11 2008. Retrieved from http://bd.fom.ru/report/cat/_west_rel/eurosoc/d083622
3. FOM. Russian and the European Union. Public opinion poll by FOM. June 8 2006. Retrieved from http://bd.fom.ru/report/cat/_west_rel/eurosoc/dd062225

Received by the editorial board
on January 9, 2010

COMPARTIMENTUL
RELAȚII INTERNAȚIONALE

UNIUNEA EUROPEANĂ ÎN CĂUTAREA UNUI ECHILIBRU A INTERESELOR ÎN SPAȚIUL EX-SOVIETIC.

Vitalie GROSU
Republica Moldova, Chişinău, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea de Relații Internaționale, Ştiințe Politice şi Administrative, Catedra Relații Internaționale
Lector, doctorand

Cet article examine les politiques et les mécanismes d'action de l'UE dans l'ancien espace soviétique, à partir de la prémisse que la région est très important pour la stratégie extérieure européenne. Dans l'article sont présenté les fondements de la politique étrangère de l'Union en général et celles dans l'ancien espace soviétique en particulier. Placé dans une structure logique, l'article examine ainsi les mécanismes d'action comme: la Politique Européenne de Voisinage, les relations de partenariat, la Synergie de Mer Noire, le Partenariat de l'Est, la Stratégie européenne pour l'Asie Centrale, etc. Partant du fait que les relations économiques sont un important aspect de l'interaction entre l'UE et les anciens pays soviétiques, une attention particulière est accordée aux relations dans le secteur énergétique entre l'UE et la Russie, en essayant découvrir les intérêts spécifiques des deux parties et l'impact du cette interaction sur les politiques des autres pays de la région.

Bien sûr, les pays ex-soviétiques pendant la période d'après guerre froid furent profondément troublés par l'apparition d'une série des conflits qui ont entraîné de graves conséquences négatives pour les intéresses de toutes les parties. À cet égard, dans l'article sont analysé les fondements de la participation de l'UE dans le règlement de celle-ci et la réaction de la Fédération de Russie contre une telle politique. L'attention est accordée à la participation de l'UE dans les conflits dans le Caucase du Sud et du Moldavie. Soulignant l'approche spécifique de l'UE de différents pays ex-soviétique cela a permis la détermination de l'intérêt générale de l'Union pour la région entière.

În decursul evoluțiilor postbelice UE a devenit unul dintre actorii cei mai importanți ai sistemului relațiilor internaționale. Cu cele trei extinderi din perioada Post-Război Rece (1995, 2004, 2007), UE a devenit piața economică numărul unu în lume, iar pe fonul unei astfel de evoluții UE a pretins a deveni nu numai puterea economică numărul întâi, dar a manifestat ambiția de a deveni şi

unul dintre cei mai eficienţi actori pe plan politic regional şi mondial. În acest sens, UE a dezvoltat un şir de iniţiative în vederea eficientizării mecanismului său de funcţionare, fapt ce s-a manifestat prin adoptarea Tratatului de la Maastricht în 1993, semnarea Tratatului de la Amsterdam în 1997, adoptarea Tratatului de la Nisa în 2003, tentativa adoptării unei Constituţii europene (proiectul din 2004), şi în cele din urmă, adoptarea în 2009 a Tratatului de la Lisabona care urmează să inducă profunde transformări de structură şi funcţionare a UE.

Implicarea UE în spaţiul ex-sovietic reiese din strategia generală de politică externă a Uniunii. În conformitate cu prevederile Tratatului Uniunii Europene obiectivele generale de politică externă şi securitate comună pot fi înscrise şi în politica Uniunii faţă de ţările ex-sovietice, iar printre principalele sarcini ale PESC enumerate în Tratat pot fi menţionate: apărarea valorilor comune, a intereselor fundamentale, a independenţei şi integrităţii Uniunii în conformitate cu principiile Cartei ONU; consolidarea securităţii Uniunii; menţinerea păcii şi consolidarea securităţii internaţionale în conformitate cu principiile Cartei ONU; promovarea cooperării internaţionale; dezvoltarea şi consolidarea democraţiei şi a statului de drept, precum şi respectarea drepturilor şi libertăţilor fundamentale ale omului [3, 535].

Strategia Securităţii Europene adoptată în 2003, consolidează aceste obiective ale Uniunii Europene, dar merge mai departe prin identificarea principalelor ameninţări la adresa securităţii europene, ameninţări care şi v-or constituit fundament al acţiunilor UE în afara hotarelor sale. Astfel, printre principalele ameninţări menţionate în Strategia Securităţii Europene pot fi enumerate, probleme precum terorismul, proliferarea armelor de distrugere în masă, conflictele regionale, eşecul statal, criminalitatea organizată. În acest sens, Strategia Securităţii Europene stabileşte că politicile UE v-or fi orientate în vederea neutralizării acestor ameninţări, dar prevede totodată, că contracararea unor astfel de probleme va avea loc prin „construirea securităţii în vecinătatea Uniunii şi instituirea unei ordini bazate pe multilateralismul eficient” [4].

Primele implicaţii organizate şi structurate ale UE în spaţiul ex-sovietic le reprezintă semnarea aşa-numitelor Acorduri de Parteneriat şi Cooperare (APC), documente cadru încheiate de către UE şi ţările partenere în vederea creării unei baze legale pentru cooperare. De regulă, aceste acorduri urmăreau obiective precum: asigurarea unui cadru corespunzător dialogului politic între părţi care ar permite dezvoltarea relaţiilor politice; promovarea comerţului şi investiţiilor, precum şi a relaţiilor economice armonioase pentru încurajarea dezvoltării economice durabile; asigurarea bazei pentru colaborare în domeniile legislativ, economic, social, financiar şi cultural; susţinerea eforturilor de consolidare a democraţiei, de dezvoltare a economiilor şi de finalizare a tranziţiei la economiile de piaţă [1, 299]. Astfel, în decursul anului 1994 UE a semnat cu majoritatea statelor ex-sovietice acest tip de acorduri. Totuşi, trebuie de recunoscut că acestea v-

or intra în vigoare cu o întârziere semnificativă, în mediu 3-5 ani. Pentru Armenia APC va intra în vigoare abia la 1 iulie 1999, Azerbaijan – 1 iulie 1999, Georgia - 1 iulie 1999, Federaţia Rusă – 1 decembrie 1997, Kazahstan - 1 iulie 1999, Kirghistan - 1 iulie 1999, Moldova - 1 iulie 1998, Ucraina - 1 iulie 1998, Uzbekistan - 1 iulie 1999. Procesul ratificării şi intrării în vigoare a APC-urilor scoate în evidenţă o particularitate a regiunii ex-sovietice, în sensul că ratificarea acestora se va realiza numai după ce un asemenea pas va fi efectuat de către Federaţia Rusă, care a manifestat continuu pretenţii vădite de a juca un rol hegemonic în spaţiul ex-sovietic, regiune identificată în actele sale strategice ca „sferă a intereselor sale exclusive".

Deşi APC-urile, semnate în decursul 1994, au reprezentat fundament al cooperării UE cu ţările ex-sovietice, trebuie de menţionat că încă în 1991 UE a elaborat aşa numitul instrument de Asistenţă Tehnică pentru statele membre a CSI (TACIS) care avea ca obiectiv acordarea sprijinului necesar în vederea „stabilirii condiţiilor favorabile economiei de piaţă şi întăririi democraţiei" în ţările vizate. În momentul iniţierii sale TACIS a fost prezentat de către Comisia UE ca un program de „schimb de experienţă şi transfer de competenţe" şi a fost orientat esenţialmente spre finanţarea prestaţiilor intelectuale. Realizat în două etape, respectiv 1991-1999 şi 2000-2006, programul TACIS a fost înlocuit în 2006 cu Instrumentul European de Vecinătate şi Parteneriat (IEVP), iar o bună parte din activităţile prevăzute în programul TACIS au fost preluate de IEVP. În prima etapă a derulării programului TACIS(1991-1999) Rusia a fost principalul beneficiar al suportului financiar acordat, asimilând peste 30% din alocaţiile financiare sau aproximativ 1,2 mlrd. Euro. Pentru cea de-a doua etapă a programului (2000-2006), Consiliul UE a prevăzut alocaţii bugetare pentru ţările CSI în sumă de 3,138 mlrd Euro [18]. Domeniile prioritare de intervenţie şi suport a Uniunii au fost stabilite în acord cu fiecare ţară în parte, în dependenţă de necesităţile acestora, iar programul în general s-a concentrat pe acţiuni, precum: reformele instituţionale, administrative şi juridice; siguranţa nucleară; susţinerea sectorului privat şi promovarea reformelor economice; dezvoltarea economică durabilă şi combaterea sărăciei; susţinerea dezvoltării democratice [5, 12/1].

Recunoscându-se în cadrul Strategiei Securităţii Europene din 2003 importanţa ţărilor vecine, inclusiv al celor din spaţiul ex-sovietic, în dezvoltarea şi securitatea Uniunii, Consiliul european a solicitat Comisiei elaborarea unui document care ar stabili cadrul unei politici coerente adaptată realităţilor posterioare aderării celor zece state din Europa Centrală şi de Est în 2004, care să formuleze cadrul general al Politicii Europene de Vecinătate(PEV) ca politică oficială a UE faţă de vecinii săi. În martie 2003 Comisia a prezentat Comunicarea „Europa lărgită – Vecinătatea: un nou cadru pentru relaţiile cu vecinii noştri din Est şi Sud" care menţiona pentru prima dată noţiunea de Politică Europeană de Vecinătate şi definea un nou cadru al relaţiilor Uniunii cu vecinii săi. Următorul

pas important în dezvoltarea PEV l-a prezentat Comunicarea Comisiei „Politica Europeană de Vecinătate – document de strategie” din 12 mai 2004, Comunicare prin care au fost definite obiectivele, principiile şi metodele ce urmează a fi utilizate la implementarea PEV. În acest sens, PEV reprezintă un alt mecanism prin care UE a intervenit în spaţiul ex-sovietic, mecanism care s-a dovedit a fi destul de a ambiţios pentru a pretinde sporirea prezenţei UE în regiune. Politica Europeană de Vecinătate se bazează pe gradul de implementare a reformelor democratice, economice şi sociale de către statele vecine şi are ca obiective următoarele sarcini: dezvoltarea relaţiilor comerciale preferenţiale cu statele vecine şi promovarea politicii de deschidere a pieţelor; dezvoltarea unei politici ce ar garanta migraţia şi libera circulaţie a persoanelor; prevenirea şi combaterea riscurilor la adresa securităţii comune; sporirea implicării UE în prevenirea conflictelor şi gestionarea situaţiilor de criză; integrarea reţelelor transport, energetice şi de telecomunicaţii; promovarea drepturilor omului, cooperării culturale şi a înţelegerii reciproce; promovarea şi protecţia investiţiilor; abordarea diferenţiată a fiecărei ţări, în dependenţă de specificul şi nevoile acesteia [6]. În afară de ţările bazinului mediteranean acoperite de PEV, ţările ex-sovietice integrate în această politică sunt: Republica Moldova, Ucraina, Belorusia, Georgia, Azerbaidjan, Armenia. Federaţia Rusă nu a fost inclusă în această iniţiativă europeană din cauza că UE încearcă să dezvolte un sistem aparte al relaţiilor cu această ţară. Din iulie 2008 UE şi Federaţia Rusă sunt implicate într-un proces de negociere a unui nou cadru juridic ce ar reglementa relaţiile dintre cele două părţi, ca urmare a expirării Acordului de Parteneriat şi Cooperare între cele două părţi încă în 2007. Deşi e foarte complicat a ne expune asupra eficienţei acestor negocieri, trebuie de menţionat totuşi, că negocierile sunt profund marcate de divergenţe, uneori conflictele la nivel bilateral între Rusia şi unele state membre a Uniunii perturbând în general negocierile, cum a fost de exemplu decizia Poloniei de a bloca iniţierea negocierilor.

Deşi constituie un important instrument de implicare a UE în spaţiul ex-sovietic, PEV nu reprezintă, totuşi, o politică rigidă şi uniformă. Astfel, spre deosebire de relaţiile cu celelalte ţări a spaţiului ex-sovietic implicate în PEV, relaţiile dintre UE şi Belorusia sunt practic blocate şi au de parcurs încă etape incipiente, cum ar fi necesitatea semnării APC-ului, elaborării şi implementării unui Plan de Acţiuni, etc. De asemenea, trebuie de atras atenţie faptului că în 2007 Consiliul UE, la iniţiativa Germaniei, a adoptat aşa numita Sinergie a Mării Negre, care reprezintă o iniţiativă de completare a politicii UE la nivel regional şi care are ca obiectiv îndreptarea atenţiei politice în regiune şi impulsionarea proceselor de cooperare aflate deja în desfăşurare. Trebuie de menţionat că Sinergia Mării Negre nu reprezintă o nouă strategie a UE în regiune, ci este o continuare şi completare a iniţiativelor anterioare bazate pe: procesul de pre-aderare a Turciei, parteneriatul strategic cu Federaţia Rusă şi PEV. Principalele domenii de

cooperare în cadrul Sinergiei Mării Negre sunt: democrația, drepturile omului şi buna guvernare; gestionarea circulației şi ameliorarea securității; conflictele înghețate; sectorul energetic; transport; mediu; politică marină; pescuit; comerț; cercetare; ocuparea forței de muncă; dezvoltare regională; cooperare trans-frontalieră; organizațiile regionale, etc [7].

Mai consistentă şi perceptibilă este o altă inițiativă elaborată de UE pentru unele țări din spațiul ex-sovietic, Parteneriatul Estic, care reprezentă o inițiativă din primăvara anului 2008 a Poloniei şi Suediei. Parteneriatul Estic urmăreşte intensificarea cooperării între UE şi partenerii săi în astfel de domenii precum: democrația; buna guvernare şi stabilitatea; integrarea economică şi convergența cu politicile UE; securitatea energetică; dezvoltarea contactelor personale între populații, etc. [8]. În conformitate cu inițiativa Comisiei, Parteneriatul Estic este propus Ucrainei, Republicii Moldova, Azerbaidjanului, Armeniei, Georgiei şi Republicii Belorusia, cu condiția ca această din urmă țară să continue reformele democratice. Pentru realizarea cooperării sunt prevăzute desfăşurarea re-uniunilor atât la nivel bilateral, cât şi multilateral, fiind încurajată atât cooperarea la nivel bilateral între UE şi țările partenere, cât şi cooperarea interguvernamentală între parteneri. Parteneriatul Estic presupune o acoperire financiară de 600 mln. Euro, care v-or fi gestionați în cadrul instrumentului financiar al PEV care îl constituie Instrumentul European de Vecinătate şi Parteneriat. Suma vizată este orientată spre trei direcții principale, respectiv: susținerea reformelor de implementare a programelor *Comprehensive Institution Building* (175 mln. Euro); programele regionale de dezvoltare (75mln. Euro); implementarea dimensiunii multilaterale a Parteneriatului Estic(aproximativ 350 mln. Euro) [9].

Implicarea Uniunii în regiunea ex-sovietică nu este omogenă şi depinde profund de interesele pe care aceasta le urmăreşte. În acest sens, dacă țările ex-sovietice ale Europei de Est şi cele ale Caucazului au fost acoperite de politici precum PEV, Sinergia Mării Negre, Parteneriatul Estic ş.a., țările Asiei Centrale au beneficiat de un instrument aparte al cooperării. Astfel, în iunie 2007 Consiliul a adoptat un nou document, „Uniunea Europeană şi Asia Centrală: Strategie pentru un Nou Parteneriat”, în cadrul căruia sunt identificate interesele strategice şi inițiativele UE față de statele regiunii central-asiatice, respectiv Kazahstan, Kirghizstan, Uzbekistan, Tadjikistan, Turkmenistan. Printre obiectivele principale urmărite de către UE în regiunea central-asiatică sunt menționate cele referitoare la democrația, stabilitatea şi securitatea regiunii. De asemenea, acordarea suportului pentru garantarea dezvoltării durabile a regiunii şi eradicarea sărăciei sunt alte importante obiective [10, 9]. În acest sens, pentru perioada 2007-2013 în cadrul acestei inițiative central-asiatice, UE a prevăzut un program de finanțare în sumă de 719 mln. Euro, program ce se concentrează pe astfel de acțiuni precum: cooperarea regională şi relațiile de bună vecinătate; eradi-

carea sărăciei şi creşterea nivelului de viaţă; promovarea bunei guvernări şi reformelor economice, etc. [11].

Deşi toate iniţiativele şi strategiile UE în spaţiul ex-sovietic acordă o atenţie prioritară obiectivelor dezvoltării democratice, garantării securităţii şi stabilizării situaţiei social-politice a regiunii, totuşi o componentă principală a UE în spaţiul ex-sovietic se referă la cooperarea economică. Astfel, pentru anul 2007 patru ţări ex-sovietice făceau parte din grupul primilor 50 parteneri economici a Uniunii, respectiv: Federaţia Rusă (poziţia 3), Ucraina (poziţia13), Kazahstan (poziţia 33) şi Belorusia (poziţia 36). Relaţiile comerciale ale UE cu Federaţia Rusă reprezintă 7,2% din totalul volumului comercial al Uniunii, în timp ce comerţul cu celelalte 3 ţări însumează doar 2,7% [17]. Totuşi, dacă pentru UE relaţiile comerciale cu Rusia reprezintă nu tocmai un volum deosebit de ridicat (puţin mai mult de şapte procente), situaţia este radical inversă în cazul în care se discută despre comerţul Federaţiei Ruse. Pentru Rusia, UE reprezintă principalul partener economic, cu un volum de 52,3% din totalul comerţului său exterior. În plus, pentru Federaţia Rusă, UE reprezintă principalul investitor străin, aproximativ 75% din totalul investiţiilor directe în ţară sau aproximativ 17 mlrd. Euro [12]. Într-un astfel de context, implicaţia UE în regiunea ex-sovietică denotă importante interese economice. De asemenea, chiar dacă volumul comerţului UE cu Rusia este impresionant, totuşi, trebuie de menţionat că interacţiunile economice dintre aceste părţi sunt axate preponderent pe importul produselor energetice, iar acest fapt nemulţumeşte oarecum Uniunea Europeană, deoarece dependenţa energetică faţă de Rusia a fost identificat ca unul din riscurile la adresa securităţii europene, diversificarea surselor de import fiind considerată ca una din priorităţile politicii UE în domeniu. În prezent, dependenţa energetică a UE faţă de Rusia este evaluată la 40% din totalul importurilor de gaze a Uniunii, iar acest volum al importurilor şi reprezentă mai mult de 60% din totalul relaţiilor comerciale cu Rusia.

Într-o astfel de situaţie UE este direct cointeresată în a scăpa de dependenţa energetică faţă de Rusia, strategiile sale urmărind obţinerea unor reţele care ar conduce la diminuarea dependenţei faţă de aceasta. Chiar dacă sub aspect de securitate energetică UE a pretins în ultimul timp să-şi dezvolte o politică comunitară, principalele eforturi de garantare a securităţii energetice a ţărilor membre oricum se realizează prin acţiuni guvernamentale individuale. În situaţia dată, Rusia nu este deloc cointeresată a pierde din monopolul energetic european, fapt manifestat prin iniţierea construcţiei a încă două gazo-conducte ruse spre UE, prima urmează să străbată Marea Baltică şi a doua ar urma să străbată Marea Neagră, respectiv *„Nord Stream”* şi *„South Stream”*. Aceste iniţiative geo-economice şi geo-strategice ale Rusiei vin în contradicţie cu intenţia UE de a scăpa de monopolul gazului rusesc menţionată şi în Strategia securităţii energetice a Uniunii. Intenţia UE de diversificare a importurilor se concretizează în constru-

cția unei gazo-conducte care ar ocoli spațiul rusesc, fapt ce ar conferi mai multă libertate şi independență țărilor membre a Uniunii, cum ar fi proiectul *Nabucco*. Totuşi, proiectul gazo-conductei *Nabucco*, ca şi proiectul rusesc „South Stream”, urmăreşte transportarea resurselor energetice din bazinul caspic şi central-asiatic spre țările Europei. În o atare situația se pare că între UE şi Rusia se duce o adevărată bătălie economică, iar lipsa de consens între țările europene este foarte bine speculată de către cea din urmă. Astfel, deşi la data de 13 iulie 2009, la Ankara, mai multe guverne partenere şi membre a UE (Turcia, România, Austria, Bulgaria, Ungaria) au semnat Convenția interguvernamentală privind Nabucco, Rusia nu a cedat şi a reuşit să atragă în proiectul *South Stream* importanți jucători ai pieței energetice europene cointeresând importante companii din sectorul energetic european din țări precum: Slovenia, Franța, Bulgaria, Italia, Austria, iar proiectul *South Stream* a revenit din nou în jocul geostrategic regional, deşi după semnarea acordului referitor la Nabucco mai mulți experți îi preziceau falimentul. În contextul în care ambele proiecte din partea sud-estică a Europei au şanse reale de a deveni funcționale, forțele / părțile implicate în acest proces al reorganizării ordinii geo-economice regionale duc o adevărată luptă pentru încheierea contractelor de aprovizionare cu resurse. Astfel, Gazprom-ul a contractat importante rezerve de gaz atât din Azerbaidajan, cât şi din Turkmenistan, iar în cazul adepților proiectului Nabucco de asemenea poate fi evidențiată o întreagă rețea de contracte de livrare a gazului, şi chiar dacă încă nu există o certitudine cu privire la caracterul complet al surselor de livrare a gazelor. Într-un astfel de context, totuşi, trebuie de menționat că UE şi țările sale membre par să contribuie la o dezvoltare concurențială a economiilor din regiunea Mării Caspice şi Mării Negre, fapt care creează condiții pentru dezvoltarea tradițiilor de cooperarea între părțile regiunii şi depăşirea monopolului rusesc în exploatarea şi livrarea gazelor pe piața europeană şi cea est-europeană.

Desigur, prezența UE în regiune şi procesul continuu de extindere a acesteia spre Est nemulțumeşte Federația Rusă, deşi Preşedintele Federației Ruse a evitat să spună acest lucru tranşant. Analiza relațiilor dintre cele două părți ne permite să presupunem că Rusia a acceptat politica concurenței, deşi nu întotdeauna loiale, iar pe fonul unor evoluții de acest tip aceasta tinde a trasa o linie a extinderii UE, fapt demonstrat şi de faptul identificării în cadrul Concepției de politică externă adoptată în 2008 a spațiului ex-sovietic ca prioritate numărul unu. Acceptarea, însă, a regulilor economiei de piață de către Rusia şi referirea întotdeauna la dezvoltarea relațiilor exclusiv pragmatice, deşi nu întotdeauna şi în sectorul energetic, pare să manifeste apariția unui consens relativ între părți sau cel puțin acceptarea de către țările europene a faptului că Rusia constituie unul dintre actorii primordiali ai regiunii interesele căreia trebuie respectate. Cu toate acestea, implicarea actorilor europeni în structurarea ordinii geo-economice a bazinului Mării Negre şi Mării Caspice induce serioase implicații în modelarea ordinii ge-

opolitice a întregului spațiu ex-sovietic. În acest context UE este orientată spre dezvoltarea unui sistem de relații cu țările ex-sovietice în cadrul unui parteneriat / înțelegere cu Federația Rusă. Pe un astfel de fundal incertitudinea evoluțiilor este foarte sporită. Deşi nu avem intenția de a intra în detalii privind subiectul de mai jos, se pare, totuşi, că prin acceptarea regulilor unor relații mai profunde cu UE în sectorul energetic, Rusia urmăreşte lovirea asupra consensului euro-atlantic de participare în operațiunile din Orientul Mijlociu unde sunt invocate profunde interese energetice a europenilor. Iar într-un astfel de context, durabilitatea relațiilor euroatlantice pare să fie tocmai acel mecanism care este capabil să echilibreze revenirea în forță a Rusiei, după cum şi aceasta pretinde. Pe un astfel de fundal, atitudinea experților şi liderilor europeni față de parteneriatul euroatlantic, care intuiesc în politica externă a Rusiei anumite comportamente abuzive, ar trebui să denote o atitudine mult mai serioasă, iar acest fapt se referă şi la liderii unor țări ex-sovietice.

Destrămarea URSS a fost profund marcată de declanşarea unui şir de conflicte care s-au soldat cu consecințe dezastruoase pentru toate părțile implicate. Reieşind din documentele sale de bază ce se referă la politica externă, UE din start s-a arătat cointeresată în vederea rezolvării conflictelor secesioniste din spațiul ex-sovietic, deşi acțiunile sale în practică au cunoscut o evoluție oarecum mai lentă. Ca urmare a evoluției specifice a relațiilor dintre UE şi statele ex-sovietice, primele implicații ale Uniunii în reglementarea conflictelor în spațiul ex-sovietic au fost foarte simpliste. Fundamentate pe Acordurile de Parteneriat şi Cooperare şi suplimentate prin finanțările din cadrul programului TACIS, strategiile europene au fost mai mult de ordin general. Totuşi, odată cu trecerea timpului UE a elaborat strategii mult mai consistente şi directe de implicare în mecanismul de reglementare a acestor conflicte, iar acest fapt a avut loc în paralel cu conştientizarea / definirea intereselor economice, politice şi geostrategice a UE în spațiul ex-sovietic. Astfel, în 2003 UE a decis trimiterea unei misiuni Speciale Reprezentative pentru Caucazul de Sud (EUSR) obiectivul central al căreia era de a contribui la promovarea reformelor economice şi politice în Armenia, Azerbaidajan, Georgia; prevenirea şi reglementarea conflictelor înghețate în regiunea vizată; încurajarea cooperării între state, etc. [13, L169/74]. Stabilită inițial pentru o perioadă de jumătate de an, misiunea va fi prelungită în 2003 şi 2006. De asemenea, la 28 iunie 2004, în baza unei Acțiuni Comune, Consiliul UE a decis trimiterea unei misiuni civile în Georgia, EUJUST Themis Georgia, care deşi se referea la reformele generale din domeniul statului de drept, avea totuşi implicații şi asupra procesului de reglementare a conflictelor. În cadrul acesteia Georgia beneficiază de importantă susținere în vederea reformării sistemului de justiție, reformele generale în țară fiind privite ca şanse pentru crearea unui climat favorabil reglementării conflictelor. Prin intermediul EUSR pentru Caucazul de Sud, în special pentru Georgia au fost alocate mai mult de 32 mln.

Euro care au fost orientate pentru desfăşurarea programelor de încredere a dezvoltării economice [14]. De asemenea, dacă este să ne referim la rolul UE în conflictele corelate regiunilor separatiste din Georgia, în conformitate cu actele de strategie UE urmăreşte cooperarea strânsă cu organizaţii precum OSCE sau ONU, care dispun de misiuni speciale în cadrul conflictelor georgiene.

Războiul ruso-georgian din august 2008 a neutralizat eforturile UE depuse până în acest an în vederea reglementării paşnice a conflictelor secesioniste din Georgia. Cu toate acestea, UE a decis imediat lansarea unei misiuni de monitorizarea a situaţiei, constituind astfel primul actor care s-a implicat rapid în căutarea şi identificarea soluţiilor pentru stoparea şi rezolvarea conflictului [15, L248/26]. Prin declaraţia din 25 august şi deciziile care au urmat, UE a atras atenţia părţilor asupra necesităţii respectării dreptului internaţional şi căutării paşnice a soluţiilor ieşirii din criză. În baza deciziei din 25 septembrie 2008, în funcţie de reprezentant al UE pentru gestionarea crizei a fost numit Pierre Morel, mandatul căruia a fost prelungit şi în 2009. Eforturile UE de elucidare a cauzelor crizei, ajutoarele umanitare şi financiare acordate de către UE imediat după operaţiunile militare, poziţia corectă luată faţă de excesele comise de către ambele părţi implicate şi care au fost relatate la nivelul cuvenit în raportul UE au demonstrat încă o dată în plus valoare care o induce UE la stabilizarea situaţiei în regiune.

Implicaţii semnificative dispune UE în reglementarea conflictului dintre Azerbaidjan şi Armenia din cauza regiunii separatiste Nagornâi Karabah. În acest sens, UE a prevăzut până în prezent o susţinere activă a reglementării conflictului prin intermediul ajutorului acordat societăţii civile, promovării drepturilor omului şi a valorilor democratice în ambele ţări [16]. De asemenea, UE urmăreşte strategii de reconstrucţie şi reamenajare a zonei de conflict şi acordarea sprijinului pentru revenirea în regiune a azerilor emigraţi din zonă în decursul anilor, precum şi finanţarea programelor de înlăturare a acumulărilor excesive de arme convenţionale. Instaurarea încrederii între părţi, desigur este un alt instrument larg aplicat în strategia UE faţă de conflictul vizat.

Un alt conflict intra-statal din spaţiul ex-sovietic în reglementarea căruia este implicată UE este cel din Republica Moldova. În acest sens, implicarea UE în acest conflict reprezintă rezultatul insistenţei Republicii Moldova care de mai mulţi ani a atras atenţia asupra necesităţii unei mai largi participări a partenerilor occidentali, fapt datorat imposibilităţii de a-şi impune de sine stătător interesele în faţa Rusiei. Astfel, în 2005 atât UE, cât şi SUA au fost recunoscuţi ca participanţi cu statut de observatori la procesul de negociere format din Rusia, Ucraina, şi respectiv Chişinău şi Tiraspol. De asemenea, la 30 noiembrie 2005 UE a lansat o misiune de asistenţă la frontieră în Moldova şi Ucraina, pe segmentul transnistrean a hotarului moldo-ucrainean. Obiectivele acestei misiuni urmăresc întărirea colaborării între Republica Moldova şi Ucraina în scopul armonizării

standardelor şi procedurilor lor de gestionare a frontierei cu cele europene; întărirea capacităţilor serviciilor vamale a acelor două ţări; dezvoltarea capacităţilor de analiză a riscurilor; promovarea cooperării transfrontaliere, etc. programată iniţial pentru o perioadă de 2 ani, mandatul misiunii a fost ulterior prelungit. Deşi este discutat sub diferite aspecte, rolul UE în procesul de reglementare a conflictului transnistrean este incontestabil. Astfel, în decursul anilor UE a stat la baza unui şir de iniţiative care au urmărit crearea unui cadru favorabil pentru declanşarea procesului de negociere între părţi, iar recunoaşterea incontestabilă a unităţii teritoriale a Republicii Moldova are o valoare simbolică aparte pentru Chişinău.

Desigur, această implicare a UE în reglementarea conflictelor, aşa-zis „îngheţate”, nemulţumeşte Rusia. În acest sens, în decursul anului 2008 aceasta a dus o adevărată strategie de concurenţă vizavi de eforturile UE de a contribui la deblocarea proceselor de negociere, obiectivul final al căreia consta în preluarea iniţiativei în reglementarea conflictelor, fapt evidenţiat expres în cadrul evoluţiilor din cadrul conflictului transnistrean [2, 9-12]. Pe fundalul evoluţiilor geoeconomice şi transformărilor geopolitice se pare, totuşi, că Rusia nedorind este nevoită să accepte sporirea prezenţei UE, iar o astfel de tendinţă induce desigur noi speranţe privind reglementarea conflictelor în spaţiul ex-sovietic, deşi disputa privind soarta regiunilor separatiste georgiene este departe de a fi încă finalizată.

Analiza politicilor UE în spaţiul ex-sovietic pare să argumenteze tezele potrivit cărora sub aspect de relaţii politice, UE este direct cointeresată în promovarea valorilor democratice şi garantării unui spaţiu al stabilităţii şi securităţii politice, iar sub aspect economic, atât UE, cât şi ţările membre a acesteia sunt interesate în promovarea reformelor economice în vederea finisării tranziţiei la economia de piaţă şi realizarea investiţiilor economice în sectoarele capabile a aduce profit tuturor părţilor implicate. Sau într-un astfel de context, este necesar de subliniat că dacă în relaţiile dintre UE şi Rusia regula concurenţei şi economiei de piaţă a fost acceptată, totuşi, evoluţia ordinii geopolitice ex-sovietice într-o direcţie pozitivă necesită respectarea regulilor economiei de piaţă şi a dreptului internaţional şi în cadrul sistemului relaţiilor dintre statele ex-sovietice sau sub acest aspect se pare că există lacune serioase.

Bibliografie.

1. Enciu N., Enciu V. Construcţia Europeană (1945-2007). Curs universitar. - Chişinău, Civitas, 2007.
2. Grosu V. Îndelunga căutare a “apropiatei reglementări” a conflictului transnistrean. // Political and Security Statewatch, Nr.7(14), august 2008.
3. Horvàth Z. Manuel sur l’Union Européenne. – Budapest, 2005.

4. Consiliul European. O Europă sigură într-o lume mai bună. Strategia Europeană de Securitate. 12 decembrie 2003. (http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/031208ESSIIRO.pdf, accesat 10 decembrie 2009)
5. CE. Réglement N.99/2000 du Conseil du 29 décembre 1999 relatif à la fourniture d'une assistance aux États partenaires d'Europe orientale et d'Asie centrale. Journal officiel des Communautés européennes du 1.18.2000.
6. Commission des Communautés Européennes. Communication de la Commission. Politique européenne de voisinage. Document d'orientation. - Bruxelles, le 12.05.2004.
7. Comisia Comunităților Europene. Comunicarea Comisiei către Consiliu şi Parlamentul European. Sinergia Mării Negre – O nouă inițiativă de cooperare regională. - Bruxelles, 11 aprilie 2007, COM(2007) 160 final.
8. Comisia Comunităților Europene. Comunicarea Comisiei către Parlamentul European şi Consiliu. Parteneriatul Estic. Bruxelles, 3 decembrie 2008, COM(2008) 823 final, {SEC(2008) 2974}.
9. European Commission. Vademecum on financing in the frame of the Eastern Partnership. Bruxelles, 16 December 2009. (http://ec.europa.eu/external_relations/eastern/docs/eap_vademecum_14122009_en.pdf).
10. Council of EU. General Secretariat, European Union and Central Asia: Strategy for a New Partnership. - Bruxelles, October 2007.
11. European Community, Regional Strategy Paper for Assistance to Central Asia for the period 2007-2013. (http://ec.europa.eu/external_relations/central_asia/rsp/07_13_en.pdf).
12. European Commission. Trade: bilateral relations. Russia. (http:// ec.europa.eu/trade/creating-opportunities/bilateral-relations/countries/ russia/).
13. European Council. Council Joint Action 2003/496/CFSP of 7 July 2003 concerning the appointment of the European Union Special Representative for the South Caucasus, Official Journal of the European Union, 8 July 2003.
14. European Commission. European Neighbourhood and Partnership Instrument. Country Strategy Paper 2007-2013. Georgia. (// http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/country/enpi_csp_georgia_en.pdf).
15. European Council. Council Joint Action 2008/736/CFSP of 15 September 2008 on the European Union Monitoring Mission in Georgia, EUMM Georgia, Official Journal of the European Union, 17 September 2008.
16. European Commission. European Neighbourhood and Partnership Instrument. Country Strategy Paper 2007-2013. Azerbaidjan. (// http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/country/enpi_csp_azerbaijan_en.pdf).
17. External and intra-European trade. Statistical yearbook. Luxembourg 2009.
18. Le programme TACIS: un instrument financier (// http://www.ladocumentationfrancaise.fr/dossiers/europe-russie/programme-tacis.shtml, accesat 21 decembrie 2009).

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ДИАЛОГА КУЛЬТУР В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ерлан САИРОВ
Республика Казахстан, г. Алматы
Института культурной политики и искусствознания
Директор, кандидат политических наук

В статье поднимаются проблемы идентичности в постсоветском и мировом пространстве. Автор приводит ряд примеров из культурологической и политологической литературы. В частности автор подробно рассматиривает вопросы глобализации в современном мире. Интересны предложения на основе казахского материала. Проблемы глобализации исследованы в контексте межкультурного диалога цивилизаций.

Ключевые слова: идентичность, культура, цивилизация, глобализация, геттоизация, ассимиляция, межкультурный диалог, культурное наследие, континуальность культуры, евразийство.

Главным смыслом и существом духовных исканий человечества XXI века - поиск *identity* – идентичности, поиск культурно-исторических корней народами, вступившими в эпоху глобализации... И особенно важно то, что она подчеркивает, во-первых, значимость исторической памяти для сохранения народа и государства, и во-вторых, процесс ее воссоздания.

Историческая память, «воспоминания и тайна, делающая народ самим собой» не есть нечто раз однажды созданное и передающееся неизменным, она живет, растет, пребывает в перманентном движении. Нет такой культуры, которая, обретя идентичность, застыла бы в самодовлении. Любая культура всегда в поиске. Даже США, лидер глобализации и вестернизации, еще век назад представляли собой доминирующую культуру белого мужчины-англосакса, а чуть больше года назад американский народ уже делал выбор президента между женщиной и темнокожим с африканскими корнями.

«Отказ от культурного наследия, признание своей самодостаточности, гордость и кичливость сиюминутным богатством – как писал академик Д.С.Лихачев в своих заметках об экологии культуры – лишают человека внутренней нравственной оседлости, которая должна быть присуща и кочевникам, и земледельцам в равной мере. Государство же они лишают настоящих граждан, без которых его институции рассыпаются под ударами внутреннего врага – коррупции, безделья, ловкачества» [1, 251].

Эти слова, сказанные 25 лет назад, оказались пророческими. Социологи доказали – там, где больше ущерб, нанесенный культурной среде, население более нездорово не только духовно, но и физически. Бездумный

снос бесценных историко-архитектурных памятников это не только невосполнимая утрата для истории архитектуры, но что более важно, разрыв одного из звеньев культурной и исторической преемственности.

Глобализация обостряет проблемы сохранения и развития этнокультурного наследия. Американский культуролог Л.Уайт даже высказал мысль о том, что глобализация, окончательно разрушив культурную память народов, стала первопричиной мирового финансово-экономического кризиса, поскольку послужила краху морального и культурного императива, без которого экономика неизбежно дает трещину. «Глобализм в своей всенивелирующей тенденции, - пишет он - сплел все миры, и их взаимная противоречивость и взаимная связанность раскрылись со всей ясностью» [2]. Единственной объединяющей народы силой стало потребление – «чрезмерные потребительские претензии» и зрелищная псевдокультура, а разъединяющей – хозяйство и промышленность, то есть то, что создало, казалось бы, базу общего экономического пространства. В таком случае культурная глобализация может стать угрозой. Но это не означает ее отрицания, а скорее, необходимость критического к ней отношения и возможной коррекции. Не случайно, в этой связи, что одним из механизмов контроля над хаосом глобализации служит самоутверждение культур, то есть акцентирование их самобытности, неповторимости и т.д. Но это не означает культурной самоизоляциии или создания «культурного гетто», ведь в каждой национальной культуре заложены базовые гуманистические ценности, разделяемые всеми. К тому же, глобализация обеспечивает доступ к знаниям и информации о культурном наследии, как в глобальном масштабе, так и локальном национальном. И чтобы не затонуть в океане глобализации требуются государственные усилия, а национальная культура должна служить ориентиром.

Ответы на вызовы культурной глобализации и создание моделей защиты своей культуры предлагаются и на конкретном региональном и страновом уровнях. В том числе и на евразийском постсоветском пространстве и, в частности, Казахстане, расположенном в самом сердце континента. В Казахстане, осознавая значимость этой проблемы, на государственном уровне целенаправленно стало разрабатываться приоритетное направление – культурная политика. В ее основу заложена уникальная программа «Культурное наследие», чей системный подход к сохранению, развитию и приумножению культурного генофонда страны реализуется через сеть конкретных практических мероприятий.

Инициированная главой Казахстана Н.А.Назарбаевым, эта программа играет важную роль в культурном и духовном возрождении нашего общества. Таким образом, в постиндустриальный век, под напором глобализа-

ции, актуализируется интерес прошлому с тем, чтобы сохранить культурную идентичность

Не случайно, Президент в этот сложный период вышел к народу с инициативой разработки программы поддержки культурных изысканий, рассматривая фактор возрождения национальной культуры как важнейший в строительстве нового государства.

Показателен факт – программа имела и до сих пор имеет – несмотря на все экономические трудности - государственную поддержку в масштабах, в процентном соотношении к национальному бюджету сопоставимую с той, что США оказывают Центру В.Вильсона – главной цитадели культурного строительства в Новом Свете.

Президент изначально представлял программу как перманентный процесс, как постоянную напряженную работу, вовлекающую в свою орбиту все новых людей, новые объекты и явления.

П.Сорокин, описывая энергию культурной системы, отмечает: «Чем больше людей, проводников системы (искусства, религии, философии, науки и т.д.), чем выше их умственные и социальные качества, чем более совершенна система их организации, чем больше общее количество находящихся в их распоряжении средств и способов ее развертывания, трансляции и сохранения, тем больше энергия культурной системы, тем более независима она от окружающей среды» [3, 258].

Энергия создаваемой культурной системы, ее устойчивость под ударами и вызовами XXI века – вот сверхзадача программы «Культурное наследие», которую четко осознает Президент Казахстана Н.А.Назарбаев.

Одним из результатов этой государственной политики стало позиционирование Казахстана как светского государства с богатым историко-гуманитарным прошлым, как в массовом сознании народа Казахстана, так и в мировом общественном мнении. Теперь это другая страна, по выражению Сорокина - «свободная от всех подчиненностей». И, самое главное, поиск культурных корней, поиск идентичности продолжается. Мы – в начале бесконечного пути.

Что же это такое, идентичность? Знаменитый семиотик Ц.Тодоров дал ей краткое и емкое определение: «Как нельзя вообразить людей, сначала живших изолированно друг от друга и лишь затем образовавших общество, так нельзя представить себе культуру, не имеющую связей с другими культурами: идентичность рождается только из осознания различия» [4, 67]. М.Понти вторит ему: «Идентичность - это образ мыслей, который вступает в действие, когда объектом является «другой», и требует, чтобы мы сами видоизменились» [5, 354].

Фактически, поставив знак равенства между понятиями культурно-историческое наследие, культурные корни, культурная память и идентич-

ность, мы неизбежно должны признать, что культурно-историческое наследие, культурная память и культурные корни могут существовать только и исключительно в случае признания других корней, памяти и другого культурного наследия, при артикуляции их «инаковости», и в условиях взаимодействия с ними.

В этой связи, культурологи выделяют несколько типов культурного взаимодействия – *«геттоизация»* (от «гетто»), когда соплеменники в инокультурном сообществе отъединяются и воссоздают привычный микромир, *ассимиляция* – полный отказ от своей культуры, *колонизация* – насильственное навязывание иной культуры, *промежуточная форма* – частичная ассимиляция и, наконец, *высшая форма* – культурный обмен и взаимодействие [6, 58].

В своей истории Казахстан прошел все перечисленные стадии, подойдя к высшей фазе культурного взаимодействия – обмену и продуктивному равноправному диалогу. Но нельзя не признать, что наиболее серьезные культурные взаимодействия развивались у Казахстана с Россией. Опыт такого взаимодействия накапливался сотнями лет, благодаря которому мы имеем уникальные культурные параллели между нашими странами, были наработаны культурная общность, общая историческая судьба, что значительно выше экономических или политических интересов.

История культурного диалога Казахстана с Россией непроста. Многим российским исследователям понятия «кочевание» и «культура» казались несовместимыми. Официальная советская историография придерживалась позиции, что кочевники не могли быть творцами, и всегда играли роль разрушителей. В этой связи степному народу Казахстана была отведена роль младших братьев славянского народа.

Однако в противовес официальной истории в России развивалась Евразийская школа, чьими родоначальниками стали Трубецкой, Савицкий, Вернадский, Бартольд, Малов и, наконец, признанный отец-основатель теории евразийства Л.Гумилев. И сторонники этой школы впервые увидели в кочевых народах азиатских просторов Евразийского континента равных славянам по вкладу в мировую культуру и прогресс. И сейчас можно с глубоким удовлетворением признать тот факт, что учение Евразийской школы стало доминирующим среди серьезных исследователей всех стран постсоветского пространства и определило официальную доктрину отношений.

Но негативные стереотипы прошлого не могли не оставить своих следов, отразившись в вспышках культурных антагонизмов. Наиболее болезненный удар по культурным взаимодействиям России и Казахстана могут нанести нарождающиеся антагонизмы к тюркскому миру, которые пока еще должным образом не отрефлексированы ни на научном, ни на офици-

ально-властном уровнях. В то же время, существует понимание как внутри России, так и среди ориентированных на сотрудничество с ней многочисленных тюркских народов о губительности разрушения органических связей России с тюркским миром, тем более что географически он и так является ее составной частью.

Глубинную суть русско-казахских культурных взаимоотношений вскрыли семиотики культуры, исследовавшие диалектическую связь русских и тюркских казахских миропонимательных конструкций.

Русский космос определяет феномен «границы», которая имеет сакральное значение – не случайно двери и окна восточно-славянских жилищ всегда окружены оберегами – резными наличниками, охранительными символами, защищающими границы обиталища, а внутри, по периметру строения всегда идут лавки – переходные между внутренним освоенным и чуждым внешним пространством зоны.

Казахский космос – безграничен. В нем отсутствует представление о внутреннем и внешнем пространстве – оно текуче и все принадлежит лишь великому куполу небосвода. Сферичность кочевого жилища – юрты, вторит небосводу, но ограничивает пространство человека лишь условно, юрту легко можно перенести на иное место. Космос казахов не топологичен, ибо порожден бескрайними степными просторами. Космос славянский устойчиво топологичен, поскольку связан с лесом – наступающим, ограничивающим.

Но славянский космос включает в себя в качестве обязательного элемента прорыв, выход за пределы – это земледельческое поле, поляна, опушка леса свободное пространство, место инобытия, встречи с богами плодородия. А казахский космос требует строгого порядка и регламента сборки жилища (в славянском жилище сам порядок построения избы не канонизирован). Разборка юрты заключается в разделении ее на три части: решетчатый остов; жерди купола юрты; круговое навершие юрты. Три части юрты – три обязательных элемента мироздания, обязательный регламент, инобытие пространственной свободы.

Диалектика свободы и границ, составляющая суть инаковости двух культур, смыкается в той точке, в которой и славяне, и казахи оказываются несовершенными в своем роде – славяне не до конца оседлыми, казахи – не до конца кочевыми. Деревянное жилище, легко сгорающее и сравнительно быстро возводимое заново, и бескрайние неосвоенные просторы страны делали славянскую оседлость условной по сравнению с европейской, ограниченной пространством и доминированием каменного строительства.

В свою очередь среди казахов присутствовали элементы оседлости, они не понаслышке были знакомы с земледельческой культурой, создали

свои образцы духовно-религиозной системы, в которой причудливо переплелись элементы ислама и древнетюркских верований.

Сейчас в Казахстане решается сложнейшая задача одновременного становления казахской национальной культуры и казахстанской культуры, реконструкции тюркской культуры, реконструкции и исторического моделировании номадической культуры, и, наконец, создания на исторической базе СССР – по выражению Л.Гумилева - «евразийской культуры как геоисторического единства на основе сложно определимого понятия «почва» [7, 608].

Идея евразийства популярна в Казахстане, и среди интеллигенции, и в официальных кругах. Не будет преувеличением сказать, что Казахстан является лидером культурно-интеграционных процессов на евразийском пространстве. Интеллектуальная активность казахстанской элиты и казахстанской власти в этом направлении обусловлена сложностью и уникальностью задачи создания казахстанской общности, где казахская этническая культура, являясь «ядром», интегрирует остальные части этой общности.

Потенциально, в качестве интегратора культуры Евразии казахская культура отвечает пяти основным требованиям, выдвигаемым пересечением силовых полей казахского мира, мира кочевой степи, тюркского мира, российского имперского, а затем, советского мира, мира современной Евразии. Это: - как выявил культуролог В.Розин [8] – инвариантность культуры, ее континуальность во времени, ее транспарентность (постижимость, переводимость на языки других культур), комплиментарность иным культурам, ассимилятивность и диссимилятивность).

Инвариантность. Содержательный диалог состоится только если культуры «узнают» друг друга. Взаимопроникновение, обмен информацией и синтез возможны только между сходными элементами. Поэтому культура-интегратор должна представлять собой некую инвариантную структуру, с множественными базовыми структурными элементами. Под базовыми структурными элементами понимаются как простейшие формы хранения и трансляции опыта – бытовые обычаи, привычки, национальная кухня, одежда, образный строй речи - так и более высокие – национальная символика, мифы, идеи и идеалы. Их особенности, в конечном счете, определяют культурную доминанту. Если для Североатлантического мира доминанта - наука и договор, для Азиатско-тихоокеанского - учение и коллективное действие, для Индийского – сверхчувственное постижение и интуиция, то для культуры народов, населяющих бескрайние просторы Евразийской равнины, культурная доминанта - мифопоэтическое мышление, которым наполнена и казахская культура.

Транспарентность культуры состоит не в готовности предъявить свою культуру, а в подготовке ее к переводу на язык других культур. Чем более развита культура, тем больше стремится она к расширению диапазона трансляции своего ценностного опыта. В свое время М.Дягилев со своими «Русскими сезонами» в Париже хорошо это понимал. Если для культуртрегеров эпохи Пушкина и Жуковского было важно «отлить Европу в русские формы» и принести ее русским людям, деятели «Мира искусства» уже несли русский мир в Европу, осуществив обратный перевод. Гоголь раскодировал культуру Малороссии для великорусского восприятия, а вовсе не растворил ее в русской культуре, как сейчас кажется некоторым украинским культурологам. Ч.Валиханову важно было применить к изучению казахской культуры современный ему западный инструментарий, а М.Ауезов, потом и Ч.Айтматов уже смог поднять культуру степи на уровень мировых смыслов.

Комплиментарность. Л.Гумилев делил этносы на комплиментарные и некомплиментарные друг другу.

Удивительная совместимость русских и тюрков Евразии лежит в общности истории. Потомки жителей Московского царства как часть Джучиева улуса, естественно, ближе народам Белой и Голубой орды, нежели жители Силезии, Моравии или Богемии, при всем несомненном кровноплеменном родстве последних современным русским и украинцам.

Разумеется, толерантность этноса способствует комплиментарности его культуры. Казахи, земля которых как в годы сталинских репрессий, так и во времена покорения целины подверглась массовому заселению иными этническими общинами, отлично уживались со всеми, включая переселенцев с Северного Кавказа, с которыми у них никогда не было общей истории.

Однако дело не только в нравах народа, а в сознательной политике. Руководство и элиты Казахстана выбрали многовекторность цивилизационного развития, а стало быть, предельную комплиментарность культур с самыми различными этосами.

Взаимодействию (диалогу культур, культурных идентичностей) посвящены многие тома исследований. Диалог понимается по Бахтину – как высказывания целостных суверенных форм культурного сознания; по Шебутани – как поведение, адаптированное к взгляду представителей другой культуры, по Парсонсу – как деятельное стремление культур к согласию и к компромиссу.

Три формы, три взаимодополняющих определения диалога культур задают ориентиры его выстраивания – участник диалога становится носителем целостного, а значит, осмысленного культурного сознания, стремится адаптировать свои ценности и взгляды учитывая особенности «иного» в

той же мере, как свои собственные, и наконец, - разрабатывает средства и пути диалога. Ключевое слово здесь – осмысление, рефлексия. А, следовательно, движущей силой диалога, без которого жизнь культур уже немыслима, становятся мыслители, гуманитарная интеллигенция. Конфликтолог Т.Шеллинг еще 45 лет назад предсказывал – «мировая культура преодолеет свою кризисную фазу, если гуманитарии всех стран примут на себя бремя ответственности за осмысление культур национальных для организации мировой дискуссии вместо мировых конфликтов» [9, 366]. И уже заложена площадка для проведения такого диалога. По инициативе Президента Казахстана была создана такая общественная структура как Ассамблея народов Казахстана и Съезд мировых традиционных религий. Они являются инициаторами и участниками различных форм межкультурного и межконфессионального диалога, способствуя развитию гармоничной полифонии языков, культур и религий. Уже трижды были проведены съезды лидеров мировых и традиционных религий в столице Астане.

Нам нужно, сообща, предпринять эффективные шаги на пути исполнения миссии гуманитарной интеллигенции во имя сохранения и развития культуры евразийства, что включает в себя упрочение сложившихся культурных и гуманитарных связей между нашими народами.

Библиография

1. Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. - Санкт-Петербург: изд. СПбГУП, 2006.
2. Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. - Москва: РОССПЭН, 2004.
3. Сорокин П. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. – Санкт-Петербург: РХГИ, 2000.
4. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. - Москва: Дом интеллектуальной книги, 1997.
5. Понти М. В защиту философии. Знаки. - Москва: «Искусство», 2001.
6. Розин В.М. Культурология: Учебник. – Москва: Форум, Инфра-М, 1999.
7. Гумилев Л. Этногенез и биосфера земли. - Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2002.
8. Розин В.М. Методология: становление и современное состояние. – Москва: «Наука», 2005.
9. Шеллинг Т. Стратегия конфликта. - Москва: ИРИСЭН, 2007.

Представлен в редакцию
14 декабря 2009 года

ALEKSANDR DUGHIN ŞI NOUL EURASIANISM

Eugen STRĂUȚIU
Romania, Sibiu, Universitatea „Lucian Blaga”
Doctor in istorie, lector universitar

Aleksandr Dugin is a leading exponent of the eurasianist approach to Russian foreign policy. He has published more than a dozen books on a wide range of political and cultural subjects and has written for several major Russian newspapers. He also served as a foreign-affairs advisor to the speaker of the Duma, for five years.

Neo-Eurasianism, presented by Dugin and his followers in the form of a geopolitical project, provides a clear break from narrow nationalism toward the New Right ethnopluralist model.

According to his 1997 book, The Basics of Geopolitics, "The new Eurasian empire will be constructed on the fundamental principle of the common enemy: the rejection of Atlanticism, strategic control of the USA, and the refusal to allow liberal values to dominate us. This common civilisational impulse will be the basis of a political and strategic union."

KEYWORDS: geopolitics, security, atlanticism, neo-eurasianism

În gândirea geopolitică şi de securitate contemporană, noul eurasianism pare una dintre cele mai viguroase doctrine, aşezându-se deja pe un trecut ideologic semnificativ. Propulsat fiind de personalităţi intelectuale şi politice dintre cele mai cunoscute în această parte a lumii şi concretizându-se în organizaţii politice care lucrează cu instrumentele obişnuite ale marketingului politic, versiunea contemporană a eurasianismului provoacă o dezbatere majoră în mediile intelectuale din întreaga lume.

Pentru România şi Republica Moldova, aflate în proximitate geografică faţă cu nucleul geopolitic eurasian (aşa cum este teoretizat de către clasicii şi noii reprezentanţi ai ideologiei eurasiene), relevanţa subiectului este accentuată.

Scurtă istorie a eurasianismului.

Ideile referitoare la utilitatea geopolitică şi de securitate a unui bloc continental care să cuprindă Asia şi Europa au fost sistematizate întâia oară în mediul unui grup de exilaţi ruşi, îndată după cucerirea puterii în Rusia de către bolşevici. Prinţul Nikolai Trubetskoi, Piotr Savitskii, Piotr Suvchinskii şi Georgii Florovskii, împrumutând din conceptele fundamentale ale englezului Halford Makinder şi germanului Karl Haushofer, au pus temelia unei teorii geopolitice noi (intitulată de ei „eurasianism”) [11].

Pentru eurasienii ruşi din exil, una dintre problemele fundamentale de legitimare era aceea a separării de pan-slavism. Într-adevăr, pentru pan-slavişti obiectivul final este un stat cuprinzând toate populațiile slave; pentru eurasieni, statul trebuie să cuprindă deopotrivă toate popoarele locuitoare ale Europei şi Asiei; pan-slavii vor un stat slab, în timp ce eurasienii dimpotrivă; cei dintâi cer exclusivitatea culturii slave, în timp ce aceştia din urmă consideră cultura rusă rezultat al interacțiunii sudului bizantin cu estul tătar-mongol şi vestul european, poziție de pe care îşi va asuma rolul coordonator în noua civilizație eurasiană [17].

Aleksandr Dughin. Viața şi opera

Aleksandr Gelievich Dughin s-a născut în anul 1962 într-o familie de militari – tatăl, bunicul şi străbunicul său fiind ofițeri sub diferitele regimuri care s-au succedat în Rusia începând cu secolul al XIX-lea. Tatăl său a fost ofițer în structurile de intelligence ale armatei sovietice (GRU) [18, 190-220].

A urmat cursurile Institutului de Aviație din Moscova la sfârşitul anilor 1970. În marele oraş a luat contact cu grupuri de intelectuali interesați în fascism, păgânism şi misticism; s-a implicat în studierea operelor reprezentative, traducând în acest timp din fascistul păgân italian Julius Evola.

În ultimii ani ai regimului comunist, concepțiile sale evoluaseră spre un naționalism accentuat antisemit, exersat în cadrul mişcării politice „Pamyat" – unde a funcționat ca membru al consiliului central, în perioada 1988-1989. De pe această poziție, în 1989 a făcut o deplasare în Occident, unde a luat contact cu figuri marcante ale naționalismului Noii Drepte - precum Allain Benoist şi Jean-Francois Thiriart, care au marşat la ideea reconcilierii istorice între Rusia şi Occidentul European, pe baza înfrățirii naționalismelor [14].

Întors în țară, şi-a construit un loc proeminent în apropierea preşedintelui Partidului Comunist, Ghenadii Ziuganov. Desfiintarea Uniunii Sovietice în 1991 a fost momentul opțiunii pe termen lung pentru fascismul de tip euroasian; introducerea a fost făcută prin editarea periodicului „Den", în asociere cu Aleksandr Prokhanov [12, 169-177]. Din 1992, Dughin a editat propria revistă, sub denumirea "Elementy: evraziiskoe obozrenie", inspirată din cunoscuta revistă "Elemnets" a lui Alain de Benoist.

În această vreme, Dughin reuşeşte să-şi impună ideile la vârful armatei ruse şi al serviciului său specializat de informații (GRU), între cei care se asociază în formă ocultă lui Dughin fiind generalul locotentent Nikolai Klokotov, şeful departamentul de strategii al Academiei Militare; generalul locotenent Nikolai Pishchev, director de resort în acelaşi departament; generalul maior Vladislav Iminov, şeful departamentului de istorie militară în Academie. Însuşi ministrul apărării din 1996-1997, Igor Rodionov, se afla sub influența ideologică şi organizatorică a lui Dughin [19].

În acest context, anul 1993 aduce pe scena politică un instrument politic personal al lui Dughin (aliat cu Eduard Limonov), care pun în scenă Partidul Național Bolşevic [21]. La vârful partidului, Limonov joacă rolul liderului formal, iar Dughin pe acela al ideologului. De pe această platformă, în anul 1995 Dughin a candidat pentru funcția de deputat în Duma de Stat, reuşind să acumuleze doar 0,85% din voturile electorilor [10, 257].

Ducând la extremă consecințele eşecului politic, în 1997 Dughin a renunțat la activitatea în PNB, şi a înființat Fundația pentru Geopolitică, pe care a angajat-o imediat în proiecte comandate de către Ministerul Apărării – unde generalii mai sus-menționați dețineau poziții cheie. În 1998 a devenit consilierul pentru geopolitică al preşedintelui Dumei de Stat, Ghenadii Selezniov.

Doi ani mai târziu a convocat congresul de înființare al Mişcării Eurasia. Produsul intelectual cel mai vehiculat în mediul Mişcării era cartea sa *Fundamentele geopoliticii*, scrisă în 1997, şi care rămâne instrumental intelectual cel mai evoluat, diversificat şi explicit al eurasianismului.

Odată această platformă ideologică definitivată, Dughin a construit "Centrul pentru Expertiză Geopolitică" (1999), care a fost acceptat drept partener teoretic principal de către administrația prezidențială, guvernului Federației Ruse, Consiliul Federației şi Duma de Stat [9]. Pe această cale, preşedintele Vladimir Putin însuşi pare a fi devenit adeptul eurasianismului.[32]

Achiziționarea de noi personalități cu poziții strategice în favoarea eurasianismului a continuat. La congresul fondator al Mişcării Politico-Sociale Panruse "Eurasia" din 2001 au fost prezente personalități importante din Serviciul de Informații Externe (SVR) al Federației Ruse, precum Vladimir Revskii şi Petr Suslov [29].

În străinătate, ideile promovate de către Dughin au devenit ideologie oficială în Kazahstan, unde preşedintele Nursultan Nazarbaev şi-a asumat personal şi oficial idealurile Eurasiei [15; 16; 22].

După o experiență nefericită în cadrul partidului „Rodina", Dughin s-a întors la formula societății civile pentru promovarea ideologiei sale – astfel s-a născut Mişcarea Internațională Eurasiană, la 20 noiembrie 2003, cu membri în aproximativ 20 de țări.

Raporturile ideologice ale eurasianismului cu administrația Medvedev sunt încă neclare.

Dughin şi noul eurasianism

Noul eurasianism este eticheta sub care au renăscut ideile eurasiene după căderea Uniunii Sovietice [23, 304].

[32] *Aflat în Brunei, în noiembrie 2000, Vladimir Putin a declarat că „Rusia s-a considerat dintotdeauna o țară eurasiană" [28]*

Revendicarea comună a noilor eurasieni este opera lui Lev Gumiliov (1912-1992), autor care şi-a văzut interzise cele mai multe cărţi sub regimul comunist. Gumiliov a încercat să explice valurile de migraţii ale nomazilor Eurasiei prin influenţa factorilor geografici, precum variaţiile anuale ale radiaţiei solare, care ar fi determinat suprafaţa păşunilor disponibile pentru păşunatul şeptelului. Această mişcare demografică repetată a creat premisele unei civilizaţii eurasiene, în cadrul căreia ruşii reprezintă un "superetnos" care a incorporat puterea stepei, şi care are o forţa vitală asemănătoare cu a popoarelor turcice aliate [13].

După moartea lui Gumiliov, Aleksandr Dughin este considerat exponentul ideologic principal al proiectului eurasian. Deşi, în anii 1990, această poziţie a fost partajată cu Aleksandr Panarin.[33]

În sinteză, putem distinge trei orientări subsumate noului eurasianism [20, 71-73]:

1. Cea a lui Aleksandr Panarin, care a făcut şcoală pornind din Institutul de Filozofie al Academiei de Ştiinţe din Moscova, şi care argumentează reabilitarea filozofică şi politică a noţiunii de imperiu; imperiul nu revelează un naţionalism îngust, nici un imperialism agresiv, ci o nouă formă de conştiinţă civică, care răspunde principiilor etice şi nu cultului unei naţiuni dominante.

2. Cea a lui Eduard Bagramov, fondatorul şi directorul revistei „Eurasia", care oferă calea studiilor culturale şi folcloriste, iar în plan geopolitic susţine alianţa slavo-turcă prin revalorizarea Imperiului mongol şi a minorităţilor turco-musulmane în istoria ruşilor. Este interesant faptul că preşedintele Kazahstanului Nursultan Nazarbaiev finanţează parţial revista lui Bagramov.

3. Cea lui Aleksandr Dughin, cea mai influentă şi mai sistematică, astfel încât se confundă chiar cu ansamblul teoretic neo-eurasian.

Bazele filozofice ale gândirii lui Dughin se aşează pe o critică acidă a monopolului ideologic câştigat de către liberalism, după victoria sa istorică asupra comunismului şi fascismului. Astăzi, liberalismul învingător se transformă într-un post-liberalism caracterizat prin următoarele [26]:

1) măsura lucrurilor devine nu individul, ci postindividul, "dividul", o combinaţie întâmplătoare a unor părţi (organele sale, clonele sale, simulacrele sale, până la roboţi sau mutanţi);

2) proprietatea privată este divinizată, "transcedentalizează" şi se transformă din ceea ce omul stăpâneşte, în ceea ce stăpâneşte pe om.

3) egalitatea şanselor se transformă în egalitatea imaginară a şanselor ("societatea spectacolului");

4) credinţa în caracterul contractual al tuturor instituţiilor sociale şi politice se transformă în echivalarea realului şi virtualului, iar lumea devine o machetă tehnică.

[33] *Panarin s-a retras din activitatea publică în urma unor serioase probleme de sănătate*

5) dispare orice formă de autoritate supraindividuală, fiecare individ putând să creadă orice despre lumea în care trăieşte („criza raţionalităţii comunizante");

6) principiul separării puterilor se transformă în ideea unui referendum electronic permanent („parlamentul electronic"), unde fiecare utilizator votează cu ocazia oricărei decizii, ceea ce înmulţeşte puterile de decizii până la numărul cetăţenilor autonomi (fiecare este o parte a puterii);

7) "societatea civilă" înlocuieşte prin sine statul şi se transformă într-un "melting pot" (vas de topire) mondial cosmopolit;

8) de la teza "economia este o soartă: se trece la teza "codul de bare este o soartă", aşa cum şi munca, şi banii, şi piaţa, şi producerea, şi consumul - devin toate virtuale.

Faţă de această erezie politică şi spirituală, Dughin atrage atenţia că „Libertatea de" este cea mai respingătoare formulă al robiei, deoarece ispiteşte omul la revolta împotriva lui Dumnezeu, împotriva valorilor tradiţionale, împotriva normelor morale şi spirituale a poporului sau şi culturii sale. Şi chiar dacă toate luptele formale a liberalismului au câştigat şi suntem la un pas de „veacul american" - bătălia finală este înainte [26].

Războiul ideologic propus de către gânditorul rus se aşează la fel de bine în termenii geopoliticii. În acest registru, apar inversate ideile geopolitice clasice ale lui Halford Mackinder (enunţate în 1904), care propuneau încercuirea Rusiei [24]. Pe urmele lui Carl Schmitt, bătălia geopolitică dusă la graniţele Rusiei (în "Rimland") reprezintă o faţetă a războiului spiritual etern purtat între un "Leviatan" şi un "Behemoth", adică între Pământ şi Mare. În acest război, Rusia şi Germania reprezintă elementul teluric, iar Statele Unite aliate inevitabil şi sistematic cu Marea Britanie - elementul oceanic sau atlantist.

În această dispută geopolitică, Rusia trebuie să pornească printr-o "nouă ordine geopolitică", pe care va trebui să o construiască întâi la sudul şi vestul graniţelor sale. Între cele două, prioritatea absolută este Sudul, direcţia în care Rusia şi-a identificat din evul mediu "axa geografică a istoriei", având obiectiv final controlarea ieşirii la Oceanul Indian.

În vederea destructurării preventive a programului atlanticist de încercuire a Rusiei la est, sud şi vest, proiectul eurasian al lui Dughin propune alianţe strategice în cele trei puncte cardinale, care să anihileze pionii geopolitici ai Statelor Unite ale Americii.

Axele pe care Rusia ar urma să-şi construiască poziţia geopolitică sunt [5]:

1. *Axa Moscova - Berlin,* instrument prin care Europa Centrală va deveni prietenoasă Imperiului Eurasian.

Preţul reconcilierii cu Germania ar fi retrocedarea către aceasta a oblastiei Kaliningrad, urmată de împărţirea sferelor de influenţă între cele două în aşa fel încât să excludă orice „coridor sanitar".

Europa Occidentală şi Europa Centrală ar deveni o zonă de influenţă germano-franceză, având în vedere o importantă tradiţie a gândirii eurasiene în Franţa. Germania ar pretinde o influenţă specială în Spania şi Italia, în timp ce Marea Britanie ar fi exclusă din influenţele ei continentale [5, 221].

Un tratament special ar fi aplicat Finlandei, ţară considerată periculos de instabilă. Aceasta ar urma să primească Republica Autonomă Karelia (în prezent parte a Federaţiei Ruse), în timp ce partea sa nordică ar fi cedată Oblastiei Murmansk [5, 371-372].

Între ţările baltice, Estonia va fi recunoscută în sfera intereselor germane, în timp ce Lituania şi Letonia vor fi supuse unei regim special (Dughin nu clarifică dacă acestea vor fi subordonate mai degrabă Rusiei) [5, 372].

Tot un „statut special" va fi acordat şi Poloniei.

În Balcani, Dughin vede o prezenţă rusă excepţională în Bulgaria şi Rusia, pe care le numeşte „sudul Rusiei" [5, 343]. Mai ales Serbia este apropiată intereselor ruse, până la exprimarea neechivocă „Serbia este Rusia [5, 462].

În fapt, tot estul european de expresie culturală ortodoxă ar fi integrat în tradiţia „Moscova – A Treia Romă", incluzând aici Macedonia, Republica Srbska din Bosnia, România şi chiar Grecia – trecând peste statutul său actual de membru NATO.

România şi Republica Moldova au un viitor integrat în proiectul lui Dughin [5], întrucât „reprezintă două părţi a unei singuri regiuni geopolitice, populate de un singur etnos ortodox – urmaşi ai dacilor, care vorbesc o limbă din grupul latin şi care în mare parte au acumulat elemente slave care le-au înconjurat – culturale, lingvistice şi rasiale. Din punctul de vedere geopolitic integrarea României şi a Moldovei este inevitabilă, însă cu toate acestea Moscova trebuie să tindă să efectueze această unire în scopurile sale, pentru a include acest spaţiu în zona controlului său strategic direct. Cultura României reprezintă în totalitatea sa un model ortodox tipic, care leagă direct aceste pământuri cu Eurasia. Unicul obstacol pentru efectuarea integrării acestor pământuri în Rusia reprezintă factorul lingvistic şi apropierea geopolitică de regiunile catolice. În afară de aceasta, în vestul României în Banat există un procent important al ungurilor-catolici şi ai românilor uniaţi.

Prin România şi Ucraina Centrală trece fâşia neîntreruptă, populată de popoare ortodoxe, care leagă pământurile Rusiei cu Serbia, avanpostul Eurasiei în Balcani. În interesele Eurasiei este să transforme această regiune într-o regiune strategică unită - de facto într-o singură ţară. Acest lucru presupune ca Moscova să devină iniţiatorul integrării moldo-române, sub semnul căreia trebuie să fie de la bun început ca ortodox şi eurasiatic. Totodată în cadrul acesteia este important ca enclava ortodoxă română să fie înconjurată din spre est şi vest popoare slave ortodoxe – ucraineni şi sârbi, asigurând în acest mod integrarea teritorială neîntreruptă, întemeiată nu atât pe caracter etnic, cât pe cel confesional şi înru-

dire culturală. Totodată, un astfel de "bloc ortodox" de la Nistru până la Muntenegru, în centrul căruia trebuie să se afle România, trebuie să se formeze în colaborare cu Berlinul, căruia i se oferă partea mai vestică a Europei Centrale din Prusia prin Cehia şi Slovacia către Ungaria şi Austria, iar mai departe spre Croația, adică spre Adriatica. Dacă adăugăm la aceasta şi proeminența estică a Poloniei şi a Prusiei Orientale, care rămâne Germaniei mai la nord, atunci evident că prelungirea Rusiei în vest în regiunea balcanică va fi una logică şi acceptabilă, fără a încălca echilibrul geopolitic al Europei Centrale, care din punct de vedere geopolitic aparține sferei de influență a Germaniei."

Bielorusia va fi reintegrată Rusiei [5, 377], în timp ce Ucraina va avea parte de un tratament diferențiat. Aceasta nu are o justificare geopolitică a existenței sale, şi reprezintă un pericol enorm pentru întreg proiectul eurasian. Soluția optimă este dezintegrarea Ucrainei. Regiunilor vestice (Volinia, Galiția şi Transcarpatia) li se va permite să constituie o Federație Ucraineană Vestică, pe bazele culturale ale catolicismului.[34] Această structură statală trebuie menținută cu orice preț departe de controlul atlanticist [5, 382]. Restul teritoriilor ucrainiene din prezent ar urma să fie anexate Rusiei.

2. *Axa Moscova - Tokio*, urmând să neutralizeze influența americană în Extremul Orient.

Japonia va fi cointeresată în această alianță prin retrocedarea Insulelor Kurile. Mai mult, aceasta va fi încurajată să reia o politică ofensivă în zona Pacificului [5, 277].

La fel de importantă în strategia Eurasiei va fi India, care va beneficia de părți din China dezintegrată. Între beneficiari se vor număra cele două Corei şi Vietnamul, precum şi Mongolia (care, asemenea Bielorusiei, se va ataşa nucleului dur rus care inițiază imperiul euroasian) [5, 360, 363].

În această parte lumii, adversarul principal al integrării eurasiene îl constituie China, care a făcut un compromis esențial cu Occidentul prin declanşarea procesului de modernizare pe baza capitalurilor Vestului. Pe de altă parte, influența puternică a Chinei în Kazahstan şi invazia constantă a populației chineze în Siberia atentează la nucleul dur al eurasianismului [5, 172]. În aceste condiții, China trebuie dezmembrată, provinciile Tibet, Sianking şi Manciuria urmând să fie asociate Mongoliei în crearea unui cordon sanitar necesar Rusiei. În acest fel, influența chineză în Kazahstan devine imposibilă [5, 362]. O compensație geopolitică pentru China va fi construită în Sud, unde i se va recunoaşte dreptul la predominanță în Indochina (mai puțin Vietnamul aliat proiectului eurasian), Filipine, Indonezia şi Australia [5, 363].

[34] *Zona este puternic populată de către greco-catolici, mai apropiați din punct de vedere religios de Roma decât de Moscova*

3. *Axa Moscova - Teheran,* absolut necesară apărării intereselor eurasiene în lumea islamică.

Apropierea întregii zone islamice ar fi un fapt uşor de împlinit, contând pe antiamericanismul fundamental al religiei şi culturii islamice. Acţionând pivotul iranian, Rusia va obţine acces sistematic la Oceanul Indian.

Un rol extrem de important în asocierea Rusiei cu Iranul în joacă Armenia, cea mai importantă bază strategică în oprirea tendinţelor expansioniste ale Turciei. De aceea, axa spre sud poate fi denumită la fel de corect „Axa Moscova-Erevan-Teheran" [5, 352], fundamentul geopolitic al acestei triple alianţe constituindu-l originea ariană a armenilor, la fel ca în cazul iranienilor şi kurzilor. Pericolul zonal îl constituie Azerbaidjanul, care construieşte o apropiere nepermisă faţă de Turcia. Soarta azerilor va fi distribuirea lor către Iran, Rusia şi Armenia [5, 243].

Regiunile separatiste din Georgia urmează să fie integrate Rusiei – Abhazia, dar şi cele două Osetii vor fi direct administrate de către Federaţia Rusă [5, 351].

Principalul pericol regional pentru imperiul eurasian rămâne Turcia, ca membru al NATO şi aliat principal al Statelor Unite ale Americii în regiune. Pentru un control eficient asupra Turciei, devine necesară susţinerea separtismelor (kurzi, armeni şi alte minorităţi predispuse la rebeliune faţă de centru). Dacă Turcia va pierde astfel câteva provincii, va trebuie să primească o compensaţie spre sud, în direcţiile Bagdad, Damasc şi Riad, unde să-şi exercite nestingherită interesele [5, 244].

Eurasia însă nu se va opri la integrarea intereselor sale faţă cu vecinătatea imediată controlată de către atlantişti. Proiectul atlantic va trebui atacat în apropierea nucleului său dur, utilizând aceeaşi „tactică Anaconda" în sens invers: America de Sud şi Centrală, precum şi Africa, vor fi sprijinite prin toate mijloacele pentru a se elibera de sub dominaţia americană, până la colapsul total al imperiului atlantic [5, 259].

Concluzii

Proiectul geopolitic al lui Dughin a fost deja puternic afectat de evoluţiile de securitate ulterioare anului 1997. Puterea militară atlantică este prezentă în puncte cheie ale integrării eurasiene (Irak, Afganistan), iar puterea politică a Americii subordonează tot mai mult regimuri islamice din Asia şi Africa – fapte geopolitice ce l-au determinat pe gânditorul rus să reevalueze utilitatea unei apropieri a Federaţiei Ruse de China.

Şi totuşi, eurasianismul nu este doar un exerciţiu intelectual pe hartă, construind graniţe pe baza argumentelor culturale, economice, militare sau ezoterice. Sensul demersului eurasian, în aplicaţia lui Dughin, este acţional şi mobilizator, aşa cum se întâmplă mereu cu marile ideologii. Pentru gânditorul rus, „Jude-

când după semne precise, Vremurile sunt aproape. Endkampf, Ultima Bătălie se va dezlănţui în curând. Sunteţi pregătiţi, seniori ai Ordinului Polar? Sunteţi pregătiţi, soldaţi ai Eurasiei? Sunteţi pregătiţi, înţelepţi strategi ai GRU? Sunteţi pregătite, mari popoare ale Eurasiei, care v-aţi prins în rămăşag prin faptul însuşi al naşterii voastre? Deja au bătut clopotele decisive ale Ceasului Eurasiei… Marele Război al Continentelor deja se apropie de ultima sa clipă."[35]

Văzut dintr-o Românie membră NATO şi a Uniunii Europene, acest manifest de luptă pare în afara cursului istoriei, imposibil şi inutil având în vedere tendinţele majore ale lumii noastre.

Dar dacă această lume se va schimba mai repede decât ne aşteptăm? Cât şi ce din scenariile concurente ale schimbării, incluzând pe cel eurasian, ar putea deveni realitatea zilei de mâine?

Bibliografie

Opera esenţială a lui Aleksandr Dughin

1. Pop-kultura i znaki vremeni. – Moskva, Amphora, 2005
2. Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoe budushchee Rossii: myslit' prostranstvom, ediţia a IV-a. – Moskva, Arktogeia, 2000
3. Absoliutnaia rodina. – Moskva, Arktogeia-tsentr, 1999
4. Tampliery proletariata: natsional-bol'shevizm i initsiatsiia. – Moskva, Arktogeia, 1997
5. Osnovy geopolitiki: geopoliticheskoe budushchee Rossii. – Moskva, Arktogeia, 1997
6. Metafizika blagoi vesti: Pravoslavnyi ezoterizm. – Moskva, Arktogeia, 1996
7. Misterii Evrazii. – Moskva, Arktogeia, 1996
8. Konservativnaia revoliutsiia. – Moskva, Arktogeia, 1994
9. Evraziiskaya platforma. // "Zavtra", 2000, 21 ianuarie

Lucrări speciale

10. Allensworth W. The Russian Question: Nationalism, Modernization and Post-Communist Russia. - Lanham, Rowman and Littlefield, 1998
11. Bassin M. Eurasianism and Geopolitics in Post-Soviet Russia. // Godzimirski J. (ed.) Russia and Europe. - Oslo, Norwegian Institute of International Affairs, 1996, pp.33-42.
12. Dunlop J.B. The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire. Second expanded edition. - Princeton, Princeton University Press, 1995

---

[35] *Concluzie la studiul Marele război al continentelor, publicat pe site-ul oficial al Mişcării Eurasia în traducere românească [25]*

13. Iasmann V. The Rise of the Eurasians. The Eurasian Politician. // RFE/RL. Inc., 1992
14. Laruelle M. Aleksandr Dughin: A Russian Version of the European Radical Right. // Kennan Institute. Ocasional Paper no.294, edited by Woodrow Wilson International Center for Scholars
15. Nazarbaev N. Evraziistvo: ot idei k praktike. - Astana, 2004
16. Nazarbaev N. Evraziistvo i Kazakhstan. Trudy Evraziiskogo nauchnogo foruma 'Gumilevskie chteniia'. 2 vol. - Astana, 2003
17. Savitskii P. Kontinent Evrazii. // Dugin A. (ed.) - Moscow, Agraf, 1997
18. Shenfield S. Russian Fascism: Traditions, Tendencies, Movements. - New York, Armonk, 2001

Periodice

19. Clover C. Will the Russian Bear Roar Again. // "Financial Times", 2000, 12 decembrie.
20. Laruelle M. Le neo-eurasisme russe. L'Empire apres L'Empire? // Cahiers du monde russe, 2000, ianuarie-martie, nr.42/1
21. Mathyl M. The National-Bolshevik Party and Arctogaia: Two Neo-fascist Groupuscules in the Post-Soviet Political Space. // Patterns of Prejudice, vol.36, 2003, nr.3, pp.62-76.
22. Nazarbaev N. Evraziiskii soiuz: strategiia integratsii. // Evraziia, 1996, nr.1, pp.3-8.
23. Thom F. Eurasisme et néoeurasisme. // Commentaires, 1994, nr.66.
24. Venier P. The Geographical Pivot of History and Early 20th Century Geo-political Culture. // Geographical Journal, vol.170, 2004, nr.4, decembrie, pp.330-336.

Resurse de internet

25. http://evrazia.info/modules.php?name=News&file=print&sid=4058
26. http://www.rossia3.ru/romina/Liberalismul http://www.strana.ru
27. Putin V. Rossiya vsegda oshchushchala sebya evroaziatskoi stranoi. // www.strana.ru, 2000, 13 noiembrie
28. Zabello Ya. Evraziya – prevyshe vsego? // Transkaspiiskii proekt: informatsiono-analaticheskii server, 2001, 13 iunie.

Prezentat la redactie
la 14 decembrie 2009

УЧАСТИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В УРЕГУЛИРОВАНИИ ПРИДНЕСТРОВСКОГО КОНФЛИКТА: ТЕНДЕНЦИИ НАУЧНОГО АНАЛИЗА

Анатолий КРУГЛАШОВ
Украина, Черновцы, Черновицкий национальный университет имени Ю.Федьковича, факультет истории и политологии, кафедра политологии и государственного управления
доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой; профессор и куратор магистерской программы «Европейские исследования» Европейского гуманитарного университета (Вильнюс, Литва).

Константин ТКАЧЁВ
Литва, Вильнюс, Европейский гуманитарный университет
магистр политических наук (специальность «Европейские исследования»), куратор бакалаврской программы «Политология и европейские исследования»

The article studies the current situation in the research literature dedicated to the conflict in Transnistria and, in particular, to the EU's role in the conflict settlement. The authors of the article consider the EU to be one of the major actors able to influence settlement of the above conflict positively. The article provides analysis of the tendencies in research of the issue by the Moldovan, Transnistrian, Russian, Ukrainian authors as well as the authors from the EU countries, uncovers the common and the peculiar in those tendencies. The article may be considered as an attempt to summarise the results of the research as of today and provide a kind of guidelines for further research on the issue.

Введение

Приднестровский конфликт остается одной из очевидных точек региональной нестабильности, способной существенно повлиять на уровень безопасности стран Юго-Восточной Европы. В статье, где рассматривалась политика ЕС по отношению к разрешению Приднестровского конфликта, авторы уже отмечали, что до расширения 2004-2007 гг. ЕС проявлял умеренный, если не периферийный интерес, как к самому конфликту, так и поиску путей его разрешения [17]. Но со вступлением Румынии в Европейский союз с 1 января 2007 г., Республика Молдова и территория Приднестровья оказались непосредственными соседями объединенной Европы, оказывая влияние на ее Общую внешнюю политику и политику безопасности (ОВППБ), существенно корректируя применение инструментария

соседства по отношению к отдельным странам постсоветского региона. С этого времени позиция Брюсселя по отношению к ситуации в Молдове начала изменяться в сторону заметной активизации усилий ЕС по поиску дипломатических способов разрешения данного конфликта. Впрочем, несмотря на это, за прошедшие годы ЕС не удалось достичь существенного улучшения ситуации в регионе, и даже предложить сторонам противостояния приемлемый план его разрешения.

Ситуация в регионе конфликта до сих пор остаётся неопределённой. Сможет ли ЕС, как и страны-посредники, имеющие отношение к данному конфликту, найти действенные механизмы деконфликтизации отношений Кишинева и Тирасполя – вопрос, открытый для политических и научных дискуссий. Но он имеет важное значение как для судеб государственности Молдовы, так и для общего направления развития постсоветского пространства с его еще недовершенной логикой распада бывшего союзного государства, проявляющейся и в феномене самопровозглашенных государств.

Поэтому представляется важным исследовательским заданием изучить современное состояние научной литературы, посвященной приднестровскому конфликту и, в частности, роли ЕС в его разрешении. Ведь он является одним из наиболее мощных экономических объединений, а также стремится стать влиятельным политическим игроком на мировой арене. Последние устремления становятся всё заметнее и в попытках осуществления им все более активной политики в странах бывшего Советского Союза. Анализ научной литературы по этим вопросам важен не только с точки зрения сугубо академического интереса, хотя этот аспект имеет несомненную познавательную и теоретико-методологическую ценность. Не менее важно выявить и систематизировать те экспертные подходы и предложения по разрешению данного конфликта, которые составляют совокупный аналитический потенциал и, более того, интеллектуальный ресурс дальнейшего поиска оптимальных политических решений. И в содержании, и объеме поставленной научной цели, по мнению авторов статьи, данная проблематика еще не поднималась в существующей научной литературе.

Отдельно следует отметить, что за рамками данной статьи остается анализ взглядов румынских исследователей на приднестровский конфликт и роль ЕС в его урегулировании. Этот аспект, по мнению авторов данной статьи, требует особого внимания и заслуживает быть рассмотренным в отдельной аналитической статье.

I. Два берега у одной реки: научные позиции кишиневских и тираспольских исследователей

Приднестровский конфликт анализируется исследователями в Тирасполе и Кишиневе с разных, если не совершенно противоположных позиций. И эти позиции определяются лояльностью авторских позиций или их идентификацией с одним или другим лагерем затянувшегося противостояния. Так, в работах молдовских исследователей чётко прослеживается линия на последовательную легитимизацию целостности молдовской государственности, доказательство законных прав Республики Молдова на суверенитет над территорией Приднестровья. Следует отметить, что вопрос о границах Молдовы в работах молдовских авторов не ставится под сомнение. Республика Молдова в границах, признанных международным сообществом, является отправной точкой, исходным пунктом рассмотрения проблемы приднестровского конфликта. Какие-либо альтернативные варианты территориальной конфигурации молдовского государства, а тем более вариант предоставления независимости Приднестровью молдовскими авторами не рассматриваются. Левобережье Днестра практически во всех проанализированных работах видится кишиневским авторам как составная часть единого государства, как зона естественных интересов Республики Молдова (см., например, [36; 42-44; 47-49; 50]).

Принципиально важной и противоположной в двух рассматриваемых случаях является позиция авторов исследований по вопросу о причинности и обусловленности данного конфликта, ответственности за него вовлеченных сторон. Большинство молдовских авторов считают непосредственным виновником конфликта приднестровскую сторону, чьи действия осуществлялись, по их мнению, при непосредственной разносторонней поддержке Москвы. Исследователи из Кишинева во многих работах раскрывают заинтересованность определенных кругов в России в сохранении конфликта и анализируют ее геополитические, экономические, оборонные интересы в конфликтном регионе [43; 50].

В то же самое время, нельзя утверждать, что в молдовской исследовательской литературе не существуют точек зрения на приднестровский конфликт, альтернативных дискурсу, доминирующему в рассмотренных источниках. Так, например, в одной из работ автора В.Стати в разжигании конфликта обвиняется агрессивная националистическая оппозиция периода распада СССР и позитивно оцениваются «братские отношения», существовавшие между этническими группами в Советском Союзе [33]. В целом, данную работу трудно признать объективной, так как в возникновении конфликта обвиняется, в первую очередь, Народный фронт Молдовы.

Что касается оценки роли Европейского союза в процессе урегулирования конфликта в Приднестровье, то они в большинстве случаев совпадают у молдовских авторов. Во многих работах оценка роли Брюсселя в данном процессе до 2000-х гг. фактически отсутствует. По мнению авторов данной статьи это связано не только и не столько с отсутствием анализа политики ЕС в отношении приднестровского конфликта в указанный период, сколько с адекватной констатацией исследователями фактического отсутствия этой политики как таковой [17]. В тех же работах, в которых производится анализ политики ЕС в отношении Молдовы в 1990-х гг. в общем, ей даются преимущественно критические оценки. Так, например, известный эксперт О.Нантой отмечает пассивность ЕС в отношении урегулирования рассматриваемого конфликта с самого начала возникновения последнего [44, 1]. В.Георгиу в своей работе особо отмечает нежелание ЕС налаживать отношения с Молдовой как с самостоятельным государством, игнорирование Брюсселем официально объявленных европейских устремлений Кишинёва при одновременном предоставлении европейской перспективы нестабильным балканским государствам [41, 1-3]. Таким образом, кишиневские исследователи негативно оценивают вклад ЕС в урегулирование приднестровского конфликта в 1990-е гг.

Обращает на себе внимание то, что уже в анализе роли ЕС в 2000-е гг., молдовские исследователи справедливо отмечают, в первую очередь, активизацию работы Брюсселя в данном направлении и его попытку занять проактивную позицию. В их работах указывается на активные действия ЕС в направлении урегулирования конфликта. Например, отмечается, что руководящие институты ЕС выказывали недвусмысленную поддержку территориальной целостности Молдовы, однако, в то же время подчеркивается нежелание ЕС предоставить Кишиневу европейскую перспективу, т.е. перспективу получения членства ЕС в будущем [43, 60]. Молдовские авторы внимательно рассматривают активное участие ЕС в переговорах по статусу и будущности Приднестровья, различные его инициативы по их проведению, участие в работе Конституционной комиссии. В частности, создание специальных структур (институт спецпредставителя ЕС, миссия ЕС на границе Молдовы и Украины) [50, 32], а также введение ряда санкций с целью стимулировать переговорный процесс между Тирасполем и Кишиневом. Среди прочего, кишиневские исследователи отмечают также увеличение количества заявлений со стороны ЕС в отношении процесса урегулирования приднестровского конфликта [42, 2]. При этом, в рассматриваемых нами работах отмечается согласие их авторов по отношению к оценке общей неэффективности предпринимаемых мер. В качестве причин такого положения ими называются длительная пассивность ЕС, определенная непоследовательность его действий, отсутствие четкой и целост-

ной стратегии, наличие внутренних и внешних ограничений для проведения более энергичной политики. Например, авторы указывают на деструктивную роль России в процессе урегулирования, нежелание Брюсселя вступать в соперничество с Москвой, наличие противоречий в вопросах внешней политики между странами-членами ЕС и т.д. [42; 43; 49; 50].

Несмотря на достаточно критическую оценку роли ЕС в процессе урегулирования приднестровского конфликта в 2000-х гг., молдовские исследователи считают, что ЕС является практически единственным посредником, способным урегулировать рассматриваемый конфликт. В пользу такого вывода ими приводится ряд доводов, в частности, отмечается существенный потенциал ЕС, наличие в его распоряжении многочисленных и разнообразных политических, экономических и иных инструментов влияния. В целом, авторы из Кишинева видят в ЕС гаранта мирного урегулирования приднестровского конфликта, стабильного развития страны и региона, вывода российских войск с территории Республики Молдова. Можно отметить, что проевропейская ориентация Молдовы, таким образом, оказывает определённое влияние на прогнозы исследователей в отношении возможного урегулирования конфликта в Приднестровье. Среди преобладающих недостатков молдовской научной литературы по приднестровскому конфликту нужно выделить определенный дефицит исследовательского внимания к анализу ошибок руководства Молдовы. В частности, речь идет о внимании к несбалансированной, а временами и авантюрной этнополитике отдельных политических лидеров страны в период коллапса СССР и начала строительства суверенного молдовского государства, что внесло свой вклад в формирование, развитие, и эскалацию изучаемого конфликта.

Существенно иной точки зрения на конфликт придерживаются приднестровские исследователи. Логика рассмотрения предмета исследований, обоснования авторской позиции и выводы относительно истоков, характера и результатов конфликта, предложения по возможным путям его разрешения в Тирасполе существенно отличаются, а зачастую диаметрально противоположны позициям их коллег из Кишинева. Прежде всего, отвечая на вопрос об ответственности за разворачивание и эскалацию конфликта, авторы из Приднестровья утверждают, что восточные районы Молдовы не были инициатором вооруженного противостояния с Кишиневом, а их население было вынуждено обороняться от агрессора, в качестве которого приднестровские авторы представляют официальные молдовские власти. Последние позиционируются ими не только как агрессор, но также как провокатор, вовлекший в вооруженное столкновение 14-ю армию и приведший к значительным жертвам среди мирного населения Приднестровья. Действия молдовских властей в период активных боевых действий предс-

тавляются исключительно как «нападение», а приднестровских формирований только как «защита» ([2; 8; 32]).

Ещё одной характерной чертой работ тираспольских авторов являются теоретические усилия, настойчивый поиск аргументов в пользу легитимации прав территории на самоопределение. Аргументы в пользу наличия таких прав у Приднестровья приводятся самые разнообразные. Так, например, полемизируя со своими кишиневскими оппонентами, эти авторы отмечают, что говорить о неконституционности процесса образования приднестровской республики (в связи с тем, что не были соблюдены все требования союзной Конституции, относящиеся к образованию новой союзной республики) можно было бы «лишь только при нормальном функционировании на территории ССР Молдова Конституции СССР» [37, 119]. Поскольку Верховный Совет МССР признал противоправным образование Молдавской ССР 2 августа 1940 г. в составе СССР, то, соответственно, сама молдовская власть не может объявлять действия Тирасполя неконституционными.

В качестве еще одного аргумента в защиту прав на самоопределение приднестровскими авторами активно разрабатывается версия «историчности» Приднестровской государственности. Т.е., речь ведется не о попытке создания новой государственности на территории Приднестровья, а об ее восстановлении. Сторонниками такого подхода отмечается, что приднестровские территории уже обладали «автономной формой государственности» в составе Украинской ССР до момента образования Молдавской ССР [3, 7; 4, 3]. Приднестровские авторы указывают на то, что «ликвидация первой государственности была произведена с нарушением действующих тогда конституционных законов» [3, 7]. В работах, посвященных вопросу истоков приднестровской государственности, отмечается, что таковая имеет еще более давнюю историю, и чтобы показать это, делаются отсылки на попытки создания «буферного казацко-молдавского государства» [3, 6].

Среди прочих аргументов в пользу легитимизации «приднестровского государства» во многих работах данной группой авторов рассматриваются референдумы о независимости, проводившиеся на территории восточных районов Молдовы в период существования конфликта. В таких случаях тираспольские исследователи ссылаются на право народов на самоопределение, отмечают демократичный характер волеизъявления жителей Приднестровья, считают вопрос независимости территории не подлежащим обсуждению, поскольку создание этого государства стало выражением воли народа. Особо ими подчеркивается вынужденный характер такого шага в связи с агрессией Кишинева [3; 6; 7]. При этом в приднестровской литературе не только не рассматриваются альтернативные варианты выхода из конфликта, но даже и не предпринимаются попытки к поиску таких альте-

рнатив. Это позволяет констатировать определённую ее «идеологизацию», заданность исходных позиций исследователей, в силу чего их научная объективность и неангажированность при анализе проблематики конфликта и поиска путей выхода из него оказывается очень ограниченной внешними по отношению к научным поискам факторами.

Помимо выполнения задач по идеологическому конструированию приднестровской государственности и теоретизации феномена «приднестровского народа», характерной особенностью работ тираспольских авторов является то, что в них Кишинев предстает в качестве врага [2-4], а в ряде случаев - не только со времени начала приднестровского конфликта, но и в более отдаленной умозрительной ретроспективе. В поддержку этого тезиса проводятся явные и скрытые параллели со временем фашистской оккупации («присоединение Молдовы к Союзу России и Белоруссии и вовлечение в него Украины, мирное объединение страны на равноправной демократической цивилизованной основе сделали бы невозможным аншлюс Молдовы с Румынией» [4, 8]), приводятся указания на зверства румынских войск в период оккупации [2]. Сколь некритично и последовательно этими авторами рисуется из Молдовы образ исторического и главного врага Приднестровья, столь же энергично в самопровозглашенной республике из России создается образ «единственного» друга. В их работах она предстает страной, на протяжении всей истории края бескорыстно оказывавшей помощь местному населения, а в период молдовской агрессии вновь пришедшей на помощь Приднестровью, не преследуя при этом собственных корыстных целей, а лишь оказав поддержку свободному волеизъявлению граждан восточных районов Молдовы [2-4]. В таких случаях место объективного анализа заступает активное мифотворчество, прослеживается узнаваемое следование «славным традициям» теоретических усилий советской историографии с ее преобладающей политической конъюнкурностью, догматизмом и, в результате, однобоким видением рассматриваемых проблем.

Обращаясь непосредственно к вопросу оценки роли Европейского Союза в урегулировании конфликта в Приднестровье тираспольскими исследователями, можно отметить следующее. В первую очередь, обращает внимание тот факт, что в рассмотренных работах ряда авторов данному аспекту уделяется крайне незначительное внимание. Он находится на периферии исследовательских интересов авторов в Приднестровье. Несмотря на то, что в некоторых работах регистрируется факт участия ЕС в качестве наблюдателя в переговорах, одновременно указывается, что данное интеграционное объединение не располагает достаточными ресурсами и влиянием (такими как Россия и США) для урегулирования конфликта [9, 251]. Помимо этого, тираспольские исследователи утверждают «деструк-

тивный» характер деятельности ЕС, его следование в фарватере США и даже оказание давления на руководство Молдовы с целью срыва «конструктивного» переговорного процесса [9, 255]. Приднестровские авторы отмечают «ангажированность» ЕС, в частности на примере заранее обозначенной Брюсселем позиции специального представителя ЕС в Республике Молдова по непризнанию результатов «свободного волеизъявления» жителей Приднестровья на референдуме по вопросу независимости 17 сентября 2006 г. [6, 18].

С учётом вышеизложенного, отметим несколько тенденций в научном анализе вопроса, рассматриваемого в статье, приднестровскими исследователями. Во-первых, роль ЕС в процессе урегулирования рассматривается как вторичная по сравнению с такими геополитическими акторами как Россия и США. Во-вторых, ЕС расценивается ими как необъективный участник переговорного процесса. Под его необъективностью тираспольские исследователи понимают однозначную поддержку Брюсселем территориальной целостности Республики Молдова и отказ от поддержки любых сценариев урегулирования конфликта, навязываемых Москвой с целью сохранения ее влияния в регионе. Особенно примечательно единство позиций приднестровских авторов по вопросу поисков путей разрешения конфликта и отсутствие с их стороны попыток анализа ситуации с точек зрения, отличающихся от доминирующей в Приднестровье официальной позиции.

II. Разнонаправленная эволюция: научные и экспертные позиции исследователей Украины и России

Рассматривая тенденции научного анализа по проблеме участия Европейского Союза в урегулировании приднестровского конфликта, авторы статьи считают важным проанализировать общую направленность работ по данному вопросу, опубликованных в странах-гарантах мирного урегулирования конфликта, а именно в России и Украине. В первую очередь, следует отметить, что российские аналитики, в большинстве своем, с крайним недоверием относились и относятся к активному участию влиятельных международных акторов в урегулировании конфликтов на территории бывшего СССР. Такие действия зачастую воспринимаются как официальной Москвой, так и российскими исследователями в качестве попыток изоляции России, вторжения в зону «естественных» интересов и влияния Российской Федерации. Отмеченные выше тенденции четко прослеживались уже в «ельцинской» России, с определенной долей закономерности они еще более усилились после прихода к власти В. В. Путина.

Вопрос приднестровского конфликта часто рассматривается российскими исследователями как часть общей схемы возникновения этнических конфликтов на территории СССР в последние годы его существования и после его распада (см., например [11; 13-15; 18; 25; 35]). В статьях по данному вопросу авторы анализируют общие черты конфликтов в постсоветских государствах, а также причины их возникновения. Статьи, как правило, написаны на высоком профессиональном уровне, раскрывают предпосылки конфликтов, связанные с этнической политикой СССР и административно-территориальным делением и системой подчинения / взаимодействия субъектов федерации. В то же время, достигая определённого уровня концептуализации и теоретизации, российские исследователи иногда игнорируют особенности рассматриваемых ими конфликтов. В частности, авторы не всегда уделяют должное внимание тому, что с течением времени удельный вес общего в развитии данных конфликтов неуклонно уменьшался, каждый из них начинал приобретать все более уникальные черты. Кроме этого, большинство российских авторов недостаточно объективно оценивают политику России по отношению к этим конфликтам. Большинство из российских исследователей положительно оценивают роль Москвы в деэскалации конфликтов и последующих усилиях по поддержанию мира. Однако эти исследователи не замечают того факта, что Россия, настойчиво преследуя свои собственные стратегические интересы в каждом из конфликтных регионов, вряд ли может рассматриваться как беспристрастный посредник. Они предпочитают «не замечать» и того, что официальная Москва сыграла, да и продолжает играть определенную негативную, а порой и деструктивную роль в поисках путей разрешения данных конфликтов на постсоветском пространстве, получая от этого геополитическую и идеологическую, как минимум, ренту.

Изучение работ российских исследователей по вопросу конфликта в Приднестровье показывает, что в них преимущественно поддерживается позиция приднестровских авторов. В большинстве своем, в этих работах обосновываются и оправдываются действия Тирасполя, утверждается, что приднестровцы защищали свою землю по праву и что виновником возникновения и эскалации конфликта является молдовская сторона. С определенной долей уверенности можно утверждать, что рассматриваемые работы представляют собой, хотя и теоретически наиболее софистицированный на постсоветском пространстве, но, тем не менее, односторонний, а потому и недостаточно объективный анализ причин возникновения и развития изучаемого конфликта ([5; 10; 19-21; 34]).

Рассматривая оценку российскими исследователями участия ЕС в урегулировании конфликта в Приднестровье, отметим следующее. В первую очередь, практически отсутствует анализ политики ЕС в отношении прид-

нестровского конфликта до 2000-х гг. Как уже отмечалось ранее, это связано, скорее всего, с отсутствием такой политики со стороны Брюсселя. В тех же работах, которые касаются политики ЕС по отношению к данному конфликту, можно проследить следующие тенденции. Упрочение позиций и активизация ЕС в данном регионе практически однозначно рассматриваются их авторами как недружественные шаги, попытки «ослабить позиции России на постсоветском пространстве», изолировать Москву, лишить ее союзников (де-факто сателлитов) [1; 22; 23; 35]. Таким образом, взаимодействие ЕС и России зачастую понимается не как возможность плодотворного взаимовыгодного сотрудничества между ними с целью стабилизации ситуации в регионе, разрешения замороженного конфликта, а как соперничество за сферы влияния по схеме игры с нулевой суммой в теории игр. При этом, некоторые авторы обвиняют ЕС в необъективности, преследовании собственных интересов, давлении на стороны переговорного процесса. Россия же, наоборот, представляется ими в виде осажденной крепости или даже жертвы, пострадавшей в ходе выполнения миссии беспристрастного посредника, чьими исключительными усилиями было остановлено кровопролитие [35].

Впрочем, столь однозначная позиция разделяется далеко не всеми российскими авторами. Некоторые из них винят в сложившейся ситуации в отношении урегулирования приднестровского и иных конфликтов на постсоветском пространстве не только страны ЕС и США, но и российское руководство с его недальновидной политикой, приведшей к все большему отчуждению стран СНГ от Москвы [1]. Тем не менее, даже и в таком случае аксиомой остается утверждения о том, что Россия является великой державой, во многом определяющей международные отношения, а страны СНГ – зоной естественных интересов Москвы, в которой именно Кремлю принадлежит и должно принадлежать решающее слово. Таким образом, четко прослеживается неспособность российских исследователей преодолеть ограничения рамок неоимперского мышления, выйти на уровень объективной оценки сложившийся ситуации, как в постсоветском регионе, так и в мире.

Обобщая подходы украинских исследователей по рассматриваемому в данной статье вопросу, во-первых, необходимо отметить, что к середине 2000-х гг. официальная позиция Киева по многим аспектам внешней политики пережила существенный дрейф от пророссийской к проевропейской. После Оранжевой революции официальный Киев стремился продемонстрировать на внешнеполитической арене возросшую самостоятельность, в том числе выступал с собственными инициативами (например, «план Ющенко») по урегулированию конфликта в Приднестровье.

Реагируя на эти изменения, украинские исследователи проводили самостоятельный анализ конфликта, роли стран-посредниц в его урегулировании, в частности Украины, с целью определения собственного места Украины в процессе разрешения конфликта в Приднестровье. В общем и целом, можно отметить, что анализ причин, хода конфликта, процесса его урегулирования украинскими исследователями осуществляется с гораздо большей объективностью, нежели в случае с авторами из Молдовы, Приднестровья, России [24; 26-28; 30]. В то же самое время, нельзя не отметить недостаточную объективность анализа роли Украины в процессе урегулирования. Таким примером может послужить работа Г.М.Перепелицы: при общем глубоком и вдумчивом анализе предпосылок конфликта, его развития, влияния внешних факторов на ход конфликта и процесс его урегулирования, автор все же недостаточно критично оценивает роль Украины в изучаемых процессах. В данном отношении авторы статьи солидарны с аргументами украинского исследователя В.Пинцака [35]. В других работах, например [28; 30], роль Украины оценивается более объективно, указывается, что Киев имел и имеет собственные, порой «специфические» интересы в сохранении замороженного конфликта в Приднестровье.

Относительно оценок украинскими авторами роли ЕС в урегулировании приднестровского конфликта, заметим, что этот вопрос так или иначе рассматривается в незначительном количестве работ украинских авторов ([16; 24; 31]). Необходимость более активного вовлечения ЕС в урегулирование конфликта в Приднестровье считается желательной и подчеркивается всеми исследователями, рассматривающими данную проблему. В то же время отмечается в качестве отрицательного момента «неготовность Еврокомиссии сформулировать восточную и юго-восточную политику ЕС как отдельное направление, базирующееся на признании специфики стран, объективно принадлежащих к Европе» [31, 211]. Также констатируется отсутствие долгосрочной стратегии ЕС в отношении Молдовы и ее будущности [31, 212]. Так, уже упоминавшийся известный киевский эксперт Г.М.Перепелица считает, что ЕС в принципе не готов играть активную роль в урегулировании приднестровского конфликта и в дальнейшем будет ограничиваться лишь посредничеством [24]. В целом, большинство украинских авторов довольно пессимистично оценивают вероятность активизации деятельности ЕС по урегулированию конфликта в Приднестровье, хотя и продолжают связывать большие надежды именно с таким вариантом развития событий в регионе.

III. Маленький, но досадный раздражитель: взгляды на приднестровский конфликт из ЕС

Анализом приднестровского конфликта занимаются также и исследователи из стран ЕС, хотя количество данных работ незначительно и посвящены они, в основном, отдельным аспектам или периодам конфликта. В большинстве своем, авторы из этих стран при оценке данного конфликта близки к позициям молдовских коллег. Довольно детально анализируются действия приднестровских властей, вызвавшие конфликт; при этом недостаточное внимание уделяется «вкладу» молдовских элит в развитие конфликта. Раскрывается поддержка приднестровских сепаратистов Россией и ее причины, но замалчивается помощь Бухареста Кишиневу. Особое внимание уделяется роли 14-й армии, которую последняя сыграла в конфликте, а также тому, как она содействовала приднестровской стороне конфликта ([39; 40; 53]).

Исследователи из стран ЕС анализируют политику Брюсселя в отношении приднестровского конфликта со времени ее активизации в первой половине 2000-х гг. [38; 45; 46; 51; 52]. Анализ предыдущего периода с начала 1990-х гг. практически отсутствует. В рассматриваемых работах роль ЕС в урегулировании конфликта несколько преувеличена. Так, к примеру, М.Вал детально анализирует политику ЕС в отношении конфликта в Приднестровье, но выводы автора представляются нам слишком оптимистичными. Это же замечание можно отнести ко всем оценкам автором конкретных аспектов политики ЕС: назначения спецпредставителя, введения визовых ограничений в отношении властей Приднестровья. М.Вал полагает, что политика ЕС в отношении рассматриваемой проблемы очень успешна, что она заставляет приднестровские власти понять необходимость конструктивного диалога с Кишиневом [52]. К сожалению, анализ результатов этих действий Брюсселя на большем временном отрезке показывает, что ему пока что не удалось достичь поставленных перед собою целей.

В другой анализируемой нами работе за авторством А.Рача проводится предварительный анализ деятельности миссии ЕС по приграничной помощи Молдове и Украине. Автор раскрывает возможные проблемы, с которыми миссия может столкнуться на месте, в первую очередь, ее зависимость от воли украинских чиновников, часть из которых не стремится отказаться от выгодных «особых» отношений с Приднестровьем, несмотря на официальные заявления Киева. Опять-таки, невзирая на обстоятельный анализ данного вопроса, исследователь демонстрирует недостаточно обоснованный оптимизм в отношении того воздействия, которое эта миссия может оказать на разрешение конфликта, влияя посредством своей работы на позицию Тирасполя [51].

Подытоживая, можно обобщить, что в работах этой группы исследователей, несмотря на их существенный вклад в анализ политики ЕС в отношении приднестровского конфликта, авторы недостаточно объективно оценивают влияние ЕС на процесс урегулирования конфликта в Приднестровье, как правило, отклоняясь в оценках в сторону преувеличения такого влияния. Кроме того, в большинстве работ исследователей из стран ЕС внимание их авторов направлено на отдельные аспекты или инструменты политики реинтеграции Молдовы, интегральный анализ практически отсутствует.

Между тем, такое скромное, а точнее, явно недостаточное внимание со стороны экспертов и аналитиков ЕС к данному неразрешенному конфликту не отвечает его важности для осуществления ОВППБ и ЕПБО, поскольку он локализован в замороженном состоянии практически на самой границе ЕС. И потому является вызовом и испытанием для действенности внешней политики ЕС. Особенно необходимо учитывать в данном случае переплетение интересов и зон влияния Брюсселя и Москвы, что осложняет вопрос урегулирования данного конфликта. Работы по теме участия ЕС в разрешении приднестровского конфликта стали появляться лишь в 2000-х гг., после того, как стала очевидной перспектива вхождения в это интеграционное объединение Румынии. Можно отметить наработку определенного экспертного потенциала за довольно короткий промежуток времени, наличие которого позволит ЕС в обозримой перспективе разработать действенную стратегию в отношении конфликта в Приднестровье, найти эффективные пути разрешения последнего при наличии достаточной, а главное – единой политической воли в Брюсселе.

Выводы

Обобщая полученные научные результаты рассмотрения основных тенденций научной литературы в освещении приднестровского конфликта и роли Брюсселя в его разрешении, можно выделить следующие основные тенденции в аналитических работах по этой проблематике. Так, молдовские и украинские аналитики и исследователи из стран ЕС позитивно оценивают участие Брюсселя в процессе урегулирования, считают его не просто важным, но необходимым компонентом окончательного разрешения конфликта. В то же время, молдовские и украинские авторы отмечают недостаточную степень вовлеченности ЕС в разрешение данной проблемы. Авторы из стран ЕС, в основном, тяготеют к преувеличению влияния европейского интеграционного объединения на процесс урегулирования конфликта. Напротив, в своем преобладающем большинстве, исследователи из России и Приднестровья негативно оценивают участие Брюсселя в процессе урегулирования этого регионального конфликта, как и саму возмож-

ность усиления роли ЕС в нем. По их мнению, участие ЕС носит деструктивный характер, не учитывает подлинные интересы жителей Приднестровья и даже Молдовы.

Таким образом, можно отметить определенную, достаточно сильную взаимную связь и корреляцию между позицией экспертов и аналитиков, с одной стороны, а также интересами и устремлениями руководства соответствующих стран, с другой. Результатом такой взаимосвязи становится, в первую очередь, недостаточная объективность, идеологизированность анализа и, соответственно, одномерность, однобокость предлагаемых путей и средств разрешения проблемы Приднестровья.

Особого внимания заслуживает отмечаемый многими исследователями факт недостаточного вовлечения ЕС в процесс урегулирования конфликта в Приднестровье. Во многих работах молдовских и украинских авторов отмечается отсутствие стратегии Брюсселя в данном регионе, недостаточность политической воли, нежелание вступать в противостояние с Россией посредством активизации своей политической деятельности в регионе. В то же самое время, часто отмечается существенный, далеко не реализованный в полной мере потенциал ЕС в разрешении приднестровского конфликта. По мнению исследователей, этот потенциал состоит в возможности оказания экономической помощи Молдове и содействия ее развитию, открытии европейских рынков для молдовских товаров, интенсификации сотрудничества страны с ЕС. Именно эти меры, в своей совокупности, могут содействовать повышению привлекательности государственности Молдовы (являющейся на данный момент самой бедной страной Европы), как для своих граждан, так и для жителей Приднестровья. Также, критически осмысливая и используя опыт, накопленный в Боснии и Герцеговине, Македонии и иных странах, ЕС может направить в Республику Молдова миротворческую и полицейскую миссии, которые бы заменили российский контингент и содействовали бы скорейшему урегулированию конфликта. С учетом изложенного, авторы данной статьи считают, что фокус последующих научных исследований по теме необходимо направить именно на те сферы урегулирования приднестровского конфликта, в которых «мягкая» сила ЕС может быть особенно успешно применена.

Важным аспектом дальнейших исследований является поиск и предложение возможностей конструктивного и эффективного взаимодействия всех заинтересованных в разрешении конфликта сторон с Россией, в совместных поисках его разрешения. Без активного и заинтересованного участия Москвы в этом процессе на сегодняшний день достижения позитивного результата в регионе невозможно.

И, наконец, как общее состояние, так и качество рассмотренной авторами научной литературы позволяет утверждать, что тем немногим, что

«объединяет» большинство работ исследователей и экспертов по данному вопросу, является недостаточно высокая степень их объективности. А вместе с нею, равно и более или менее ярко выраженная односторонность, апологетическая и идеологическая функциональная заданность научных подходов, предопределяющая видение самой проблемы и способов ее решения. Таким образом, не только политические элиты, но и интеллектуалы, эксперты и исследователи из разных стран также вносят свой вклад в стагнацию процесса конфликтного урегулирования. В результате, примеряющее, а тем более консолидирующее его понимание и, на этой основе, выдвижение продуктивных предложений по решению приднестровского конфликта остаются необходимыми, но не достигнутыми целями современной политической науки. Преодоление этих недостатков не является самодостаточной причиной разрешения данного конфликта, но может и должно выступить важным фактором его завершения.

Библиография

1. Арбатова Н. Станут ли страны СНГ «яблоком раздора» в отношениях России и ЕС? // Мировая экономика и международные отношения. 2006, № 6, с.15-20.
2. Бабилунга Н.В. и др. Феномен Приднестровья. - Тирасполь: ПГУ, 2003.
3. Бабилунга Н.В. Исторические основы Приднестровского государства. // Общественная мысль Приднестровья, 2005, № 1, с.5-8.
4. Бабилунга Н.В. История Приднестровской Молдавской Республики в первом приближении: роль геополитического фактора. // Общественная мысль Приднестровья, 2006, № 2, с.3-8.
5. Бершин Е. Дикое поле: приднестровский разлом. - Москва: Текст, журнал «Дружба народов», 2002.
6. Волкова А.З. Референдум 17 сентября 2006 г. – свободное волеизъявление приднестровских граждан. // Общественная мысль Приднестровья, 2006, № 2, с.9-19.
7. Волкова А.З. Референдумы в Приднестровской Молдавской Республике – отражение воли приднестровского народа. // Общественная мысль Приднестровья, 2005, № 1, с.9-17.
8. Воловой Г.П. Кровавое лето в Бендерах. Хроника Приднестровской трагедии. - Бендеры: Полиграфист, 1993.
9. Кесслер И.И. Роль посредников и гарантов переговорного процесса на пути легитимации Приднестровья. // Международное право и реалии современного мира: Приднестровская Молдавская Республика как состоявшееся государство. - Тирасполь, 2006, с.251-256.

10. Ковалёв С. Молдова и Россия. Трагедия в Дубоссарах: Верховный Совет РСФСР перед выбором. // Новое время, 1990, № 47, с.31-33.
11. Конфликты в СНГ: некоторые вопросы методологии исследования. // Мировая экономика и международные отношения, 1994, № 8-9, с.60-75.
12. Косолапов Н. Конфликты постсоветского пространства и современная конфликтология (статья первая). // Мировая экономика и международные отношения, 1995, №10, с.5-17.
13. Косолапов Н. Конфликты постсоветского пространства: политические реалии (статья вторая). // Мировая экономика и международные отношения, 1995, №11, с.36-48.
14. Косолапов Н. Конфликты постсоветского пространства: проблемы дефиниции и типологии (статья третья). // Мировая экономика и международные отношения, 1995, №12, с.35-47.
15. Косолапов Н. Конфликты постсоветского пространства: фактор стабильности (статья четвёртая). // Мировая экономика и международные отношения, 1996, № 2, с.5-16.
16. Круглашов А., Петрова І. Чи допоможуть європейські ліки хронічній кризі Придністров'я? // Політика і час, 2006, №4, с.44-58.
17. Круглашов А., Ткачов К. Придністровський конфлікт: локальне випробування глобальної ролі ЄС. // Україна-Румунія-Молдова: історичні, політичні та культурні аспекти взаємин у контексті сучасних європейських процесів. - Чернівці: Букрек, 2009, Т.3, с.364-383.
18. Мирский Г. Ещё раз о распаде СССР и этнических конфликтах. // Мировая экономика и международные отношения, 1997, №2, с.12-22.
19. Мяло К. Бабье лето в Приднестровье. // Новое время, 1991, №40, с.6-8.
20. Мяло К. Бремя суверенитета. // Новое время, 1990, №45, с.28.
21. Мяло К. Приднестровье: весна цвета хаки. // Новое время, 1992, №16, с.20-23.
22. Новикова О.О. Европейский союз в системе международной безопасности: новые инструменты кризисного урегулирования. // Полис, 2008, №4, с.174-184.
23. Олещук Ю. Можно ли создать противоконфликтную систему в СНГ? // Мировая экономика и международные отношения, 1995, №12, с.97-105.
24. Перепелица Г.Н. Конфликт в Приднестровье. Доступно в сети Интернет: Портал о конфликте в Приднестровье 1992 года <http:// voyna1992.ru/public/11-konflikt-v-pridnestrove-g.-n.-perepelica.html> [просмотрено 21 февраля 2009 г.].
25. Петров Н.В. Что такое полиэтнизм? (Территориально-этнические притязания и конфликты в бывшем СССР). // Полис, 1993, №6, с.6-15.

26. Петрова І. Етнополітичні конфлікти у Придністров'ї та Боснії й Герцеговині - загроза європейським інтеграційним процесам. // Політологічні та соціологічні студії. Т.IV. - Чернівці: Прут, 2006. с.178-191.
27. Петрова І. Інтереси та впливи Румунії. // Україна-Румунія-Молдова: історичні, політичні та культурні аспекти взаємин у контексті сучасних європейських процесів. - Чернівці: «Букрек», 2006, с.353-367.
28. Петрова І. Проблема ефективності дипломатичних заходів держав-гарантів по врегулюванню придністровського конфлікту. // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Випуск 12. - Рівне: РДГУ, 2008, с.258-263.
29. Пінцак В.І. Придністровський конфлікт: історіографічний аналіз. // Історична панорама. - Чернівці, 2004. Вип.1, с.89-95.
30. Пінцак В. Придністровський конфлікт як фактор ускладнення транскордонних взаємин України. // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Випуск 12. - Рівне: РДГУ, 2008, с.207-209.
31. Примуш М., Чальцева О. Транскордонні держави: Україна, Молдова і Румунія на шляху до євроінтеграції. // Україна-Румунія-Молдова: історичні, політичні та культурні аспекти взаємин у контексті сучасних європейських процесів. - Чернівці: «Букрек», 2006. с.210-223.
32. Пять лет ПМР. - Тирасполь: республиканское управление культуры, 1995.
33. Стати В. История Молдовы. - Кишинёв, 2003.
34. Тренин Д., Макаренко В. 14-я армия уйдёт. Чтобы остаться? // Новое время, 1992, №23. с.6-8.
35. Федулова Н. «Замороженные конфликты» в СНГ и позиция России. // Мировая экономика и международные отношения, 2008, №1, с.57-67.
36. Царану А. К вопросу о генезисе Приднестровского конфликта в Республике Молдова. // Межэтнические отношения в посткоммунистических государствах: материалы международной научно-практической конференции. - Кишинёв: Фонд Фридриха Эберта, 2002, с.102-129.
37. Яковлев В.Н. Тернистый путь к справедливости. - Тирасполь, 1993.
38. Ciobanu C. NATO/EU Enlargement: Moldova and the "Frozen and Forgotten" Conflicts In Post-Soviet States. - Washington, D.C.: US Institute of Peace. 2004. Страницы: онлайн. Доступно в сети Интернет: Institutul de Politici Publice <www.ipp.md/public/biblioteca/74/en/Report%2July%2025,%20revised.doc> [просмотрено 26 марта 2009 г.].
39. Emerson M. Should the Transnistrian tail wag the Bessarabian dog? // Journal of Foreign Policy of Moldova, 2003, No.12. Страницы: онлайн. Доступно в сети Интернет: Central and Eastern European Online Library <www.ceeol.com> [просмотрено 26 марта 2009 г.].

40. Emerson M., Vahl M. Moldova and the Transnistrian conflict. Страницы: онлайн. Доступно в сети Интернет: Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe <www.ecmi.de/jemie/download/1-2004Chapter4.pdf> [просмотрено 26 марта 2009 г.].
41. Gheorghiu V. Moldova on the way to the European Union: distance covered and next steps to be done. - Chişinău: Institute for Public Policy. 11 pp. Доступно в сети Интернет: Institutul de Politici Publice <www.ipp.md/ biblioteca.php?l=en&idc=32> [просмотрено 26 марта 2009 г.].
42. Gheorghiu V., Nantoi O., Popescu N. External Factors in the Transnistria Conflict Settlement: a Role for the European Union. // Journal of Foreign Policy of Moldova, 2004, No.3. Страницы: онлайн. Доступно в сети Интернет: Central and Eastern European Online Library <www.ceeol.com> [просмотрено 26 марта 2009 г.].
43. Munteanu I., Munteanu A. Transnistria: a paradise for vested interests. // Journal of Foreign Policy of Moldova. 2007, No.4, p.51-66. Доступно в сети Интернет: Central and Eastern European Online Library <www.ceeol.-com> [просмотрено 26 марта 2009 г.].
44. Nantoi O. The Ukrainian Plan on Transnistria: Pros and Cons. // Journal of Foreign Policy of Moldova, 2005, No.6. Страницы: онлайн. Доступно в сети Интернет: Central and Eastern European Online Library <www.-ceeol.com> [просмотрено 26 марта 2009 г.].
45. Ora J. Frozen conflicts and the EU – a search for a positive agenda. // Estonian Ministry of Foreign Affairs Yearbook, 2006, p.50-58. Доступно в сети Интернет: Estonian Ministry of Foreign Affairs <web-static.vm.ee/ static/failid/192/Jaap_Ora.pdf> [просмотрено 26 марта 2009 г.].
46. Pellon G. Top-down internationalisation of the Transnistrian conflict: qualitative analysis of multiple-actor conflict management. Louvain-La-Neuve: Universite Catholique de Louvain. Доступно в сети Интернет: Centre d'Etude des Crises et des Conflits Internationaux <www.cecri.ucl.ac.be/ GPellonPP318.pdf> [просмотрено 26 марта 2009 г.].
47. Popescu N. European Union's foreign policy change towards Moldova. - Bucharest: National School of Political Studies and Public Administration, NATO Studies Center, 2003.
48. Popescu N. Moldova's European Policy Options. // Journal of Foreign Policy of Moldova, 2004, No.2. Страницы: онлайн (10 стр.). Доступно в сети Интернет: Central and Eastern European Online Library <www.ceeol. com> [просмотрено 26 марта 2009 г.].
49. Popescu N. The EU and Transnistria. - Budapest: Centre for Policy Studies, CEU, Open Society Institute, 2005/2006.
50. Popescu N. The EU in Moldova. Settling conflicts in the neighbourhood. // Journal of Foreign Policy of Moldova, 2005, No.12. Страницы: онлайн

(50 стр.). Доступно в сети Интернет: Central and Eastern European Online Library <www.ceeol.com> [просмотрено 26 марта 2009 г.].
51. Racz A. The EU Border Assistance Mission to Ukraine and Moldova: a preliminary analysis. // Journal of Foreign Policy of Moldova, 2005, No.12. Страницы: онлайн (8 стр.). Доступно в сети Интернет: Central and Eastern European Online Library <www.ceeol.com> [просмотрено 26 марта 2009 г.].
52. Vahl M. Europeanisation of the Transnistrian Conflict. CEPS Policy Brief No.73. May 2005. Доступно в сети Интернет: Centre for European Policy Studies <http://www.ceps.be> [просмотрено 17 мая 2008 г.].
53. Williams A. Conflict resolution after the Cold War: the case of Moldova. // Review of International Studies, 1999, No.25, p.71-86.

Представлен в редакцию
14 января 2010 года

MOLDOSCOPIE
(PROBLEME DE ANALIZĂ POLITICĂ)

Nr.1 (XLVIII), 2010

REVISTĂ ŞTIINŢIFICĂ TRIMESTRIALĂ

Bun de tipar 9.03.2010. Formatul 70x100 $^{1}/_{16}$.
Coli de tipar 16,5. Coli editoriale 13,6.
Comanda 52. Tirajul 50 ex.

Centrul Editorial-Poligrafic al USM
str. Al.Mateevici, 60, Chişinău, MD 2009